

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 7 / 2018

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Истина и справедливость в праве: история поиска

<i>Исаев И.А.</i> Закон как метафора справедливости	3
<i>Воскресенский Ф.А.</i> Отражение категории «истина» в российском уголовно-процессуальном законодательстве XI — первой половине XIX вв.	8
<i>Колосов И.В.</i> Рецепция правовых идей И. Бентама и И. Канта в современных течениях утилитаризма	13
<i>Киселева Е.Ю.</i> Государственно-правовые воззрения отцов церкви	19
<i>Латышева Н.А.</i> Священнослужители как участники отечественного дореволюционного судебного процесса	24
<i>Мионов Ю.И., Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П.</i> Русская православная церковь и коррупция в XI—XV вв.	29
<i>Салимгареева А.Р.</i> Вопросы христианизации и свободы вероисповедания аборигенного населения Обского Севера: поиски путей решения этнополитических проблем XVII — начала XIX вв.	37

Право и политика: исторические аспекты

<i>Чеджемов С.Р.</i> Российская империя: историко-правовой аспект проблемы вхождения народов и присоединения территорий, или К вопросу о том, справедливы ли некоторые высказывания К. Маркса по поводу внутренней политики России?	42
<i>Андреева О.А.</i> Теоретические обоснования революции русской философской мыслью конца XIX — начала XX вв.: возможна ли замена революции другими инструментами общественного прогресса	47
<i>Андреев И.В., Лебедев И.М.</i> Партийные фракции в Государственной Думе: исторический быт и современность	52
<i>Потапова Н.В.</i> Государственная политика «централизации культа» и создание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов СССР (1940-е — начало 1950-х гг.)	58
<i>Михайлова Е.М.</i> Институт самодержавной власти в государственно-правовой концепции П.Е. Казанского: постановка проблемы	63
<i>Митина С.И.</i> Исторические корни конституционно-правовой ответственности должностных лиц (на примере российского законодательства XVIII — первой половины XIX в.)	69
<i>Ахмедов Р.М.</i> К вопросу о генезисе взаимоотношений институтов государства и религиозных объединений в российском обществе: современный взгляд к специфике периодизации	75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 18.06.2018.

Номер вышел в свет 18.07.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 7 / 2018

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Truth and Justice in the Law: the History of Search

<i>Isaev I.A.</i> The Law as a Metaphor of Justice	3
<i>Voskresenskiy E.A.</i> Reflection of the Truth Category in the Russian Criminal Procedure Laws of the XI to the I Half of the XIX Century	8
<i>Kolosov I.V.</i> Reception of Legal Ideas of J. Bentham and I. Kant in the Modern Utilitarianism Tendencies	13
<i>Kiseleva E.Yu.</i> State and Legal Ideas of the Church Fathers	19
<i>Laty'sheva N.A.</i> Church Officers as Participants of the Domestic Pre-Revolutionary Judicial Procedure	24
<i>Mironov Yu.I., Nikolaev N.Yu., Ramazanov S.P.</i> The Russian Orthodox Church and Corruption in the XI to the XV Centuries	29
<i>Salingareeva A.R.</i> The Issues of Conversion to Christianity and Free Exercise of Religion of the Aboriginal Population of the Ob North: Searching for New Ways to Solve Ethnopolitical Problems of the XVII to the Beginning of the XIX Century	37

Law and Politics: Historical Aspects

<i>Chedzhemov S.R.</i> The Russian Empire: Historical and Legal Aspect of the Issue of Inclusion of Peoples and Accession of Territories — or on the Issue of Truthfulness of Some Statements of K. Marx on the Domestic Policy of Russia? ..	42
<i>Andreeva O.A.</i> Theoretical Substantiations of the Revolution by the Russian Philosophy of the Beginning of the XIX to the Beginning of the XX Century: Can Revolution be Replaced by Other Instruments of Social Progress?	47
<i>Andreev I.V., Lebedev I.M.</i> Party Factions in the State Duma: Historical Experience and the Modern Times	52
<i>Potapova N.V.</i> State Policy of "Cults Centralization" and Establishment of the All-Union Board of Evangelical Protestant Baptists of the USSR (in the 1940s to the Early 1950s)	58
<i>Mikhaylova E.M.</i> The Institute of Autocratic Power in the State Legal Concept of P. E. Kazanskiy: Problem Setting	63
<i>Mitina S.I.</i> Historical Roots of the Constitutional Legal Responsibility of Officials (on the Example of the Russian Laws of the XVIII to the First Half of the XIX Century)	69
<i>Akhmedov R.M.</i> On the Issue of Genesis of Relationship between the Institutes of State and Religious Associations in the Russian Society: Modern Opinion on the Specific Features of Periodization	75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 6,25.
Conventional printed sheet 6,25.
Passed for printing 18.06.2018.
Issue was published 18.07.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Закон как метафора справедливости

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В данной статье затрагиваются фундаментальные аспекты правового познания, направленного на поиск истины. Истина и справедливость постигаются правовым сознанием по средствам использования техники метаморфического толкования. Метафора, выраженная в законе, становится не только символическим обозначением искомой истины, но и самой истиной. Такой «нормативистский» подход чреват определенными опасностями. Поэтому он требует корректировки посредством применения эстетических и нравственных критериев. Особую роль в этом процессе играют духовные и религиозные ценности.

Ключевые слова: *правопонимание, правосознание, правовые ценности, метафора, толкование, легитимность, легальность, право, закон, справедливость, равенство, истина, насилие.*

The Law as a Metaphor of Justice

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

In this article, the author considers the fundamental aspects of legal learning aimed at the search of the truth. The truth and justice are perceived by the legal conscious by means of metamorphic interpretation. The metaphor expressed in the law becomes not only a symbol of the searched truth, but the truth itself. Such a "normativistic" approach has some hazards. In this connection, it requires correction by means of application of aesthetical and moral criteria. Spiritual and religious values are of special importance in this process.

Keywords: *legal consciousness, legal awareness, legal values, metaphor, interpretation, legitimacy, legality, right, law, justice, equality, truth, violence.*

Форма как таковая есть самая древняя «норма», а интерпретирующая ее метафора есть «определение-образ». Мысленное, или «фантомное», государство, по Гегелю, в системе государственного права и государственных законов умозрительно представляло прямую линию, а то, в чем это мысленное государство должно было быть реализовано, обретало форму окружности. При этом такая «окружность» не создавала непреодолимой несоизмеримости с прямой линией фактически, так как сама она не прибегала к каким-либо формам насилия, беззакония или произвола. Более того, ее существование в качестве «линии, несоизмеримой к прямой», как раз и было возведено в право: она «действовала в соответствии с правом, вступая при этом в противоречие с государственным правом, действовала законно — вступая в противоречие с государственными законами».

Сущность обоих принципов — легальности и моральности — составляет не абстракция, а жизненность нравственного: естественному праву дано в качестве его сущности формальное и отрицательное, морали же — абсолютное и положительное, считал Гегель¹. За правовой нормой всегда присутствует норма моральная, познать которую не удастся с помощью только логики или анализа детерминанты: необходимым здесь представляется переход с понятийного уровня на уровень образный и метафора играет здесь определяющую роль.

Вико одним из первых признал за метафорой собственное право на познание. «Логика фантазии» позволяет именно метафоре по-

¹ Гегель В.Ф. Конституция Германии // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 108–109.

знать мир. Сама же метафора вовсе не есть истина и имеет ту же структуру, что и то, против чего она направлена: «Механизм метафоры как бы приручает чужое», и это свидетельствует об исключительной способности метафоры к приспособлению и посреднической деятельности, особенно там, где «суждение вообще не может прийти к цели из-за своего притязания на идентичность или потому, что его предмет предъявляет чрезмерные требования к методу», оказываясь слишком обширным — «мир», «жизнь», «история», «закон»². Метафоры не воспринимают в себя существующие сходства, но сами же их и создают: они ее демиургические инструменты. В этой связи Вико говорил об «инстинкте создания метафоры», и с этим вполне соглашался Ницше.

Когда Достоевский и Ницше заметили, что «Бог умер», они посчитали, что непосредственным следствием этого события должно стать превращение человека в некоего монстра. И для такого героя без стоящих перед ним задач и свойств появилось самое «суровое испытание *misterium burocraticum* вины и наказания». В нем мистерия обрела свое церемониальное завершение, это — мистерия без спасения и без искупления, где вина и наказание интегрированы в самом человеческом существовании, в котором уже нет ничего потустороннего и которому нельзя придать хоть какой-то внешний смысл: «В нем есть мистерия с ее непостижимыми жестами, с ее таинственными формулировками, но она уже до такой степени растворена в человеческой жизни, что теперь полностью сливается с ней, не оставляя в ней ни проблесков потустороннего света, ни какой-либо возможности правосудия»³.

Метафорический характер нормы имеет древнейшие истоки в поэтической юриспруденции Востока и Запада, а сакральные черты закона сохраняются в скрытом или тайном виде и в современную эпоху: «поклонение закону» — базовый догмат всякого правового государства. Вместе с тем относительность истины и авторитета, закону присущая, позволяет нередко толковать его именно в этой специфической форме метафоры, а сама конструкция суверенитета, как основывающегося на «двух телах» короля, своей метафоричностью обуславливала статус нормативности, которая обеспечивала одновременно как все-

ластие, так и ограниченность законодательных прерогатив суверена.

Кант заверял: «...то, что наши ограниченные умы видят как возмутительные нарушения, с точки зрения бесконечного разума Бога, является составляющими элементами всеобщей гармонии». Когда мы приближаемся к закону слишком близко, его совершенное величие превращается в непристойную отвратительную чудовищность. Закон больше не рассматривается как зависимый от добра, напротив, само добро сделали зависимым от закона. Он уже не основывается на некоем высшем принципе, наделяющем его властью, теперь он самообоснован и правомерен в силу собственной формы.

Уже у Канта объект закона непостижим и неуловим, он функционирует, так и не будучи известен. Субъект знает, что существует закон, но ему неизвестно, каким этот закон является. Поэтому уже в силу факта своего существования субъект оказывается виновным, даже не зная, в чем заключается его вина, преступающим закон, не зная его точных постановлений. Закон определяет область нарушений, где субъект уже виновен, где он нарушает границы, даже не зная, где они проходят (как в случаях с Эдипом и Кафкой). Даже вина и наказание не объясняют закон и оставляют в состоянии неопределенности, приравненной только к крайней специфичности наказания (Жиль Делёз)⁴.

Де Местр часто повторял, что «законодатель подобен Создателю», он не работает постоянно, не покладая рук, он творит и затем отдыхает». Законодатель вынужден вмешиваться, только если что-то в законах, им созданных, портится, и чем больше наличествует в его законодательстве сугубо человеческого, тем чаще он таким образом вынужден вмешиваться: творчество законов — это показатель человеческого несовершенства. Действия людей, направленные вопреки божественным установлениям, ведут лишь к тому, что они, сами того не сознавая, ускоряют собственное падение и соответственно торжество подлинных законов, подлинной «неписанной конституции», сформулированной в божественном или естественном праве⁵.

Чтобы избежать подобной ошибки, древние говорили не столько о всевластии закона, сколько о «правом пути» к благу, тому пространству, откуда первоначально эти законы проистекают. Но платонизм, провозгласив идею главной инстанции жизни, подготовил

² Цилл Р. Субструктуры мышления // История понятий, история дискурса, история метафор / ред. Х.Э. Бедкер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 176–179.

³ Агамбен Д. Костер и рассказ. М.: Грюндриссе, 2015. С. 27.

⁴ Цит. по: Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. С. 352, 364.

⁵ Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2015. С. 357–358.

почву для развития «идеологии суждения», в которой логика суждения стремилась установить критерии истинных идей.

Христианство превратило суждение в главный закон жизни и орудие господства над жизнью: «именем этого истинного трансцендентного мира судится всякое, всякое почитание, всякий росток и всякий орган мира», «трансцендентный закон распространяет свою власть на все возможности органического, имманентного существования. Человек подсуден трансцендентности не потому только, что подлинное царствие его переносится в бесконечность, тогда как конечное, „здешнее“, „теперешнее“ существование представляется чем-то вроде отсрочки перед жизнью истинной», но и потому, что земная жизнь отравляется неизбежным сознанием неоплатного долга по отношению к трансцендентности (Жиль Делез)⁶. (Но такая мистика, не воплощающаяся в дело и только ожидающая прихода «нового царства», легко и часто вырождалась в вульгарную мечту о даровом богатстве, о «хитрой науке». «Связь между усыплением народного духа и торжеством „воровской утопии“ (Евгений Трубецкой) очевидна: где светлые силы дремлют и только грезят, там темные силы действуют и разрушают, страна оказывается в положении человека, которого обворовали в глубоком сне⁷. Искателей чудесного манит сама неизвестность искомого, отсюда и странное преклонение перед «мудростью незнания», идущее еще от Сократа.)

Природный закон питает суверенность, человеческий закон чертит границы суверенитета. Софисты были настоящими «модернистами» и декадентами для греческой политической культуры, и Ницше слишком хорошо знал эту культуру как филолог, чтобы противостоять ее влиянию на современное мышление. Переоценка всех ценностей производилась еще софистом Каликлом: «...мы воспитуем самых лучших и сильных среди нас... словно львят и приручаем их заклинаниями и ворожбой, внушая, что каждый должен довольствоваться равным с другими и что именно это — прекрасно и справедливо». Когда же появляется человек с действительно сильной природой, то он стращивает с себя все эти предписания, волшебство и чародейство как противоречащие природе законы, он оказывается «господином». Для этой точки зрения закон — искусственное ограниче-

ние, договоренность организованных слабых: с целью сковать и принудить своих естественных господ, сильнейших выполнять свою волю. Природное право вступает в острый конфликт с человеческим.

Этот последний воспринимается только с внешней стороны, и не как запечатленный внутри человека образ мыслей, а как угрожающий барьер, который не дозволено переступать. Но если внутренней обязывающей силы у закона нет и справедливость — лишь внешняя лояльность поведения, позволяющая избежать наказания, то такой закон не будет выполняться искренно.

Нормой же природы даже и в отсутствие свидетелей нельзя пренебрегать безнаказанно: «Здесь нужно оглядываться не только на „видимость“, но и на истину». И Аристотель говорил, что для государства лучше иметь плохие, но прочные законы, чем постоянно меняющиеся, даже если они оказались хорошими⁸. Мнение, даже мнение большинства, никоим образом не ведет к истине: истина не рождается в споре, она просто-напросто существует сама по себе.

Законодательство Заратустры уже по существу фиктивно: его законодательство обращено не ко всем, а только к некоторым, не к народу, а к избранным. Законодательство есть признак господства над другими, и за невозможностью создать единое законодательство Ницше прямо заявляет: «Заратустра есть герольд, который вызывает множество законодателей». Но множество законодателей, из коих каждый законодательствует только для себя, означает отсутствие какого-либо законодательства. Но и закон нужен для того, чтобы вызвать противоречия: «...от меня должен исходить закон, как будто я всех хочу пересоздать по моему образу, дабы в борьбе против меня личность познала себя и окрепла... В конце концов Ницше так и умер с неразрешимым вопросом: „какой смысл заключается вообще в издании законов“ („Так говорил Заратустра“)⁹.

Идеология суждения тем самым являла собой и претендовала на власть судить все и каждого именем какого-то невидимого закона, даже если тот в ходе применения упрочивал свою очевидность: из этого следовало, что отнюдь не благо определяет законы, но закон — благо. Идеология суждения уже у Аквината и Кузанца трансформировалась во «всеобъем-

⁶ Делез Ж. Ницше / пер. с фр. С.Л. Фокина. СПб. : Аксиома, 1997. С. 181.

⁷ Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели // Избранное / науч. ред. О.В. Кирьязов. М. : Канон, 1995. С. 429.

⁸ Йегер В. Пайдейя: воспитание античного грека. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. Т. 1. С. 377, 383.

⁹ Трубецкой У. Философия Ницше // Галеви Д., Трубецкой Е. Фридрих Ницше. М. : Эксмо, 2003. С. 465–466.

лющую метафизическую машину, которая хотела контролировать и организовывать всякое движение физической жизни: от суждения удалось уклониться разве что имманентности и «телу без органов» (термин, введенный А. Арто в эстетику), не представляющему собой организма или иерархии, феноменам, которые упорно противились любому уровню организации власти¹⁰. При этом «тело без органов» могло означать как народ без государства, так и государство без территории, пустое пространство или территорию без населения, во всяком случае, и такой субъект должен был быть хотя бы соотнесен и сопоставлен с некоей властной структурой, опять-таки выносящей суждение: отсутствие властного центра («головы») лишало тело жизнеспособности.

Аморфное состояние проистекало из архаического смещения публичной и частной сфер существования, напрочь снимая проблему суверенитета и неправомерно отождествляя свободу с суверенностью. (Бенжамен Констан в ретроспективе различал свободу у древних и свободу у современных людей: у древних она выражалась в активном участии граждан в общественных делах, свобода же современных граждан приняла форму права на достаточное частное и конкретное пространство. Якоб Буркхард развивал эту идею: «...слово „свобода“ звучит красиво, но о ней не должен говорить тот, кто не видел и не чувствовал своего бессилия перед громогласной толпой, называемой „народом“. Я слишком хорошо знаю историю, чтобы не ожидать от деспотизма толпы ничего, кроме тирании, приход которой будет означать конец истории.»)

Истории же, чтобы она могла вновь встать на службу жизни, «следует перестать быть наукой» (Ницше): надисторическое отвлекает внимание от процесса становления и переводит его на то, что вечно и значение чего не меняется. Такая аналогия может быть перенесена и в правовую область — существует некий потенциальный «идеальный», «долженствующий быть» закон и закон в действии, в форме правоприменения, в форме акта. И, как это ни парадоксально, познаваем идеальный и вечный закон (хотя непознаваемы создающие его факторы), а непознаваемы будущие результаты закона действующего и становящегося.

Романтическое восприятие отвергало юридическое как «нечто для себя тесное и механическое» и искало «государства, возвышающегося над правом и несправедливостью», т.е. такой исходный пункт для чувств, который стал бы адекватной «проекцией самого романтического субъекта в политическую сферу»: еще Адам Мюллер говорил с нескрываемым пренебрежением о «машине законов», поэтическая красота и легитимность никак не связаны между собой, а романтический эстетизм порождал в сфере политического какой-то «вечный разговор, настоящий культ субъективного обмена мнениями» (К. Шмитт). (Центральным пунктом романтического мышления была критика главной темы социальной философии Просвещения — правовой фигуры договора: «Романтическая критика архетипической схемы договора всегда ориентировалась на неизбежную полярную противоположность индивида и общества.»)

Мнение или суждение всегда свидетельствует о породившем его знании, но отнюдь не само знание приводит в действие и движение коллективного субъекта, но свобода с ее самообоснованностью: историческая эпопея коллективного субъекта — это его вечная борьба за освобождение от всего того, что ему мешает: «Законы, которые он себе формулирует, справедливы, но не потому, что они соотносятся с какой-то внешней природой, а потому, что законодатели сами состоят из тех же граждан, подчиняющихся этим законам, а отсюда и воля гражданина, желавшего, чтобы закон творил правосудие, вполне совпадает с волей законодателя, желающего чтобы правосудие творило закон»¹¹; и легитимность уже знания заключена в том, чтобы дать возможность нравственности стать действительностью. (Все персонажи кафкианского «Процесса» обязаны знать закон, и не имеет значения, применим ли он и действителен ли на самом деле. У Кафки суверенность поглощается господством, а мораль исчезает за нормативными нагромождениями законодателей: более точного ощущения прихода современности в человеческий мир трудно найти. И речь священника в соборе, выносящего последний приговор, напоминает по тональности речь Великого Инквизитора.)

¹⁰ Делез Ж. Указ. соч. С. 179–182.

¹¹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2014. С. 88.

Литература

1. Агамбен Д. Костер и рассказ / Д. Агамбен. М.: Грюндриссе, 2015. 192 с.
2. Гегель В.Ф. Конституция Германии / В.Ф. Гегель // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 108–109.
3. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез; пер. с фр. С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома, 1997. 186 с.
4. Жижек С. Чума фантазий / С. Жижек. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 388 с.

5. Йегер В. Пайдейя: воспитание античного грека / В. Йегер. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. Т. 1. 594 с.
6. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетея, 2014. 159 с.
7. Трубецкой Е.Н. Иное царство и его искатели / Е.Н. Трубецкой // Избранное; науч. ред. О.В. Кирязев. М.: Канон, 1995. 475 с.
8. Трубецкой У. Философия Ницше / У. Трубецкой // Фридрих Ницше; Д. Галеви, Е. Трубецкой. М.: Эксмо, 2003. 476 с.
9. Цилл Р. Субструктуры мышления / Р. Цилл // История понятий, история дискурса, история метафор; ред. Х.Э. Бедекер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 319 с.
10. Шмитт К. Политический романтизм / К. Шмитт. М.: Праксис, 2015. 462 с.

References

1. Agamben G. Koster i rasskaz [The Fire and the Tale] / G. Agamben. Moskva: Gryundrisse — Moscow: Grundrisse, 2015. 192 s.
2. Hegel W.F. Konstitutsiya Germanii [The German Constitution] / W.F. Hegel // Politicheskie proizvedeniya [Political Works]. Moskva: Nauka — Moscow: Science, 1978. S. 108–109.
3. Deleuze G. Nitsshe; per. s fr. S.L. Fokina [Nietzsche; translated from French by S.L. Fokina] / G. Deleuze. Sankt-Peterburg: Aksioma — Saint-Petersburg: Axiom, 1997. 186 s.
4. Žižek S. Chuma fantaziy [The Plague of Fantasies] / S. Žižek. Kharkov: Gumanitarny'y tsentr — Kharkiv: Center for the Humanities, 2012. 388 s.
5. Jaeger W. Paydeyya: vospitanie antichnogo greka [Paideia: The Ideals of Greek Culture] / W. Jaeger. Moskva: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina — Moscow: Yu.A. Shichalin's Greco-Latin Office, 2001. Vol. 1. 594 s.
6. Lyotard J-F. Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition] / J-F. Lyotard. Sankt-Peterburg: Aleteya — Saint Petersburg: Aletheia, 2014. 159 s.
7. Trubetskoy E.N. Inoe tsarstvo i ego iskateli [A Different Kingdom and Its Seekers] / E.N. Trubetskoy // Izbrannoe; nauch. red. O.V. Kiryazev [Selected Works; scientific editor O.V. Kiryazev]. Moskva: Kanon — Moscow: Canon, 1995. 475 s.
8. Trubetskoy U. Filosofiya Nitsshe [The Philosophy of Nietzsche] / U. Trubetskoy // Fridrikh Nitshe; D. Galevi, E. Trubetskoy [Friedrich Nietzsche; D. Halévy, E. Trubetskoy]. Moskva: Eksmo — Moscow: Eksmo, 2003. 476 s.
9. Zill R. Substruktury' myshleniya [Substructures of Thought] / R. Zill // Istoriya ponyatyi, istoriya diskursa, istoriya metafor; red. Kh.E. Bedeker [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors; edited by H.E. Bödeker]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow: New Literary Overview, 2010. 319 s.
10. Schmitt C. Politicheskiy romantizm [Political Romanticism] / C. Schmitt. Moskva: Praxis — Moscow: Praxis, 2015. 462 s.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

**буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры**

Отражение категории «истина» в российском уголовно-процессуальном законодательстве XI – первой половине XIX вв.

*Воскресенский Федор Александрович,
аспирант кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
voskresensky@mail.ru*

Учитывая актуальность дискуссий, касающихся института установления объективной истины в российском уголовном процессе, автором проведено исследование отражения данной категории в ходе исторического развития русского права. В статье исследуется закрепление категорий «истина» и «правда» в русском законодательстве, регламентирующем уголовный процесс на протяжении XI–XIX вв. Анализируются наиболее крупные правовые памятники русского права эпохи Древней и Московской Руси, а также законодательство периода абсолютизма. Делается вывод о том, что категории «правда» и «истина» всегда были присущи русскому уголовному процессу. Сущность уголовного процесса оценивалась как вид деятельности, призванный установить обстоятельства совершенного преступления в соответствии с истиной.

Ключевые слова: *русское уголовное судопроизводство, категория истины, правда, установление истины, законодательство Древней Руси, периода Московской Руси, законодательство XVIII–XIX вв.*

Reflection of the Truth Category in the Russian Criminal Procedure Laws of the XI to the I Half of the XIX Century

*Voskresenskiy Fedor A.
Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Justice
and Prosecutorial Supervision of the Lomonosov Moscow State University (MSU)*

There are urgency of the discussions concerning the institution of establishing objective truth in the Russian criminal process. The author conducted a survey of this category in the course of the historical development of Russian law. The article examines the securing of categories of truth and veracity in the Russian legislation regulating the criminal process during the XI–XIX centuries. The largest legal monuments of the Russian law of the Ancient and Moscow Rus period, as well as the legislation of the absolutism period are analyzed. References to these and other normative acts containing categories of truth and veracity are given. It is concluded that the categories of truth and veracity have always been inherent in the Russian criminal process. Accordingly, the norms, designed to help establish the true circumstances of the committed crime, were regularly included in the texts of legal acts. The essence of the criminal process was assessed as a kind of activity designed to establish the circumstances of the crime committed, in accordance with the truth.

Keywords: *Russian criminal proceeding, category of truth, truth, veracity, legislation of Ancient Rus, the period of Moscow Rus, legislation of the XVIII–XIX centuries.*

В настоящее время обострились дискуссии, касающиеся института объективной истины в российском уголовном процессе. Однако сложно понять истину в процессе как концептуальное понятие, вне рамок исторического развития русского права, в связи с чем анализ русского законодательства XI–XIX вв. позволяет определить исторические традиции отношения законодателя к месту указанного института в русском уголовном судопроизводстве.

В контексте изучаемого нами вопроса проведем для начала лексический анализ понятий «правда» и «истина», тем более что первый анализируемый нами правовой памятник содержит «правду» в своем названии.

«Истина» — действительность, законность, правда, справедливость, верность¹.

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Репринт. изд. М., 1989. Т. 1. С. 1143.

«Правда» — правда, истина; справедливость; добродетель, законы; суд; подтверждение; доказательство². Особенно интересной для нас является синонимия понятий «правда» и самого суда как такового³. Аналогичные филологические смыслы, придаваемые слову «Правда (Правьда)» содержатся в иных словарях древнерусского языка⁴.

Лексический анализ показывает, что в древнерусском сознании в рассматриваемый исторический период общенародное понимание слов «истина» и «правда» было идентичным. Да и в наше время они являются понятиями одного смыслового ряда, относящегося и к познавательной, и к морально-нравственной сфере.

Начиная с истоков русской правовой мысли, с точки зрения полноты содержания норм уголовного и уголовно-процессуального права важнейшее место занимает Русская Правда. Пространная ее редакция упоминает «правду» в ст. 21, регламентирующей поединок: «...то(да)ти им правду железом»⁵, в ст. 85, предусматривающей порядок допроса свидетелей, являющихся холопами: «Ты тяже все судят (с) послухи свободными; будет ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити»⁶. По мнению Н.Л. Дювернуа, направленность на установление материальной истины — это такая черта, которую нельзя не заметить в Русской Правде и в последующих памятниках⁷.

От судей требовалось серьезное, беспристрастное отношение к суду, одинаковое и для друга, и для врага, для боярина и простолюдина. Таково основное требование к осуществлению правосудия, предъявляемое к судьям обществом, а затем санкционированное властью. Общество не требовало от суда ни снисхождения, ни милости, но настаивало на справедливости судебного решения. Характерно в этом смысле требование к судьям, сформулированное в ст. 3–5 Псковской Судной грамоты: «А которому посаднику сести на посадниство, ино тому посаднику крест целовати

на том, что ему судит право по крестному целованию... а правого не погубити, а виноватого не жаловати, а без исправы человека не погубити ни на суду, ни на вечи»⁸. Об этом же упоминается в ст. 59, 77⁹. Требование «судити право по крестному целованию», относящееся и к князю, и вообще к любому лицу, исполняющему судебские функции, встречается и в тексте Новгородской Судной грамоты (ст. 4)¹⁰.

Следующими крупными правовыми актами, принятыми на Руси, были Судебники 1497 и 1550 гг. Происходит все большее расширение разыскных начал в процессе, изменяется положение суда, усиливается его активность. Суд не только требует доказательства от сторон, но и сам активно осуществляет их поиск. Выражение «сыскати всякими сыски накрепко» становится самой употребительной формулой в нормативных документах¹¹.

В Судебнике 1497 г. указано, чтобы впредь «от суда посулы не имати никому; а судом не мстите, не дружите никому и жалобников (судиям) от себя не отсылати, а давати всем... управа во всем»¹². Слово «правда» фигурирует в ст. 29, 38, 44, 47, 64, 67, регламентирующих вопросы осуществления судебностественных действий. Например, в ст. 29: «А хоженного на Москве, площедна неделцику десять денег, а на правду вдове; и от поруки...»¹³.

В Судебнике 1550 г. «правда» упоминается в ст. 2–4, 6, 25, 45, 51, 62, 69, 99. В частности, в ст. 6: «А виноватый солжет на боярина..., а обыщется (откроется) то вправду, что он солгал, и того... казнити... бити»; в ст. 51: «А пересудчиком пересуд имать на виновном... да шлется на правду, и в том пересуд...»¹⁴; в ст. 99, регламентирующей общие условия судопроизводства, в том числе показания свидетелей («послухов»): «...а послуху не виде не послушествовали, а виде сказати правду»¹⁵.

В Судебнике царя Феодора Иоанновича 1589 г. требование правды на суде пронизывает содержание, находя закрепление в ст. 1, 2, 3,

² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Репринт. изд. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. С. 1355.

³ Там же. С. 1359.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. С. 99–101; Словарь старославянского языка. Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 3. С. 244–245.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. С. 65.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права, СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 194.

⁸ Российское законодательство X–XX веков. С. 332.

⁹ Там же. С. 337, 339.

¹⁰ Там же. С. 304.

¹¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 668.

¹² Юткин В. Судебник Ивана III — первый кодифицированный правовой акт на Руси // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 46–47.

¹³ Судебники Русского государства. Горький: Горьковский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1939. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Там же. С. 45.

26, 39, 94, 123, 158, 203, 211, 215, 216, 217, 218¹⁶. В ст. 1, определяющей общие начала суда того времени, указано: «*Суд цря великого князя судити бояромъ, и околничим, и дворецким, и казначиемъ, и земскийъ судьям, а въ суде дру-гу не мѣстити, а посуловъ не имати в суде; а на томъ велити судьям крестъ целовати, что посулов не имати, а судими в правду*»¹⁷. Указанное еще раз подтверждает, что царская власть требовала от судей двух самых главных вещей: не брать «посулов» (взятки) и судить «в правду» (по истине).

Таким образом, за полутысячелетний срок между первыми редакциями Русской Правды и принятием Судебника 1589 г. основная задача уголовного судопроизводства в России, сформулированная законодателем как судить «в правду», изменений не претерпела.

Вопросы уголовного судопроизводства в Соборном уложении 1649 г. регламентируются в главе 10 «О суде». В ст. 1 говорится: «*Суд государя и великого князя Алексея Михайловича... и всякая расправа делать всем людем Московского государьства от большаго и до меньшаго чину въправду. Также и приезжих иноземцов... тем судом судити и росправа делати по государеву указу въправду...*»¹⁸. Статьи 5 и 6 предполагают уже наказание судьям за неправосудные решения: «...*А будет который судья такую неправду учинит...*», «*Да и в городех воеводам и дьяком и всяким приказным людем за такие неправды чинити тот же указ*»¹⁹. Таким образом, устанавливаются карательные санкции за нарушение порядка судопроизводства, а главное — общих понятий о справедливом суде.

Статья 161 Соборного уложения регламентирует расследование и действия лиц, его осуществляющих: «*А про то сыщиком сказывати обыскным людем имянно, чтобы они сказывали во обыску прямо въправду, нико-го не бояся, и никому не нороя никоторыми делы... А будет они обыскные люди во обыску скажут не по правде, и им за то бытии от государя в великой опале и в казни. ...что бы они обыскивали въправду... А будет они сыщики учнут сыскивати не по правде для своей корысти...*»²⁰. Показательны в этом отношении ст. 162, 163, 173, 181, а также главы 11

«Суд о крестьянех» и 12 «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», где в ст. 2 указано: «*Да будет сыщета, что патриаршии судьи кого обвинят не по делу, и тем патриаршим судья за их неправду указ чинить против тогоже, как указано о государевых судьях*»²¹. Необходимость действовать с целью установления правды указана в ст. 9 главы XIV «О крестном целовании», ст. 53 главы XVII «О вотчинах», ст. 32 главы XVIII «О печатных пошлинах», ст. 109 главы XX «Суд о холопах».

В период царствования Петра I были приняты «Кратное изложение процессов и судебных тяжб» 1715 г. и Указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда». Указанные нормативные документы почти полностью посвящены вопросам судоустройства и процесса. Их введение в действие знаменует окончательную замену в России обвинительного типа процесса инквизиционным (розыскным), целью которого было установление материальной истины. Формулировка «Сыскать допряма», по мнению В.Д. Спасовича, непосредственно обозначает обязанность органа центральной власти собственным своим начинанием добиться ее раскрытия²².

В главе 2 «О признании» ч. 2 Кратного изложения процессов, регламентирующей собственное признание обвиняемого, указано, что оно признается правомочным при наличии других достоверных доказательств, которые должны быть достаточны, чтобы «и о правде не сумневатца»²³. Свидетели приводились к присяге, будучи обязанными «сущую правду доносить»²⁴. Судьям предписывается «прежде всемерно трудиться через иные способы правду изведать...» (ст. 7 главы 5 «Второй части процессу») ²⁵.

Требование установления правды (истины) содержатся и в Указе из Юстиц-коллегии в Расправную палату от 4 февраля 1719 г. «О правом и безволокитном вершении дел...», где подчеркивается, что «*фискальные и разбойничьи и татинные дела же, всемерно по тем рассматривать в саму правду, как суд Божий истинным быть имеет...*»²⁶. Таким образом, именно на судью, мыслимого как

²¹ Там же. С. 157.

²² Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 16.

²³ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 414.

²⁴ Там же. С. 415.

²⁵ Там же. С. 420.

²⁶ Законодательство Петра I, 1695–1725 годы / сост. В.А. Томсинов. М., 2014. С. 240.

независимый субъект, возлагалась обязанность установить истину по делу. Именно поэтому свидетелей мог допрашивать только судья, под которым понимался президент суда, а стороны не имели права этого делать²⁷.

В Екатерининскую эпоху ядром реформ стало издание первого в истории российского права крупного акта, специально посвященного местному управлению, — «Учреждения для управления губерний», которым императрица очень гордилась. Глава XIV посвящена деятельности сословного Верхнего Земского суда. В ст. 174 указано, что при подаче апелляционной жалобы вносится денежный залог и составляется расписка: «...переноситель да распишется вместо присяги, что он по истине думает, что он правое дело имеет...»²⁸. В ст. 181, регламентирующей порядок судопроизводства, указывается, что судья-докладчик «с точностью» докладывает остальным членам суда материалы дела, при этом прочие члены суда «прилежно смотрят, дабы из дела ничего пропущено не было, и доклад учинен был с точностью, чистосердечно и сходно с истиною»²⁹. Статья 316, регламентирующая перенос дел из губернского магистрата в вышестоящую палату, указывает, что проситель об этом обязан подробно расписать основания, «что он по истине думает, что он правое дело имеет...»³⁰. Статьи 173, 323 и 367 также требуют, чтобы в губернском магистрате «доклад был учинен с точностью, чистосердечно и сходно с истиною...»³¹.

В 1832 г. вышел Свод законов Российской империи, где в томе XV были собраны все нормативные положения, относящиеся к уголовно-процессуальному законодательству. Книга II тома XV, регламентирующая судопроизводство по преступлениям, в ст. 882³² и 1015³³ формулирует необходимость активного, полного, всестороннего и объективного расследования. Вообще на необходимость открытия истины в Своде указывается в ст. 1070, 1153, 1156, 1181, 1234, 1239, 1433, 1443³⁴.

Свод законов фактически завершил формирование в Российской империи следственной формы уголовного процесса, получившей не только нормативное, но и соответствующее научное обоснование. Пожалуй, самый видный теоретик уголовной и уголовно-процессуальной науки первой половины XIX в. Я.И. Баршев дал исчерпывающую оценку достоинств именно следственной формы процесса, основанной на поиске истины, так как только такая форма процесса, по его мнению, по сути, направлена «на удовлетворения требований правды, вне зависимости от частного произвола... следственная форма является совершенно соответствующей высшей цели уголовного судопроизводства потому, что она наиболее благоприятствует открытию истины...»³⁵.

Сказанного достаточно, чтобы понять отношение в отечественной уголовно-процессуальной науке в первой половине XIX в. к вопросу о должном в уголовном процессе. С мнением патриарха отечественной уголовно-процессуальной мысли мы согласны, тем более что и спустя без малого 200 лет его слова звучат вполне актуально.

Таким образом, ретроспективно проанализировав законодательство Российской империи, мы постарались выделить наиболее показательные примеры нормативного закрепления понятия истины.

К сожалению, узкие рамки статьи не позволяют в полном объеме дать обзор законодательства, регламентирующего уголовно-судебную деятельность в России до XIX в., однако изложенное позволит сделать вывод, что законодатель, формулируя нормативные предписания, оценивал сущность уголовного процесса как вида деятельности, призванного объективно установить обстоятельства совершенного преступления (истину). Именно на основании объективного установления обстоятельств можно вынести справедливый приговор. Понятие справедливости судебных решений в данном случае охватывает их истинность как некий обязательный компонент, наличие которого и обуславливает справедливость приговора. Исходя из этого, включение в нормативные документы текстуальных дефиниций, предусматривающих направленность следственной деятельности на установление истины, само собой разумеется. Понятия, отражающие объективную направленность уголовного процесса и призванные способствовать адекватному установлению обстоятельств совершенного преступления, регулярно вклю-

²⁷ Законодательство Петра I / отв.ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1997. С. 811.

²⁸ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 200.

²⁹ Там же. С. 202.

³⁰ Там же. С. 246.

³¹ Там же. С. 248, 257.

³² Свод законов Российской империи. Т. 15 : Свод законов уголовных. СПб., 1842. С. 180.

³³ Там же. С. 204.

³⁴ Там же. С. 284.

³⁵ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 46.

чались в тексты правовых актов Руси и, следовательно, оказывали существенное влияние на функционирование судебно-следственной си-

стемы. Их отсутствие не позволяет правоприменителю понять целевую практическую направленность своей деятельности.

Литература

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. М., 2001. 211 с.
2. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004. 396 с.
3. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М. : Юридическая литература, 1997. 800 с.
4. Законодательство Петра I, 1695–1725 годы / сост. В.А. Томсинов. М., 2014. 461 с.
5. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М., 1984. 430 с.
6. Российское Законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3 : Акты Земских соборов. М., 1985. 511 с.
7. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. 511 с.
8. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. 527 с.
9. Свод законов Российской империи. Т. XV : Свод законов уголовных. СПб., 1842. 383 с.
10. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. М., 2001. 93 с.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. Репринт. изд. М., 1989. Т. 1, 2. 1420 стб.
12. Словарь старославянского языка. Репринт. изд. СПб, 2006. Т. 3. 671 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М. : Наука, 1992. 288 с.
14. Судебник Царя Федора Иоанновича 1589 года. По списку собрания О.О. Мазурина. М., 1900. 57 с.
15. Судебники Русского государства. Горький : Горьковский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1939. 56 с.
16. Чельцов-Бebutов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бebutов. СПб., 1995. 846 с.
17. Указатель слов и выражений, встречающихся в Судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. / сост. М. Клочков ; под. ред. М. Дьяконова. Юрьев, 1902. 26 с.
18. Юткин В. Судебник Ивана III — первый кодифицированный правовой акт на Руси / В. Юткин // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 46–47.

References

1. Barshev Ya.I. Osnovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugovolnomu sudoproizvodstvu [Grounds for Criminal Proceedings Applied to Russian Criminal Proceedings] / Ya.I. Barshev. Moskva — Moscow, 2001. 211 s.
2. Duvernois N.L. Istochniki prava i sud v Drevney Rossii. Opy'ty' po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Law Sources and Court in the Ancient Rus. Experiments on the History of Russian Civil Law] / N.L. Duvernois. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij tsentr «Press» — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2004. 396 s.
3. Zakonodatelstvo Petra I ; otv. red. A.A. Preobrazhensky, T.E. Novitskaya [Laws of Peter I ; publishing editors A.A. Preobrazhensky, T.E. Novitskaya]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1997. 800 s.
4. Zakonodatelstvo Petra I, 1695–1725 gody' ; sost. V.A. Tomsinov [Laws of Peter I, 1695 to 1725 ; compiled by V.A. Tomsinov]. Moskva — Moscow, 2014. 461 s.
5. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova. T. 1 : Zakonodatelstvo Drevney Rusi [Russian Laws of the X to the XX Century ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 1 : Laws of the Ancient Rus]. Moskva — Moscow, 1984. 430 s.
6. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova. T. 3 : Akty' Zemskikh soborov [Russian Laws of the X to the XX Century ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 3 : Acts of the Zemsky Sobor]. Moskva — Moscow, 1985. 511 s.
7. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova. T. 4 : Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absol'yutizma [Russian Laws of the X to the XX Century ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 4 : Laws of the Absolutism Establishment Period]. Moskva — Moscow, 1986. 511 s.
8. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova. T. 5 : Zakonodatelstvo perioda rastsveta absol'yutizma [Russian Laws of the X to the XX Century ; under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 5 : Laws of the Golden Age of Absolutism]. Moskva — Moscow, 1987. 527 s.
9. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. XV : Svod zakonov ugovolny'kh [The Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XV : The Code of Criminal Laws]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1842. 383 s.
10. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovny'kh dokazatelstv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom [On the Theory of Judicial and Criminal Evidence in Respect of Judicial Administration and Judicial Proceedings] / V.D. Spasovich. Moskva — Moscow, 2001. 93 s.

11. Sreznevsky I.I. Materialy' dlya slovarya drevnerusskogo yazy'ka po pismenny'm pamyatnikam; Reprint. izd. [Files for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments; reprinted edition] / I.I. Sreznevsky. Moskva — Moscow, 1989. Vol. 1, 2. 1420 stb.
12. Slovar staroslavlyanskogo yazy'ka; Reprint. izd. [Dictionary of the Old Slavonic Language; reprinted edition]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2006. Vol. 3. 671 s.
13. Slovar russkogo yazy'ka XI–XVII vv.; Vy'p. 18 [Dictionary of the Russian Language of the XI to the XVII Century; Is. 18]. Moskva: Nauka — Moscow: Science, 1992. 288 s.
14. Sudebnik Tsarya Fedora Ioannovicha 1589 goda; Po spisku sobraniya O.O. Mazurina [The Code of Laws of Tsar Fedor Ioannovich of 1589; based on O.O. Mazurin's collection]. Moskva — Moscow, 1900. 57 s.
15. Sudebniki Russkogo gosudarstva [Codes of Laws of the Russian State]. Gorkiy: Gorkovskiy gos. ped. in-t im. A.M. Gorkogo — Gorky: Gorky State Pedagogical Institute named after A.M. Gorky, 1939. 56 s.
16. Cheltsov-Bebutov M.A. Kurs ugolovno-protsessualnogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessu v rabovladelcheskikh, feodalny'kh i burzhuzny'kh gosudarstvakh [A Course of Criminal Procedure Law. Sketches on the History of Court and the Criminal Procedure in Slaveholding, Feudal and Bourgeoisie States] / M.A. Cheltsov-Bebutov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1995. 846 s.
17. Ukazatel slov i vy'razheniy, vstrechayuschikhsya v Sudebnnikakh 1497, 1550 i 1589 gg.; sost. M. Klochkov; pod. red. M. Dyakonova [An Index of Words and Expressions Used in the Codes of Laws of 1497, 1550 and 1589; compiled by M. Klochkov; edited by M. Dyakonov]. Yuryev — Yuryev, 1902. 26 s.
18. Yutkin V. Sudebnik Ivana III — pervyy kodifitsirovanny'y pravovoy akt na Rusi [The Code of Laws of Ivan III: the First Codifying Statute in Rus] / V. Yutkin // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 1997. № 7. S. 46–47.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-7-13-18

Рецепция правовых идей И. Бентама и И. Канта в современных течениях утилитаризма

*Колосов Игорь Владимирович,
соискатель кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов
i.v.kolosov@yandex.ru*

В рамках данной статьи рассматривается влияние правовых идей И. Бентама, основоположника классического утилитаризма, и И. Канта, одного из основных мыслителей немецкой классической философии, на современные течения утилитаризма. Прослеживается связь между постулатами работы «Деонтология, или Наука о морали» И. Бентама и идеями современного утилитаризма правила. Также отмечается определенная преемственность, непротиворечивость между правовыми воззрениями И. Канта, его представлениями о категории «здорового смысла» и современными течениями утилитаризма. В заключение отмечается, что этика И. Канта, как и «Теория справедливости» Дж. Ролза, имеет существенное отличие от теорий утилитаризма, в том числе и современных, заключающееся в необходимости придерживаться «безусловной нравственности, очищенной от всего эмпирического».

Ключевые слова: утилитаризм правила, утилитаризм действия, И. Бентам, И. Кант, Дж. Ролз, теория принятия решений, соотношение права и морали, понятие права.

Reception of Legal Ideas of J. Bentham and I. Kant in the Modern Utilitarianism Tendencies

*Kolosov Igor V.
Degree-Seeking Student of the Department of History of Law and State
of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia*

The article reveals the correlation between the ideas of J. Bentham (the founder of classical utilitarianism) and I. Kant (one of the main philosopher of German classical philosophy) on the modern trends of utilitarianism. The connection between the work "Deontology, or the science of morality"

of J. Bentham and the ideas of modern rule-utilitarianism is revealed. Also, the continuity between the legal views of I. Kant, his ideas about the category of "common sense" and modern trends of utilitarianism was revealed. At the same time, in conclusion, it is noted that the ethics of I. Kant, like J. Rawls's Theory of Justice, has a significant difference from the theories of utilitarianism, including modern ones. This difference consists in the need to adhere to "unconditional morality, purified from all empirical".

Keywords: rule-utilitarianism, act-utilitarianism, J. Bentham, I. Kant, J. Rawls, decision theory, the ratio of law and morality, concept of law.

Одним из самых распространенных определений (понятий) права является определение, согласно которому под правом понимается система установленных государством общеобязательных норм права (правил поведения), регулирующих общественные отношения и охраняемых силой государственного принуждения¹. Из этого и аналогичных определений права нормативистской школы права следует, что государство, используя право, фактически определяет должное для индивидуума поведение, поощряя его определенные действия либо предупреждая от совершения определенных действий (деяний), предусматривая меры юридической ответственности за их совершение. Фактически государство, осуществляя законотворчество, устанавливает набор конкретных правил, которые должны привести к наибольшему благополучию. Утилитаризм правила направлен на это же.

Утилитаризм правила при принятии решения о поведении, поступке, который принесет наибольшую пользу, исходит из необходимости предварительного установления набора правил, которые будут направлены на максимизацию полезности и которыми необходимо руководствоваться². Это приводит к экономии ресурсов на принятие решения, поскольку не является обязательным получение максимально исчерпывающей информации и не требуется проведение анализа каждой конкретной ситуации в отдельности. В этом его сущностное отличие от утилитаризма действия, который в свою очередь исходит из необходимости оценить полезность каждого альтернативного варианта поведения, учесть альтернативные издержки и получить максимально полную информацию³.

Право, как регулятор общественных отношений, фактически устанавливает набор правил, которые необходимо учитывать при принятии решений. Теории утилитаризма исходят из того, что правовое регулирование должно быть таковым, чтобы этот набор

правил максимизировал совокупную общественную полезность. Вместе с тем индивидуальные функции полезности отдельных индивидуумов могут отличаться. То, что может быть полезным для одного индивидуума, может принести страдания другому. Учитывая, что каждый индивидуум максимизирует свою собственную полезность, является необходимым наличие механизма государственного принуждения в виде юридической ответственности за нарушение правовых норм и аппарата принуждения в виде правоохранительных органов и пенитенциарной системы в целях обеспечения соблюдения правовых норм. Вместе с тем при наличии юридической ответственности за нарушение правовых норм при принятии решения об их соблюдении или несоблюдении, если только решение без проведения анализа выгод-издержек не является очевидным (т.е. не очевидно, что тот или иной вариант поведения приводит к максимизации его полезности, в противном случае является достаточным прибегнуть к утилитаризму правила), вынужден прибегнуть к утилитаризму действия — взвесить возможные для него положительные и отрицательные последствия совершения правонарушения.

Учитывая это, в отношении уголовной ответственности, как одного из видов юридической ответственности, вслед за И. Бентамом мы можем отметить, что «прибыль от преступления — это сила, которая побуждает человека совершить правонарушение. Тяжесть наказания — сила, удерживающая его от этого. Если первая сила превосходит вторую, преступление будет совершено, если наоборот — преступление не будет совершено»⁴. Дополнительно стоит отметить, что современная экономика преступления и наказания выделяет и ряд иных факторов, которые влияют на принятие указанного решения, например, вероятность понести наказание⁵.

В дальнейшем в работе «Деонтология, или Наука о морали» идея И. Бентама о том, что

¹ См., напр.: Рассолов М.М. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2014. С. 298–299.

² Simões M.C. Rule-utilitarianism // Florianópolis. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 48–49.

³ Frazier R.L. Act Utilitarianism and Decision Procedures // Utilitas. 1994. Vol. 6. No. 1. P. 43–53.

⁴ Bentham J. Principles of Penal Law / The Works of Jeremy Bentham, J. Bowring (ed.), 11 vols. Vol. 11. 1838–1843. N.Y., 1962. 170 p.

⁵ Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. No. 2 (76). P. 174–178.

при принятии решения о совершении преступления лицо соотносит выгоды от совершения преступления с издержками, получила свое развитие. Данная идея фактически является прообразом современного анализа выгод-издержек при принятии решений, выходит за пределы анализа уголовного поведения, становится общим принципом морали. И. Бентам отмечает, что термин «деонтология» означает «знание о том, что правильно или должно». Соответственно, деонтология является наукой о том, «как надлежит поступать в каждом случае»⁶.

Но если общеобязательные правовые акты зачастую устанавливая минимальные требования, правила и стандарты поведения, т.е. фактически требования моральной корректности во внешних поступках в наиболее значимых сферах общественных отношений, то нормы морали распространяются на те сферы, которые правом не урегулированы. Вместе с тем, как отмечает К.Е. Сигалов, «мораль — явление интимное, глубоко личностное, обращенное к собственному миру человека. При помощи морали человек строит отношения прежде всего сам с собой»⁷. Учитывая это в рамках утилитаризма, правила нормы права позволяют сформировать индивиду наиболее общие правила, которые могут быть дополнены нормами морали и в рамках общественно-взаимодействия, но в первую очередь в отношениях с самим собой.

В связи с этим полагаем важным вслед за А.С. Незвановым отметить, что сам термин «наука о морали» (science of morality) И. Бентамом образован по аналогии с термином «юридическая наука» (science of law) и отсылает к нему интуитивно⁸. Как отмечает исследователь, термин «наука о морали» может быть переведен как «нравопруденция», или нравоуразумение⁹. Из работы И. Бентама «Деонтология, или Наука о морали» в целом видно, что, по логике философа-мыслителя, «наука о морали» должна применяться там, где не может применяться юриспруденция. Таким образом, наука о морали применяется аналогичным юриспруденции образом и в совокупности с последней путем установления заранее определенных правил позволяет выработать механизм, линию поведения,

которые будут соотноситься с собственными представлениями индивидуума о должном поведении и которые приведут к максимизации полезности. Собственно говоря, юриспруденция и «нравопруденция» в совокупности (с учетом тезиса классического утилитаризма о максимизации полезности) представляют собой не что иное, как прообраз современного утилитаризма правила.

Определений права существует значительное количество. Определения права нормативистской правовой школы, пожалуй, являются доминирующими, но не единственными в современной российской юридической науке¹⁰. Замечание И. Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, по-прежнему актуально¹¹. Вместе с тем и И. Кант вывел свое определение права, в основу которого был положен тезис о свободе. При этом, что представляется важным, в том числе во взаимосвязи с утилитаризмом действия, И. Кант в «Метафизике нравов»¹² не исходит при определении понятия права из действующего законодательства. Он исследует право «как таковое», выводя его из разума, а не из свода законов. Таким образом, при анализе права он исходит из внутреннего понимания права, нравственных правил, которые близки к утилитаризму действия¹³.

Правом И. Кант называл «совокупность условий, при которых произволение одного лица совместимо с произволением другого с точки зрения законов свободы»¹⁴. При этом И. Кант, сравнивая правовой вопрос «Что есть право?» с философским вопросом «Что есть истина?», отмечал, что критерий, на основании которого можно было бы однозначным образом определить допустимые и недопустимые произволения и, соответственно, определить границы права, отсутствует¹⁵. По этой причине, по логике И. Канта, представляется возможным ориентироваться только на категорический правовой императив (всеобщий правовой закон), который со схожей категорическому императиву логикой провозглашал поступать таким образом, чтобы проявление поступка было совместимо со

⁶ Bentham J. Deontology or the Science of Morality / ed. by J. Bowring. London ; Edinburgh, 1834. P. 22–35.

⁷ Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 15.

⁸ Незванов А.С. Деонтология Иеремии Бентама // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2017/01/03/871> (дата обращения: 12.05.2018).

⁹ Там же.

¹⁰ См., напр.: Баранов П.П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 9.

¹¹ См., напр.: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 3.

¹² Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. 528 с.

¹³ См., напр.: Woodard C. The Common Structure of Kantianism and Act-Utilitarianism // Utilitas. 2013. Vol. 25. No. 2. P. 246–265.

¹⁴ Кант И. Указ. соч. С. 285.

¹⁵ Там же. С. 253.

свободой каждого, сообразной со всеобщим законом¹⁶.

Конечно, представляется возможным выработать наиболее общие правила, которые в целом будут соответствовать всеобщему правовому закону, а в дальнейшем использовать их во всех жизненных ситуациях, как это предлагается утилитаризмом правила. Но на практике могут появляться ситуации, когда либо из этого правила необходимо извлекать бесчисленное количество исключений, либо основываться в отдельных ситуациях на утилитаризме действий. Так, например, на первый взгляд представляется логичным в качестве всеобщего правила принять запрет на совершение убийства. Вместе с тем в философии существует «проблема вагонетки», согласно которой перед человеком ставится моральный выбор между тем, чтобы ничего не предпринимать (в этой ситуации погибнет пять человек) или переключить своими действиями стрелку на пути движения вагонетки, что повлечет гибель одного человека. Теория утилитаризма исходит из того, что необходимо переключить стрелку¹⁷, но это вступает в противоречие с указанным общим правилом, а следовательно, индивидуум должен в данной ситуации руководствоваться обязательно не утилитаризмом правила, а утилитаризмом действия.

В связи с этим необходимо отметить, что в представлении И. Канта о праве имеется логический тезис, позволяющий определить в отдельных ситуациях, каким образом возможно определить произволения, которые бы соответствовали законам свободы. Так, И. Кант осуществляет деление права на право в узком смысле слова и право в широком смысле слова. И если строгое право (*ius strictum*) (правом в узком смысле слова) — «совершенно внешнее право», которое основывается на обязательности каждого действовать по закону¹⁸, то в праве в более широком смысле (*ius latum*) правомочие принуждать не может быть определено никаким законом. Вместо этого оно исходит из действий по справедливости и праву крайней необходимости, первое из которых «допускает право без принуждения, второе — принуждение без права»¹⁹. Таким образом, упрощенно можно предста-

вить, что в соответствии со строгим правом утверждаются четкие всеобщие нормы, правила поведения, которыми необходимо руководствоваться, таким же образом, как необходимо руководствоваться определенными заранее установленными правилами в утилитаризме правила. В то же время право в более широком смысле, по И. Канту, исходит из действий по справедливости и праву крайней необходимости, что, как, например, в ситуации с проблемой вагонетки, близко к утилитаризму действия.

Отдельно необходимо отметить трансформацию идей И. Канта, в частности, категорического императива, в рамках концепции справедливости Дж. Ролза. Так, в качестве аналога кантовской автономии Дж. Ролз выделяет понятие «вуаль неведения» (под ней понимается ситуация, при которой лица, участвующие в определении общих правил или в распределении ресурсов, не имеют информации о своих индивидуальных особенностях²⁰), влекущее автономность морального выбора. При этом «вуаль неведения» позволяет принимать нравственные решения, опираясь исключительно на собственный разум²¹, абстрагируясь от информации, связанной с каждой конкретной ситуацией, приводя к возможности выработки наиболее общих справедливых правил поведения в определенных ситуациях, в том числе и при осуществлении законодательства, в рамках утилитаризма правила.

Также обращает на себя внимание восхождение теорий И. Канта и Дж. Ролза к понятию «здравый смысл». Дж. Ролз, в отличие от И. Канта, не проводит анализ собственно понятия «здравый смысл», однако по тексту его работы «Теория справедливости», особенно в положениях, содержащих критику теории утилитаризма, создается впечатление, что им данное понятие в целом трактуется так же, как И. Кантом, но с меньшей долей критики. И. Кант считал возможным использование здравого смысла как «общего человеческого разума» только вне философии, но его интерес тесно связан с метафизикой²². Так, можно сказать, что ни И. Кант, ни Дж. Ролз не отрицали значения «здравого смысла» в сфере эмпирического, но считали его недостаточным для предельных умозрительных конструкций. В этом заключается существенное различие взглядов И. Канта и Дж. Ролза от любой из теорий утилитаризма. Теории утилитариз-

¹⁶ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Ками, 1997. Т. 3. С. 169.

¹⁷ Barcalow E. *Moral Philosophy: Theories and Issues*. Belmont, CA: Wadsworth, 2007. 378 p.

¹⁸ Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики практического разума». М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 36.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск, 1995. С. 127–131.

²¹ Там же. С. 224.

²² Кант И. *Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки* / пер. с нем. М.: Прогресс-ВИА, 1993. С. 10.

ма исходят из того, что является необходимым и достаточным нравственное поведение в «эмпирическом» мире, которое будет направлено на максимизацию полезности. Даже если основой поведения индивидуума будет не утилитаризм правила или утилитаризм действия в чистом виде, а здравый смысл, который будет исходить при принятии решения либо из применения заранее установленных правил или действия по ситуации, для теории Дж. Ролза так же, как и для метафизики И. Канта, этого недостаточно. Для них является необходимым наличие «безусловной нравственности», требуется «метафизика нравственности, тщательная очищенная от всего эмпирического»²³, ведь «основу обязательности должно искать не в природе человека или в тех обстоятельствах в мире, в какие он поставлен, а a priori исключительно в понятиях чистого разума»²⁴.

Вместе с тем теории утилитаризма не отбрасывают категории «нравственности» и «справедливости» вовсе. Не пренебрегают абсолютно правами и свободами. Однако при этом они отводят им куда меньшую роль, чем максимизации полезности. Деонтология, или наука о морали, о которой писал И. Бентам, апеллирует к моральной правильности, при условии, что она приводит к достижению полезности. Права и свободы, нравственность и мораль — все это ценится в теориях утилитаризма, но лишь постольку, поскольку это является «выгодным».

Основная критика теории утилитаризма со стороны Дж. Ролза заключается в том, что

²³ Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 56.

²⁴ Там же. С. 57.

утилитаризм действует только в мире феноменов, анализирует эмпирические факты и на результате такого анализа выстраивает парадигмы действий²⁵. Метафизика нравственности И. Канта, наоборот, «очищена от всего эмпирического», его философия действует в мире ноуменов. Р. Хэар писал: «Принято считать, что существуют две школы философии морали — кантианская и утилитаристская, и что их позиции диаметрально противоположны. Думать так — значит демонстрировать поверхностное знание обеих школ»²⁶. Также и Н.Н. Витченко отмечает, что, по его мнению, категорический императив И. Канта вполне согласуется с классическим утилитаризмом, особенно с теорией Дж. Ст. Милля, постулирующей всеобщий принцип, адресованный всем и ориентированный на благополучие каждого²⁷. Учитывая это, полагаем необходимым сделать вывод, что современные теории утилитаризма, в первую очередь утилитаризм правила и утилитаризм действия, вобрали в себя некоторые определенные черты не только теорий И. Бентама, Дж. Ст. Милля, философов-мыслителей классического утилитаризма, но и иные идеи Нового времени, в частности, как продемонстрировано в рамках настоящей статьи, идеи И. Канта.

²⁵ Ролз Дж. Указ. соч. С. 34–38.

²⁶ Хэар Р. Как решать моральные вопросы рационально // Мораль и рациональность. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 18.

²⁷ Витченко Н.Н. Практическая философия И. Канта: дихотомия «эпистемологическое — социальное» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 12 (63). С. 11–12.

Литература

1. Баранов П.П. Легистский позитивизм в современной России / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 9–15.
2. Витченко Н.Н. Практическая философия И. Канта: дихотомия «эпистемологическое — социальное» / Н.Н. Витченко // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 12 (63). С. 9–13.
3. Кант И. Метафизика нравов в двух частях / И. Кант // Критика практического разума; И. Кант. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / И. Кант; под ред. Н. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Ками, 1997. Т. 3. 784 с.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / И. Кант; пер. с нем. М.: Прогресс-VIA, 1993. 240 с.
7. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г.В. Мальцев. М.: Прометей, 1999. 420 с.
8. Медушевская Н.Ф. Формирование гражданского общества: исторический и социокультурный факторы / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 11–14.
9. Рассолов М.М. Теория государства и права / М.М. Рассолов. М.: Юрайт, 2014. 635 с.
10. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. Новосибирск, 1995. 513 с.
11. Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей / К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12–15.
12. Хэар Р. Как решать моральные вопросы рационально? / Р. Хэар // Мораль и рациональность. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 9–21.
13. Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики практического разума» / И. Шульц. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 152 с.
14. Незванов А.С. Деонтология Иеремии Бентама / А.С. Незванов // Проза.py. URL: <https://www.proza.ru/2017/01/03/871> (дата обращения: 12.05.2018).
15. Barcalow E. Moral Philosophy: Theories and Issues / E. Barcalow. Belmont, CA: Wadsworth, 2007. 378 p.

16. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach / G.S. Becker // *Journal of Political Economy*. 1968. No. 2 (76). P. 169–217.
17. Bentham J. Deontology or the Science of Morality / J. Bentham ; ed. by J. Bowring. London ; Edinburgh, 1834. 316 p.
18. Bentham J. Principles of Penal Law / The Works of Jeremy Bentham, J. Bowring (ed.), 11 vols. Vol. 11. 1838–1843. N.Y., 1962. 170 p.
19. Frazier R.L. Act Utilitarianism and Decision Procedures / R.L. Frazier // *Utilitas*. 1994. Vol. 6. No. 1. P. 43–53.
20. Simões M.C. Rule-utilitarianism / M.C. Simões // *Florianópolis*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 47–61.
21. Woodard C. The Common Structure of Kantianism and Act-Utilitarianism / C. Woodard // *Utilitas*. 2013. Vol. 25. No. 2. P. 246–265.

References

1. Baranov P.P. Legistskiy pozitivizm v sovremennoy Rossii [Legalistic Positivism in the Modern Russia] / P.P. Baranov // *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik — North-Caucasian Legal Bulletin*. 2015. № 1. S. 9–15.
2. Vitchenko N.N. Prakticheskaya filosofiya I. Kanta: dikhotomiya «epistemologicheskoe — sotsialnoe» [I. Kant's Practical Philosophy: the Epistemological-Social Dichotomy] / N.N. Vitchenko // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*. 2006. № 12 (63). S. 9–13.
3. Kant I. Metafizika npravov v dvukh chastyakh [The Metaphysics of Morals in Two Parts] / I. Kant // *Kritika prakticheskogo razuma ; I. Kant [Critique of Practical Reason ; I. Kant]*. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 1995. 528 s.
4. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti [Groundwork of the Metaphysic of Morals] / I. Kant. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1999. 1472 s.
5. Kant I. Sochineniya na nemetskom i russkom yazy'kakh ; pod red. N. Motroshilovoy, B. Tushlinga [Writings in the German and Russian Languages ; edited by N. Motroshilova, B. Tushling] / I. Kant. Moskva : Kami — Moscow : Kami, 1997. Vol. 3. 784 s.
6. Kant I. Prolegomeny' ko vsyakoy budushey metafizike, mogushey vozniknut v smysle nauki ; per. s nem. [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science ; translated from German] / I. Kant. Moskva : Progress-VIA — Moscow : Progress-VIA, 1993. 240 s.
7. Maltsev G.V. Ponimanie prava. Podkhody' i problemy' [The Understanding of Law. Approaches and Issues] / G.V. Maltsev. Moskva : Prometej — Moscow : Prometheus, 1999. 420 s.
8. Medushevskaya N.F. Formirovanie grazhdanskogo obschestva: istoricheskiy i sotsiokulturny'y faktory' [Civil Society Establishment: Historical and Sociocultural Factors] / N.F. Medushevskaya, K.E. Sigalov // *Grazhdanskoe obschestvo v Rossii i za rubezhom — Civil Society in Russia and Abroad*. 2015. № 4. S. 11–14.
9. Rassolov M.M. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law] / M.M. Rassolov. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2014. 635 s.
10. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [Theory of Justice] / J. Rawls. Novosibirsk — Novosibirsk, 1995. 513 s.
11. Sigalov K.E. Vzaimosvyaz moralny'kh i pravovy'kh tsennostey [The Interrelation of Moral and Legal Values] / K.E. Sigalov // *Grazhdanskoe obschestvo v Rossii i za rubezhom — Civil Society in Russia and Abroad*. 2013. № 2. S. 12–15.
12. Hare R. Kak reshat moralny'e voprosy' ratsionalno? [How to Decide Moral Questions Rationally] / R. Hare // *Moral i ratsionalnost [Morality and Rationality]*. Moskva : Institut filosofii RAN — Moscow : Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1995. S. 9–21.
13. Schultz J. Razyasnyayushee izlozhenie «Kritiki prakticheskogo razuma» [Interpretation of the Critique of Practical Reason] / J. Schultz. Moskva : LIBROKOM — Moscow : LIBROKOM, 2010. 152 s.
14. Nezvanov A.S. Deontologiya Ieremii Bentama [Jeremy Bentham's Deontology] / A.S. Nezvanov // *Proza.ru*. URL : <https://www.proza.ru/2017/01/03/871> (data obrascheniya : 12.05.2018 — accessed on : May 12, 2018).
15. Barcalow E. Moral Philosophy: Theories and Issues / E. Barcalow. Belmont, CA : Wadsworth, 2007. 378 s.
16. Becker G.S. Crime and Punishment: an Economic Approach / G.S. Becker // *Journal of Political Economy*. 1968. № 2 (76). S. 169–217.
17. Bentham J. Deontology or the Science of Morality / J. Bentham ; ed. by J. Bowring. London ; Edinburgh, 1834. 316 s.
18. Bentham J. Principles of Penal Law / J. Bentham. Works ; Bentham J. Vol. 11. London, 1838–1843 ; reprint. N.Y., 1962. 170 s.
19. Frazier R.L. Act Utilitarianism and Decision Procedures / R.L. Frazier // *Utilitas*. 1994. Vol. 6. № 1. S. 43–53.
20. Simões M.C. Rule-Utilitarianism / M.C. Simões // *Florianópolis*. 2009. Vol. 8. № 3. S. 47–61.
21. Woodard C. The Common Structure of Kantianism and Act-Utilitarianism / C. Woodard // *Utilitas*. 2013. Vol. 25. № 2. S. 246–265.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-19-24

Государственно-правовые воззрения отцов церкви

*Киселева Елена Юрьевна,
соискатель кафедры теории государства и права,
международного права и сравнительного правоведения
Воронежского государственного университета,
ведущий юристконсульт ПАО «Воронежское акционерное
самолетостроительное общество»
jisefina@rambler.ru*

В данной статье проанализированы учения отцов церкви о государстве, власти, правителе и законе. Уделено внимание рассмотрению особенностей и различий в подходах восточных и западных отцов церкви к взаимодействию государства и церкви.

Ключевые слова: патристика, отцы церкви, церковь, государство, правитель, закон.

State and Legal Ideas of the Church Fathers

*Kiseleva Elena Yu.
Degree-Seeking Student of the Department of Theory of State and Law, International Law
and Comparative Legal Studies of the Voronezh State University
Leading Legal Counsel of Voronezh Aircraft Manufacturing Company, PJSC*

This article analyzes the teachings of the church fathers about the state, power, ruler and law. Attention is paid to the peculiarities and differences in the approaches of the eastern and western fathers of the church to the interaction of the state and the church.

Keywords: patristics, fathers of the church, church, state, ruler, law.

Патристика представляет собой совокупность учений отцов церкви, т.е. теологических и философско-политических доктрин христианских богословов II–VIII вв. В специальном смысле звание «святой отец церкви» присваивалось тем церковным деятелям, которые в своих творениях отстаивали и защищали христианское учение, толковали его догматы. Из рядов «отцов церкви» выделялись «вселенские учителя», которые имели огромный авторитет в церкви. Титула вселенских учителей удостоены следующие христианские мыслители, воззрения о государстве и праве которых рассмотрим далее: восточные отцы церкви — Афанасий Великий (Александрийский), Василий Великий, Григорий Богослов (Назианзин), Иоанн Златоуст, и западные — Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный (Аврелий). На труды вышеуказанных отцов церкви «ссылались как на высшие после Писания авторитеты»¹. Помимо богословских мыслей, изложенных в трудах этих отцов церкви, в них изложены идеи, носящие политический характер. Так как богословы не только боролись за веру и разъясняли ее нормы, но и выражали свое отношение

к государству и власти. И христианскую веру они защищали перед государством и императором. Поэтому их позицию по отношению к институтам власти в их творениях проследить вполне возможно. Но важно и то, что политические и государственные взгляды отцов церкви совершенно актуальны и сегодня, так как имеют правовое и нравственное значение. Оговоримся, что идеи патристики отличаются от первоначального христианства тем, что первые сформулировали стройную концепцию христианского учения.

В основу патристики были положены следующие источники: Евангелие, Ветхий Завет, Послания апостола Павла.

Отцы церкви имели общее мнение о происхождении власти от Бога. Иоанн Златоуст говорит об этом, что «существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядку и разбору, и народы не мечутся, как беспорядочные волны — есть (это) дело мудрости Божьей»². Для Иоанна Златоуста власть представляется явлением, способствующим существованию людей. По его мнению, именно Бог учредил субординацию и «устано-

¹ Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 313.

² Творения Иоанна Златоуста в русском переводе : в 3 кн. Кн. 1. СПб. : Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1906. Т. 12. С. 630.

вил многие виды власти и подчинения»³. Поэтому о божественном происхождении властей Златоуст говорил: «...одни для управления, другие для подчинения»⁴. И в понимании Августина Блаженного власть и все политические и социальные институты происходят от Бога. Григорий Богослов (Назианзин), кстати, в подчинении и руководстве видит благо, потому что, согласно его рассуждениям, «хорошо и справедливо — быть начальником и подчиненным»⁵. Ведь Господом установлена власть между женой и мужем, сыном и отцом, начальником и подчиненным, учителем и учеником. Идеологи патристики были солидарны в вопросе о божественном происхождении власти, но главное — абсолютно не обожествляли власть и признавали ее греховность.

Отношение отцов церкви к государству раскрывается тем, что патристика видела пользу государства для общества. Во-первых, отцы церкви говорили, что польза государственной власти — это порядок. Иоанн Златоуст по этому поводу говорит: «...ведь от властей для государства бывают бесчисленные блага, если упразднить их, все погибнет и не устоят ни города, ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все испровергнется, так как более сильные поглотят более слабых»⁶. Скорее те «бесчисленные блага» Златоуст заключает в содействии власти в устройстве мирской жизни общества: «...действуют оружием, отражают неприятелей, умирят крамольников в городах, разрешают всякие ссоры»⁷. Если пояснить, то это поддержка общественного правопорядка, охрана границ, правосудие — все это защищает общество, соответственно, и важно для его существования. В свою очередь Григорий Богослов поясняет, что «не думаю, чтобы безначалие и беспорядок были полезнее порядка и начальства как для прочего, так и для людей»⁸. Помимо порядка Иоанн Златоуст говорит и о пользе «от заведующих общественными делами»⁹. То есть власть в лице исполнительной власти обеспечивает и решает социальные проблемы (общественные и бытовые нужды населения), к примеру, обустроивает дороги, обеспечивает почтовую связь и т.д. И это своего рода тоже порядок, только в социальном плане. В отличие от Иоанна Златоуста,

который видел положительное значение светской власти, Августин Аврелий признавал важность существования государства, но считал его временным злом. Августин Блаженный в своих трудах «О Граде Божьем» и «О Граде Земном» обосновывал существование земного государства (Град Земной) и сообщества верующих (Град Божий). Государство для него являлось обществом, где проявлялась низшая природа человека, а в Граде Божьем в царстве Христа есть спасение и вечное блаженство. Согласно учению Августина Аврелия, несмотря на то что Град Земной — государство — материален, а град Божий — духовное сообщество, в земной жизни они переплетаются. Мыслитель утверждал о том, что, несмотря на несовершенство государства, все равно оно есть «относительное благо, поскольку обеспечивает порядок и сохранение духовных ценностей (сохраняя в том числе Церковь как символ возможности спасения)»¹⁰. Из вышесказанного мы видим в целом положительное отношение отцов церкви к государству и его институтам. Но отцы церкви жили в реальных гонениях, и это отразилось на их отношении к государству.

Во-вторых, польза государства заключается в наличии закона, так как в основе государственного порядка лежит закон. Августин Блаженный утверждал: «...прихоть гражданина или чужеземца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа»¹¹. Закон был важен для Августина, поэтому именно он утверждал, что не кто иной, как сам Бог, вписал естественное право в сердца людей. А с его точки зрения, в основе естественного закона лежит вечный закон, являющийся выражением божественной воли и разума. И что исполнение закона обязательно каждому: от подчиненного до правящего. Василий Великий в своих «Нравственных правилах» также подчеркивает важное предназначение закона, говоря о том, что «Закон запрещает худые поступки»¹², и «в каждом добром деле требует совершенства»¹³. Отцы церкви ратовали за соблюдение и уважение законов. Ведь заметим, что они сами неукоснительно соблюдали и исполняли как божественные, так и светские законы. Для них они обладали высшим значением, какое несет в себе категория «закон». Следо-

³ Творения Иоанна Златоуста в русском переводе : в 3 кн. Кн. 2. СПб. : Изд. Санкт-Петербургской духовной академии, 1903. Т. 9. С. 775.

⁴ Там же.

⁵ Григорий Богослов : собрание творений : в 2 т. Репринт. изд. Б. м. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 24.

⁶ Творения Иоанна Златоуста. Т. 9. С. 777.

⁷ Там же. С. 778.

⁸ Григорий Богослов. С. 24.

⁹ Творения Иоанна Златоуста. Т. 9. С. 777.

¹⁰ Шмонин Д.В. Введение в средневековую философию. Патристика. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета ; Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2008. С. 114.

¹¹ Августин Блаженный. Исповедь. М. : ГЕНДАЛЬФ, 1992. С. 81.

¹² Творения Василия Великого. М. : Тип. Августа Семена, 1846. Ч. 3. С. 411.

¹³ Там же.

вательно, принцип законности можно считать христианским принципом.

Отцы церкви рассуждали о том, что отрицательного несет государство. Во-первых, исходя из учений отцов церкви, отрицательное в государстве — это его антихристианская политика, притязания к церкви и гонение христиан. Это были одни из важных вопросов патристики и самих отцов церкви. Василий Великий свои недовольства антихристианским правлением раскрывает в своем труде «Беседы» образом святого мученика Гордея. Святитель рассказывает о том, что Гордей презирал власть, истребляющую христиан. Этот Гордей о своем презрении не боялся говорить прямо в присутствии представителя власти — градоначальника: «Я здесь, чтобы самым делом доказать презрение к вашим приказам и веру в Бога»¹⁴. Как видно, Василий Великий разделяет мнение Гордея. Афанасий Великий в своем учении приводит высказывания некоего Либерия, который дерзко разговаривал с царем, отвечая ему: «Перестань гнать христиан, не покушайся чрез нас ввести нечестие в Церковь, мы готовы терпеть все, только не называться арианами; не принуждай нас христиан сделаться христорборцами»¹⁵. Видимо, это высказывание отражает и само отношение Афанасия Великого к происходящей политике в те времена. Григорий Богослов в своем «Первом обличительном на царя Юлиана» выражает негативное отношение к власти царя Юлиана Отступника¹⁶. Так, Григорий Богослов говорит: «...я призываю против мучителя, и отвергшегося, и падшего — падением достойным нечестия»¹⁷. Епископ обличает царя Юлиана, что тот хочет решить их права голоса — дара слова, говоря: «Но нам прилично воздать благодарение Богу и за то, что самый сей дар получил свободу»¹⁸. Соответственно, можно сделать вывод, что принцип свободы слова есть божественное установление, а значит, и христианский принцип. Во «Втором обличительном на царя Юлиана» Григорий Богослов делает очень смелый вывод о правлении императора Юлиана, который заключается в выходе из сложившейся политической ситуации в средстве спасения, а именно: «...избавиться от худого царствования и военначальства»¹⁹. Именно

эти крайние меры предлагает сам священнослужитель, который видит, что это правление ненадежно. А Амвросий Медиоланский в ответ на антихристианскую политику государственной власти в письме LVII открыто говорил, что он не делает никакого вреда, если предпочитает всем богам веру в Христа: «...и полагаясь на него, я не боюсь говорить вам, императорам, что чувствую по своему пониманию»²⁰. Хотя к императору Феодосию, которого Амвросий называет всемилостивейшим, епископ Медиоланский пишет, что он лично обращался к первому открыто «и не колебался говорить ему в лицо»²¹. Своими примерами отцы церкви показали, что христианство призвано не молчать, а отстаивать не только веру, христиан, но и истину, даже перед земной властью. Также проявлялись нравственные основы и таланты отцов церкви, даже во многом превзошедших бы самых даровитых адвокатов. Ведь и на самом деле Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский «получили хорошее юридическое образование»²².

Во-вторых, государство несло в себе отрицательное, и это были жестокие методы государственной политики по отношению к обществу. Восточный отец церкви Иоанн Златоуст «не скрывал своего неодобрения по поводу методов наказания, практикуемых государством, противопоставляя их принципу милосердия»²³, и выступал с обличительными проповедями. Он настаивал и защищал свой народ. Существует исторический пример, когда, заступаясь за жителей Антиохии, которых должны были покарать императорские сановники за бунт, во главе с Иоанном Златоустом пресвитеры и епископы вышли на встречу сановникам и не пропустили их в город, не повинувшись указам императора. Пастыри во главе со Златоустом заявили, что «не пустят сановников в преторию, пока не получат от них обещания помиловать осужденных; они могут войти в преторию только через их трупы»²⁴. Сановники послушали священников. И западный отец церкви Амвросий Медиоланский действовал против светской власти.

¹⁴ Василий Великий. Беседы на Шестоднев. 4-е изд. Ч. 1. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 288.

¹⁵ Афанасий Великий. Творения: в 4 т. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. Т. 2. С. 136.

¹⁶ Поясним, что император Юлиан отрекся от христианской веры, предпочтя ей языческий культ и языческие обряды, за что был прозван отступником.

¹⁷ Григорий Богослов. Указ. соч. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Амвросий Медиоланский. Письмо LVII // URL: http://krotov.info/acts/04/3/amb_mediol_04.htm (дата обращения: 12.04.2018).

²¹ Там же.

²² Цыпин В.А. Церковное право. М.: Издательство МФТИ, 1994. С. 17.

²³ Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootcheskoe-bogoslovie/ (дата обращения: 15.05.2018).

²⁴ Лопухин А.П. Жизнь и труды святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского // URL: http://www.odinblago.ru/patologia/zhizn_i_trudi_sv_ioanna/ (дата обращения 15.05.2018).

Он выступил против императора Феодосия, при подавлении мятежа которым «погибло семь тысяч человек»²⁵. И как говорят источники, епископ «отказался впустить его в церковь без покаяния»²⁶. Только после раскаяния правителя епископ Медиоланский допустил правителя к Причастию. Как видно, власть была жесткая, цель христианства, в частности идеологов патристики, — смягчить ее и приблизить к Граду Божьему.

Существовали особенности и различия в подходах к разделению государства и церкви у восточных и западных отцов церкви. Отцы церкви понимали, что взаимодействие государства и церкви неизбежно, как и их союз, т.е. симфония. Но даже во времена единства церкви и восточные, и западные отцы церкви демонстрировали теоретически и практически разные подходы к взаимодействию государства и церкви. Восточные отцы церкви, если так можно выразиться, были терпимее к государству, не претендуя на светскую власть. Но даже такая лояльная позиция не отнимала возможность у восточных богословов бороться за права церкви и вероучение. Восточные отцы церкви не ставили церковь приматом над государством, в отличие от западных отцов церкви. Западные отцы церкви и учениями, и практикой подчеркивали приоритет церкви перед государством, зависимость последнего от церкви, хотя и у восточных идеологов патристики были мыслители, которые ставили церковь выше государства. Это был Иоанн Златоуст. Он утверждал, что власть духовная выше светской. Так, архиепископ Константинопольский утверждает: «...поистине власть священства больше власти царской, и постольку больше, поскольку царю вверены тела, а священнику души»²⁷. Поэтомому неудивительно, что и Иоанн Златоуст в своем учении ставил церковь выше государства, утверждая, что власть священника главнее власти правителя. Эту мысль Златоуст обосновывал тем, что в Ветхом Завете царей помазали на царство священники, соответственно, царь преклонял свою голову под руки священника: «...теперь Бог подклоняет главу их под руки священника, научая нас, что последний владеет большей властью, нежели царь, так как меньшее от большего благословляется»²⁸. Но, несмотря на свою позицию, Златоуст четко разграничивал сферы влияния церкви и государства. И всегда на практике, защищая церковь и ее интересы, он оставался пастырем, а не правящим лицом. Западные отцы церкви отнюдь в своих теориях и практической деятель-

ности хотели доказать, что церковь не просто выше государства, но последнее должно подчиняться церкви. Самым известным учением о церкви было учение Августина Блаженного «О Граде Божием», которое позднее было положено в основу католической доктрины. В своем труде «О Граде Божием» Августином Блаженным был описан идеал христианской теократии, в котором Град Божий — это церковь Иисуса Христа, «но не в земном своем воплощении, а в небесном, которое может произойти по окончании человеческой истории»²⁹. По мнению Августина, именно во временном мире происходит отбор в Божественное царство. И в него попадут не все, а только христиане, объединенные в церковь и живущие по Богу. «Что касается отношений между градом Божиим и градом земным, Августин утверждает, что град земной должен быть подчинен граду Божию»³⁰. И это обусловлено им общими предпосылками. Град земной имеет лишь земные цели. «Он существует ради внешнего порядка»³¹. Целью же всего человечества является царство Божие. «Этой цели должен, в сущности, служить и град земной, если он является истинным христианским государством»³². Как пишет исследователь Хенглюнд Бенгт, «эта идея не означает сама по себе, что государство должно быть подчинено церкви, то есть внешней церковной организации, ибо Августин говорит о самих сообществах и их внутренних целях»³³. Исследователь поясняет, что «в эпоху Средневековья его слова были истолкованы в этом направлении и труд „De civitate Dei“ явился предпосылкой для более позднего учения о главенстве Папы над мирской властью»³⁴. Один из исследователей, Е.Н. Салыгин, также говорит, что многие положения христианской идеи всемирного Града Божия были позитивованы проповедниками теократии, потому что «нечеткость обозначения граней между вечным и временным миропорядками позволила им поставить учение богослова на защиту своих интересов»³⁵. Главным образом это касалось идей Августина Блаженного «об универсальной роли христианской церкви»³⁶. Западный богослов Амвросий Медиоланский в своем понимании церкви

²⁵ Мейендорф И. Указ. соч.

²⁶ Там же.

²⁷ Творения Иоанна Златоуста. Т. 12. С. 631.

²⁸ Там же.

²⁹ Салыгин Е.Н. Теократическое государство // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Sal/03.php (дата обращения: 26.05.2018).

³⁰ Хенглюнд Б. История теологии // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/hegglund/38.php (дата обращения: 26.05.2018).

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Салыгин Е.Н. Указ. соч.

³⁶ Там же.

также «не всегда походил на своих восточных коллег»³⁷. В этом отношении он как был, так и оставался римским государственным деятелем, видным сановником, коим был до рукоположения в епископы. Поэтому его практика по отношению к государству основывалась на убеждении и примате церкви над государством. Этими убеждениями он руководствовался в вопросах распространения христианства в государстве, поэтому «считал, что христианство должно насаждаться в Римской империи в законодательном порядке и что это законодательство должно быть строгим и недвусмысленным»³⁸. К примеру, употреблял он и свое влияние на западного императора Грациана, чтобы из римской курии была убрана языческая статуй. И, как говорят исторические источники, ему это удавалось. Более того, Амвросий Медиоланский призывал императора к полному прекращению всякой поддержки язычества. За мно-

гую свою практику епископ Медиоланский и в примерах, приведенных выше, «отстаивал превосходство Церкви над светской властью — принцип, который немного спустя воспримет и римское папство»³⁹. Он утверждал правителю о том, что «хоть ты и император, ты должен быть в большей степени подчиненным Богу»⁴⁰.

Таким образом, отцы церкви уделяли власти, государству и праву огромное внимание. Основным направлением их работ было выяснение того, насколько государственная власть вписывается в христианскую доктрину, а также какой она должна быть, чтобы соответствовать христианской идеологии. Следует отметить, что отцы церкви допускали немало резких замечаний при характеристике власти и отдельных ее представителей, что свидетельствует об отсутствии страха перед властью, стремлении привносить в общество идеи и ценности христианства.

³⁷ Мейендорф И. Указ. соч. С. 541.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Амвросий Медиоланский. Указ. соч.

Литература

1. Августин Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин. М.: ГЕНДАЛЬФ, 1992. 544 с.
2. Амвросий Медиоланский. Письмо LVII / Амвросий Медиоланский // URL: http://krotov.info/acts/04/3/amb_mediol_04.htm (дата обращения: 12.04.2018).
3. Афанасий Великий. Творения : в 4 т. / Афанасий Великий. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. Т. 2. 509 с.
4. Василий Великий. Беседы на Шестоднев / Василий Великий. 4-е изд. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. Ч. 1. 680 с.
5. Василий Великий. Беседы / Василий Великий. Т. 8 : Творения Святых Отцов. Ч. IV. М. : Паломник, 1993. 570 с.
6. Григорий Богослов. Собрание творений : в 2 т. / Григорий Богослов. Репринт. изд. Б. м. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. 680 с.
7. Лопухин А.П. Жизнь и труды святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского / А.П. Лопухин // URL: http://www.odinblago.ru/patologia/zhizn_i_trudi_sv_ioanna/(дата обращения: 15.05.2018).
8. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика / Г.Г. Майоров. М. : Мысль, 1979. 433 с.
9. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие / И. Мейендорф // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootecheskoe-bogoslovie/ (дата обращения: 15.05.2018).
10. Салыгин Е.Н. Теократическое государство / Е.Н. Салыгин // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Sal/03.php (дата обращения: 26.05.2018).
11. Творения Василия Великого. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1–7. М. : Тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1845–1848. Ч. 3 : Нравственные правила. М., 1846. 550 с.
12. Хеглунд Б. История теологии / Б. Хеглунд // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/hegglund/38.php (дата обращения: 26.05.2018).
13. Цыпин В.А. Церковное право / В.А. Цыпин. М. : Издательство МФТИ, 1994. 440 с.
14. Шмонин Д.В. Введение в средневековую философию. Патристика / Д.В. Шмонин. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета; Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2008. 145 с.

References

1. Saint Augustine. Ispoved [Confession] / Saint Augustine. Moskva : GENDALF — Moscow : GENDALF, 1992. 544 s.
2. Ambrosius Mediolanensis. Pismo LVII [Letter LVII] / Ambrosius Mediolanensis // URL : http://krotov.info/acts/04/3/amb_mediol_04.htm (data obrascheniya : 12.04.2018 — accessed on : April 12, 2018).
3. Athanasius the Great. Tvoreniya : v 4 t. [Works : in 4 vol.] / Athanasius the Great. Moskva : Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo Stavropigialnogo monasty'rya — Moscow : publishing house of the Valaam Stavropegic Monastery of the Transfiguration of the Saviour, 1994. Vol. 2. 509 s.
4. Saint Basil the Great. Besedy' na Shestodnev ; 4-e izd. [Hexaameron ; 4th edition] / Saint Basil the Great. Moskva : Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra — Moscow : the Holy Trinity St. Sergius Lavra, 1900. Part 1. 680 s.
5. Saint Basil the Great. Besedy'. T. 8 : Tvoreniya Svyaty'kh Ottsov. Ch. IV [Homilies. Vol. 8 : Works of the Holy Fathers. Part IV] / Saint Basil the Great. Moskva : Palomnik — Moscow : Pilgrim, 1993. 570 s.
6. Gregory the Theologian. Sbranie tvoreny : v 2 t. ; Reprint. izd. [Collection of Works : in 2 vol. ; reprinted edition] / Gregory the Theologian. B. m. : Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra — no place indicated : the Holy Trinity St. Sergius Lavra, 1994. Vol. 1. 680 s.

7. Lopukhin A.P. Zhizn i trudy' svyatogo Ioanna Zlatousto, arkhiepiskopa Konstantinopolskogo [The Life and Works of Saint John Chrysostom, Archbishop of Constantinople] / A.P. Lopukhin // URL : http://www.odinblago.ru/patrologia/zhizn_i_trudi_sv_ioanna/ (data obrascheniya : 15.05.2018 — accessed on : May 15, 2018).
8. Mayorov G.G. Formirovanie srednevekovoy filosofii. Latinskaya patristika [Establishment of the Middle Age Philosophy. The Latin Patristics] / G.G. Mayorov. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1979. 433 s.
9. Meyendorff I. Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie [An Introduction to the Patristic Theology] / I. Meyendorff // URL : https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svyatootecheskoe-bogoslovie/ (data obrascheniya : 15.05.2018 — accessed on : May 15, 2018).
10. Salygin E.N. Teokraticheskoe gosudarstvo [A Theocratic State] / E.N. Salygin // URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Sal/03.php (data obrascheniya : 26.05.2018 — accessed on : May 26, 2018).
11. Tvoreniya Vasiliya Velikogo. Tvoreniya izhe vo svyaty'kh ottsa nashego Vasiliya Velikogo, arkhiepiskopa Kesarii Kappadokiyskiya. Ch. 1–7 [Works of Saint Basil the Great. Works of Our Holy Father Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea in Cappadocia. Parts 1 to 7]. Moskva : Tip. A. Semena pri Imp. Med.-khirurg. akad. 1845–1848. Ch. 3 : Nravstvenny'e pravila. Moskva — Moscow : A. Semen's printing office under the Imperial Academy of Medicine and Surgery, 1845 to 1848. Part 3 : Moral Rules. Moscow, 1846. 550 s.
12. Heggglund B. Istoriya teologii [History of Theology] / B. Heggglund // URL : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/heggglund/38.php (data obrascheniya : 26.05.2018 — accessed on : May 26, 2018).
13. Tsyplin V.A. Tserkovnoe pravo [Church Law] / V.A. Tsyplin. Moskva : Izdatelstvo MFTI — Moscow : MIPT, 1994. 440 s.
14. Shmonin D.V. Vvedenie v srednevekovuyu filosofiyu. Patristika [Introduction to the Middle Age Philosophy. Patristics] / D.V. Shmonin. Sankt-Peterburg : Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ; Izdatelstvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii — Saint Petersburg : publishing house of the Saint Petersburg University ; publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2008. 145 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-24-28

Священнослужители как участники отечественного дореволюционного судебного процесса

*Латышева Наталья Аркадьевна,
старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
latyshevanatalia@yahoo.com*

Отечественная правовая традиция участия в судопроизводстве лиц духовного звания была воспроизведена в нормах Судебных уставов 1864 г. и находила свое практическое применение в судебной практике. Взаимодействие судебного и духовного ведомств, в силу общего понимания государственных интересов, носило конструктивный характер.

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., Министерство юстиции Российской империи, судья, Святейший Синод, священнослужитель, святость присяги.

Church Officers as Participants of the Domestic Pre-Revolutionary Judicial Procedure

*Latyшева Natalya A.
Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure Law
of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice
Candidate of Legal Sciences*

The domestic legal tradition of participation in the proceedings of the clergy were reproduced in the rules of Court regulations of 1864 and their practical application in judicial practice. The interaction of the spiritual and judicial departments, because the General understanding of the public interest, were constructive.

Keywords: Judicial statutes of 1864, the Ministry of justice of the Russian Empire, the judge, the Holy Synod, the clergy, the sanctity of the oath.

Судебные уставы 1864 г. признавали участие церкви в судебных делах с целью оказания содействия судьям в вынесении справедливых судебных решений. Согласно Уставу уголовного судопроизводства священнослужители и монашествующие всех христианских исповеданий освобождались от дачи присяги (ст. 99), свидетели из священнослужителей и монашествующих, которые не явились по первой повестке, вызывались в суд через их ближайшее начальство (ст. 68) и т.д. Свидетели православного исповедания приводились к присяге не иначе, как священником согласно тексту следующего формализованного главного обещания (ст. 713): «*Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием и Животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ни же ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его. В удостоверение же сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь*». При этом каждый присягающий, прикладываясь к Кресту и Евангелию, должен был произнести вслух: «Клянусь».

Нормы Устава гражданского судопроизводства также содержали ряд статей, регламентирующих участие церковнослужителей в гражданском процессе¹. От присяги освобождались священнослужители и монашествующие всех христианских вероисповеданий, а также лица, принадлежащие к вероисповеданиям и сектам, не приемлющим присяги, вместо присяги они давали обещание показать всю правду по чистой совести (ст. 96). Свидетели приводились к присяге по обряду своего вероисповедания, за исключением того случая, когда обе стороны по взаимному согласию освобождали свидетеля от присяги (ст. 395). Явившимся в назначенный день свидетелям священник или духовное лицо их исповедания напоминал о святости присяги и о наказаниях, положенных в законах за лживую присягу, при этом тяжущиеся присягали всегда сами, представительство в присяге не допускалось (ст. 493). Присяга принималась «в доказательство того, в чем она учинена, и не могла быть опровергаема никакими другими доказательствами» (ст. 198).

Однако существовал ряд ограничений, по которым присяга с участием священнослужителей не осуществлялась. К таким исключениям относились гражданские дела: 1) о правах состояния или о законности рождения; 2) о праве собственности на недвижимое иму-

щество; 3) дела, по которым субъектами являлись общества, товарищества и компании; 4) дела, в которых принимали участие несовершеннолетние и «вообще лица, которым было не дозволено свободное распоряжение имуществом»; 5) «связанные с обстоятельствами, состоящими в связи с каким-либо преступлением или проступком»; 6) по делам казенных учреждений, городских и сельских обществ; 7) «в опровержение прямого смысла актов, незаподозренных в подлинности» (ст. 497). Данная регламентация, безусловно, характеризует неоднозначность подходов Уставов 1864 г. к возможности участия в судебных делах священников.

Министерство юстиции Российской империи, обеспечивая надлежащий порядок судопроизводства, находилось в постоянном взаимодействии с представителями Святейшего Правительствующего Синода². Некоторые из обращений Синода к светской власти за разъяснениями требовали осуществления специальных организационных действий. В этой связи интерес представляют события 1901 г., когда из канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (Ведомство православного исповедания) поступило сообщение от 4 мая 1901 г. № 3490. Оно вызвало обширную внутреннюю переписку в судебном ведомстве.

Суть противоречий была отражена в следующих строках обращения Синода: «*В 1900 году один из витебских городских священников, назначенных по требованию местного Съезда мировых судей для привода к присяге свидетелей, обратился в Полоцкую духовную консисторию с просьбой об освобождении его от обязанностей привода к присяге, так как в дни, которые Съезд должен был приводить к присяге, попадают на первую неделю Великого поста, когда по должности... он будет занят еженедельными утренними и вечерними службами*»³. Полоцкая духовная консистория пыталась уладить вопрос официально — путем направления запроса к местному Съезду мировых судей, содержащего просьбу об освобождении данного священника от обязанностей являться в суд в данные дни для привода свидетелей к присяге. Однако Съезд, рассмотрев в распорядительном заседании просьбу консистории, признал ее «незаслуживающей уважения», одновременно сославшись на решение Правительствующего Сената от 6 марта 1878 г. № 8746. В данном

¹ Официальный сайт Президентской библиотеки. URL: <https://www.prlib.ru/item/372592>

² Святейший Правительствующий Синод был учрежден верховной самодержавной властью и являлся высшим органом церковно-государственного управления Русской церковью в период с 1721 по 1917 г.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 1.

акте разъяснялось, что духовные и монашеские лица не могут быть вызваны ни в качестве тяжущихся сторон, ни в качестве свидетелей в те дни и часы, когда ими по своему званию исполняются церковные богослужения, а в первую и последнюю неделю Поста они освобождаются от явки в суд. Таким образом, возникло различное толкование решения Сената со стороны духовных и светских лиц. Синод, заключая обращение в Министерство юстиции Российской империи, констатировал: «Священнослужители и при других епархиях могут быть вызываемы в суд для присяги в неуказанное время, а отсутствие их в это время в приходе представляет прямой ущерб для религиозно-нравственного состояния их паствы и вообще молящихся»⁴.

По получении данного обращения и его предварительного анализа юрисконсультской частью Министерства юстиции 17 мая 1901 г. за № 15821 была направлена срочная депеша прокурорам Судебных палат: Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Одесской, Киевской, Казанской, Саратовской, Варшавской, Тифлисской, Виленской, Иркутской, Ташкентской, Омской. Понимая всю серьезность ситуации, Министерство юстиции просило организовать оперативный сбор сведений о практике судебных мест, связанных с приглашением духовных лиц православного вероисповедания для приведения к присяге в те дни, когда названные лица по своему званию должны отправлять богослужение. В запросе, в частности, был поставлен вопрос: «Допускается ли возможность приглашать священников для означенной цели на первой и последней неделе Великого поста?»⁵.

Одним из первых на данный запрос ответил прокурор Московской Судебной палаты (письмо от 01.07.1901 № 2541). Он отчитывался министерству: «При Московских судебных установлениях, Нижегородском Вологодском, Рязанском и Калининском окружных судах для привода к присяге лиц православного вероисповедания состоят особые священники, назначаемые Епархиальным начальством. В Костромском, Ярославском, Тверском, Тульском, Архангельском, Елецком и Калужском окружных судах непосредственно приглашают одних и тех же священнослужителей. Владимирский окружной суд приглашает их через судебных приставов или благочинных... В случае невозможности прибытия... священнослужители сами озабочиваются приисканием и доставлением в заседания заместителей, обыкновенно из числа заштат-

ных священников... Такой порядок не вызывает затруднений»⁶.

Прокурор Саратовской Судебной палаты (письмо от 09.07.1901 № 1769) отметил: «Приглашение духовных лиц православно-го вероисповедания для привода к присяге как Саратовской Судебной палатой, так и большинством окружных судов производится через местные духовные консистории или благочинных, и лишь в редких случаях, путем обращения непосредственной к священникам... В судебные заседания назначаются священники из таких приходов, где их несколько, или заштатные, совсем свободные от обязанностей богослужения... В тех городах, где таких священников нет, судебные места при назначении часа для приглашения духовных лиц в свои заседания сообразуются со временем окончания церковных служб»⁷.

Прокурор Тифлисской Судебной палаты (письмо от 19.07.1901 № 1550) на основании отзывов всех прокуроров окружных судов в округе выявил отсутствие каких-либо затруднений или препятствий к своевременному открытию судебных заседаний в связи с невозможностью прибытия духовных лиц православного вероисповедания. Он отмечал, что на подведомственной ему территории: «Существует двоякий порядок приглашения духовных лиц православного вероисповедания для привода к присяге. Одни суды, такие как Ставропольский, Екатеринодарский, Бакинский, Ереванский, заранее входят в отношение с подлежащим духовным начальством о назначении для привода к присяге на известные дни духовных лиц православного исповедания — и они всегда аккуратно являются в положенное время. Однако редко встречаются случаи, когда назначенные священники, будучи заняты отправлением богослужения, не могут прибыть к самому началу заседания. Тогда, по их просьбе, заранее заявляемой, откладывают рассмотрение дел на несколько часов... В Тифлисском, Кутаисском, Владикавказском окружных судах для привода к присяге имеются известные, раз и навсегда назначенные духовным начальством священнослужители...»⁸. Так же как и другие Судебные палаты, прокурор Тифлисской Судебной палаты указывал на возможность проявления инициативы самих священников с целью найти себе своевременную замену или же явиться с опозданием, закончив богослужение в церкви, заранее уведомив об этом и заручившись безусловным согласием Суда и Председательствующих.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 2.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 4.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 11.

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 9.

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 5.

Одесская Судебная палата также зафиксировала отсутствие трудностей, препятствующих рассмотрению дел на первой и последней неделе Великого поста (письмо от 11.07.1901 № 2353). Ее председатель писал, в частности: «Сессии Симферопольского окружного суда в месте постоянного пребывания и заседания уездных Съездов Таврической губернии бывают в течение всего Великого поста, выездные же сессии Суда на первой и последней неделе не назначаются...»⁹.

Прокурор Санкт-Петербургской Судебной палаты (письмо от 15.10.1901 № 1039) доложил о наличии особых расписаний, которые составляются местной духовной властью — архиепископом, духовной консисторией или благочинным. На основании данных документов очередные священники освобождаются от обязанности по отправлению богослужения. При этом прокурор делал вывод: «Судебная власть всегда входит в положение священника»¹⁰.

Представленные выше, как и иные направленные в Министерство юстиции Российской империи, ответы судебных мест свидетельствовали о повсеместно найденном консенсусе светской и духовной властей. Проблема вызова лиц духовного звания для привода свидетелей к присяге по православному обряду на всей территории Российской империи, как выяснилось, отсутствовала. Данная позиция была зафиксирована в определении Общего Собрания Первого и Кассационного Департаментов Правительствующего Сената от 7 октября 1902 г. В судебном решении было, в частности, указано, что: «Вопрос разрешается с полной ясностью согласно существующим законам. Первая неделя и первые три дня Страстной недели Великого поста не отнесены... к числу праздничных или неприступных дней, в виду чего, судебные места, в производстве которых имеются судебные дела, готовые к слушанию, могут назначать судебные заседания... Приглашение лиц духовного звания к присяге, назначенные в вышеуказанные дни, составляет не только право, но и обязанность чинов судебного ведомства...»¹¹. Правительствующий Сенат нашел совпадение общих интересов духовенства, паствы и лиц судебного ведомства. В связи с осуществленным обобщением было решено: «...не представляется возможным делать по сему предмету каких-либо указаний судебным местам»¹².

Качество уровня взаимодействия светской и духовной власти в вопросах участия церкви в судопроизводстве может быть подчеркнуто существованием «Докладной записки Юрисконсульта при Синодальном Обер-прокуроре о соображениях, на основании которых надлежало бы составить для духовных установлений инструкцию по поводу Судебных уставов 20 ноября 1864 года». Данный документ явился следствием обнародования этих законов. В частности, сами священнослужители считали, что «Епархиальные Начальства должны прилагать особое попечение, чтобы для совершения священнодействия присяги в судебных заседаниях избирались такие священники, кои были способны исполнять подобный обряд с особой торжественностью, но и надлежащим образом внушить лицам, принимающим присягу, в особенности же присяжным заседателям, священную важность клятвенного обещания, и ответственность, приемлемую произносящими оную»¹³.

Без участия духовных лиц в отечественных дореволюционных судах характеристика судопроизводства данного периода представляется неполной. Безусловно, страх божественной кары за лжесвидетельствование был тем нравственным институтом, который сопровождал отечественный судебный процесс долгие столетия¹⁴. На рубеже XIX–XX в. он, подобно всем иным социальным завоеваниям человечества, эволюционировал и был востребован формирующимся буржуазным обществом. Несомненно, необходимо учитывать фундаментальное основание участия священнослужителей в судебном процессе в его историко-правовом аспекте. Как известно, оно покоилась на устоях самодержавной монархии, когда император носил титул Защитника церкви, а сама синодальная система, по мнению ряда ученых, означала «подчинение Церкви бюрократическому аппарату»¹⁵. В этой связи заслуживающим внимания является заключение о том, что «многообразные факты, реальные общественные отношения показывают, что все духовенство РПЦ было привлечено на государственную службу и, та-

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 10.

¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 25.

¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92. Л. д. 33.

¹² Там же.

¹³ Докладная записка Юрисконсульта при Синодальном Обер-прокуроре о соображениях, на основании которых надлежало бы составить для духовных установлений инструкцию по поводу Судебных уставов 20 ноября 1864 года. СПб., 1864. С. 11.

¹⁴ См. подр.: Пашин С. С. Присяга в судебной практике Галицкой (Червонной) Руси XV века и рота Русской правды // История государства и права. 2015. № 11. С. 32–35.

¹⁵ Корнев В. А. Исторический очерк развития церковно-государственных отношений в России до начала XX века // История государства и права. 2016. № 4. С. 47–50.

ким образом, составляло особый полупривилегированный служилый класс»¹⁶.

Священнослужители привносили в судебный процесс тот вспомогательный элемент, который не имел альтернативы, а великая ценность духовности, как предполагалось авторами Великой судебной реформы 1864 г., должна была служить достижению цели правосудия — вынесению справедливого судебного решения. Скорее всего, это было проявление идеализма, характерное для общественных отношений рассматриваемого периода, которое нашло свое отражение в праве. Сама формула для нахождения статистического показателя утверждаемости таких освященных клятв в судебных заседаниях не могла быть визуализирована, поскольку основа для ее разработки была нематериальна. Как представляется, рассматривая духовную клятву как доказательство, необходимо признавать наличие важнейшего момента, за-

ключающегося в особенности восприятия индивидом произошедших событий в силу его личностных особенностей — то, что ему кажется истинным и, безусловно, заслуживающим клятвы, не обязательно является отражением объективной реальности. Прибавляя к этому существование различного рода церковных индульгенций, само участие священнослужителей в судебных процессах в целях принятия присяги практически всегда могло быть нивелировано сознанием некоторой части недобросовестных свидетелей в духе отношения «Бог милостивый, он простит». Но данные замечания относятся лишь к внутреннему механизму духовной присяги и его процессуальной нагрузке. Тысячи священнослужителей России благочестиво, в силу действующего закона исполняли свой долг, способствуя имеющимся у них духовными и немногочисленными материальными атрибутивными ресурсами отпращиванию правосудия, что являлось особенностью рассматриваемого пореформенного периода развития судопроизводства.

¹⁶ Васильев И.А. Государственная служба православного духовенства в Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 215 с.

Литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 543. Д. 92.
2. Васильев И.А. Государственная служба православного духовенства в Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Васильев. СПб., 2011. 215 с.
3. Докладная записка Юрисконсульта при Синодальном Обер-прокуроре о соображениях, на основании которых надлежало бы составить для духовных установлений инструкцию по поводу Судебных уставов 20 ноября 1864 года. СПб., 1864. 137 с.
4. Корнев В.А. Исторический очерк развития церковно-государственных отношений в России до начала XX века / В.А. Корнев // История государства и права. 2016. № 4. С. 47–50.
5. Пашин С.С. Присяга в судебной практике Галицкой (Червонной) Руси XV века и рота Русской правды / С.С. Пашин // История государства и права. 2015. № 11. С. 32–35.

References

1. Rossiyskiy gosudarstvenny'y istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 1405. Op. 543. D. 92 [The Russian State Historical Archive. Fund 1405. List 543. Case 92].
2. Vasilyev I.A. Gosudarstvennaya sluzhba pravoslavnogo dukhovenstva v Rossiyskoy imperii : dis. ... kand. yurid. nauk [The State Service of the Orthodox Clergy in the Russian Empire : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / I.A. Vasilyev. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2011. 215 s.
3. Dokladnaya zapiska Yuriskonsulta pri Sinodalnom Ober-prokurore o soobrazheniyakh, na osnovanii kotorykh nadlezhalo by' sostavit dlya dukhovnykh ustanovleniy instruktsiyu po povodu Sudebnykh ustavov 20 noyabrya 1864 goda [A Memorandum of a Legal Adviser under the Chief Procurator of the Synod on the Considerations Based on which One Ought to Draft an Instruction for Ecclesiastical Institutions about the Judicial Statutes of November 20, 1864]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1864. 137 s.
4. Kornev V.A. Istoricheskiy ocherk razvitiya tserkovno-gosudarstvenny'kh otnosheniy v Rossii do nachala XX veka [A Historical Sketch on the Development of Church and State Relationships in Russia before the Early XX Century] / V.A. Kornev // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2016. № 4. S. 47–50.
5. Pashin S.S. Prisyaga v sudebnoy praktike Galitskoy (Chervonnoy) Rusi XV veka i rota Russkoy pravdy' [Oath in the Judicial Practice of Galician (Red) Rus of the XV Century and the Oath of Russkaya Pravda] / S.S. Pashin // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2015. № 11. S. 32–35.

Русская православная церковь и коррупция в XI–XV вв.

*Миронов Юрий Иванович,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Волжского филиала Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
kaf_upp@vgsu.ru*

*Николаев Николай Юрьевич,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Волжского политехнического института,
кандидат исторических наук
niksam@mail.ru*

*Рамазанов Сергей Павлович,
ведущий научный сотрудник Волжского филиала
Волгоградского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
sp-ram@yandex.ru*

В статье проанализирована коррупционная практика в церковных кругах в XI–XV вв. Выявлено семантическое и идеологическое содержание основных понятий, связанных с коррупцией в Древней Руси. Раскрыта эволюция общественной апперцепции на злоупотребления в Русской православной церкви.

Ключевые слова: коррупция, мзда, посул, Православная церковь, симония.

The Russian Orthodox Church and Corruption in the XI to the XV Centuries

*Mironov Yuri I.
Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Volgograd State University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

*Nikolaev Nikolay Yu.
Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Volzhsky Politechnical Institute
Candidate of Historical Sciences*

*Ramazanov Sergey P.
Leading Research Scientist of the Volzhsky branch of the Volgograd State University
Doctor of History
Professor*

The article analyzes corruption practices in church circles in the 11th–15th centuries. The authors have determined the semantic and ideological content of the main lexemes, connected with corruption. The evolution of social apperception into abuses in the Russian Orthodox Church is revealed.

Keywords: corruption, bribe, promise, the Orthodox Church, simony.

Проявления коррупции в России известны с древнейших времен как на уровне государственного управления, так и в масштабе отдельных общественных институтов. Зло-

употребления светских правителей и государственных чиновников уже в период Киевской Руси неоднократно становились объектом жесткой критики со стороны представите-

лей церкви, которые в свою очередь постоянно обвинялись в «неумеренном мздоимстве».

На раннем этапе древнерусской истории общепринятого понятия, эквивалентного современному термину «взятка», по-видимому, не существовало. Например, распространенная лексема «мзда» («мъзда», «мьзда», «мезда») трактовалась достаточно широко и соответствовала современным, вполне семантически нейтральным терминам «штраф», «плата», «дар», «награда»¹. В то же время понятие «мзда» имело и отрицательное значение, обозначая «взятку» и «подкуп»². Именно в таком негативном контексте писал о «мздовоздавая страже» митрополит Илларион в своем знаменитом «Слово о законе и благодати»³. Обращаясь к еще полужыческой аудитории древнего Новгорода епископ Лука Жидята (первая половина XI в.) призывает: «Судите по правде, мзды не принимайте, в рост денег («лихвы») не давайте»⁴. В нравоучительном «Изборнике Святослава» (1073, 1076 гг.) говорилось о всеилии власть имущих («сильного человека») и нравственной опасности взятки: «Мзда и дары (взятка) ослепляют очи мудрых, так что и зрячие не видят»⁵.

Идея опасности «мзды», соблазняющей (ослепляющей) очи мудрецов (Ветхий Завет, 20:29 «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова»), будет в дальнейшем многократно тиражироваться в религиозно-нравоучительной литературе XII–XVII в. Из подобных работ домонгольского периода можно отметить назидательно-дидактические тексты «Зла-

гоструя» (XII–XIII вв.)⁶. В то же время отметим, что позитивное значение «мзды», т.е. понимаемой как «награды», «платы», «дара» и пр., продолжало сохраняться, что доказывают многочисленные примеры из древнерусской литературы как светского, так и религиозного содержания⁷.

На наш взгляд, следует также обратить внимание на термины «лихоимство» и «сребролюбие», которые нередко составляли единую семантическую конструкцию с понятием «мзда». Подобную смысловую взаимосвязь можно неоднократно наблюдать в источниках домонгольского периода. Понятием «лихвы» тот же Лука Жидята обозначал дачу денег в рост, но использовал ее в одном ряду с «мздоимством»⁸. В конце XI в. митрополит Иоанн предостерегал православных, добровольно ходивших к «иноверцам»: «Тех, которые по своей воле ходят к поганым для купли и едят скверное, мы признаем за лихоимцев, мздоимцев и сребролюбцев...»⁹.

Основным понятием, связанным с коррупционностью в XIV–XVII вв., наряду с прежним — «мзда» — выступал термин «посул». «Посул» являлся наиболее семантически близким современному пониманию «взятки», однако его социальное наполнение и юридическое толкование за период XIV–XV вв. претерпели известную эволюцию¹⁰. По-видимому, в юридической терминологии Московского периода понятие «посул(ы)» первоначально не имело серьезного негативного,

¹ Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001. С. 61; Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. Т. 2. СПб., 1902. С. 225–226; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 618.

² Материалы для словаря древнерусского языка... С. 226.

³ Слово о законе и благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 20.03.2018).

⁴ Евсеев И.Е. Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894. С. 16.

⁵ Изборник 1076 года. М., 1965. С. 343–344, 362–363; Адрианова-Перец В.П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 года и русские пословицы // Труды Отдела древнерусской литературы; ред. Д.С. Лихачев, М.А. Салмина. Т. 25 : Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Наука, 1970. С. 12–13, 18.

⁶ Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных извлечений. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. Т. 4. С. 167.

⁷ Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (дата обращения: 20.03.2018); Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (дата обращения: 22.03.2018); Легенда о граде Китиже // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4960> (дата обращения: 21.03.2018).

⁸ Евсеев И.Е. Указ. соч. С. 16.

⁹ Канонические ответы митрополита Иоанна II (1080–1089 гг.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. С. 15–16.

¹⁰ Этимологически слово «посул» происходит от глагола «сулить», т.е. «предложить более высокую цену». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 342, 801.

т.е. коррупционного, содержания. Первое упоминание «посула» относится к 1320-м гг. и связано с жалованной и несудной грамотой ярославского князя Василия Давыдовича (Грозного) архимандриту Спасо-Ярославского монастыря Пимену. В ней устанавливался порядок совместного суда, а «посул» рассматривался как вполне законный вариант выплат, сопровождавший судебный процесс¹¹. Однако в русских юридических документах второй половины XV в. (Новгородской и Псковской судных грамотах) «посул», по крайней мере непубличный («тайный»), квалифицировался уже как противоправное действие¹². Окончательное запрещение «посулов» и придание этому понятию пейоративной коннотации было зафиксировано в Судебнике 1497 г.¹³

В условиях высокой коррумпированности государственного аппарата практика «мздоимства» закономерно распространялась и на церковную сферу, тем более что для Древней Руси, особенно в московский период ее истории, характерно постепенное сращивание институтов церковной и княжеской власти. По мнению ряда исследователей, высокий уровень злоупотреблений и стяжательства в Православной церкви сыграл существенную роль в развитии древнерусских еретических движений во второй половине XIV–XV в.¹⁴

Наибольшее общественное недовольство вызывала практика симонии, т.е. покупка и продажа церковных должностей. Так, в Лаврентьевской летописи в подобных злоупотреблениях обвинялся митрополит Никифор, который за взятку («на мзде») в 1184–1185 г. поставил Ростовским епископом некоего Николу Гречина¹⁵. Важнейшими решениями Владимирского собора (1274 г.) стали установленные ограничения симонии. «Мы же, — заявили его участники, — следуя евангельским и апостольским заповедям и веруя (в онья), заповедуем впредь с сего времени:

если кто найдется из святого нашего собора, который посвящал бы на мзде или игумена, который посвящал бы на мзде или игумена в игуменство, или священника поставлял по церквям, беря у него что-нибудь — таковые да будут извержены, а ходатайствующие да будут прокляты»¹⁶. В то же время постановления собора сохраняли установленное митрополитом право взимать «семь гривен с попов и дьяконов». Какие-либо сборы сверх установленных запрещались и рассматривались как противоправное деяние, требовавшее не только кары небесной, но и вполне «земной» реакции церковных властей.

Однако проблема коррупции среди священнослужителей оставалась актуальной и в дальнейшем, что отмечали источники XIV — начала XV в. Например, в письме князю Михаилу Ярославовичу Тверскому патриарх Нифонт (1310–1314 гг.) обвинял в симонии митрополита Петра («мзды емлет от ставления») ¹⁷. Некоторые исследователи (А.В. Карташев, Е.Е. Голубинский) видят в этом послании бездоказательный оговор будущего святого, порожденный политической борьбой между тверскими и московскими князьями. В то же время ряд историков (Н.С. Борисов) допускает, что Петр действительно брал «незаконную плату за поставление»¹⁸. Тем не менее на основании обвинений митрополита в симонии в 1311 г. в Переславле-Залесском состоялся собор, на котором присутствовал представитель патриарха. Несмотря на все усилия противников Петра, он был оправдан, но при этом его обличители также не понесли никакого наказания¹⁹. Противниками Петра в Константинополь был послан монах Богородицкой лавры Акиндин, который оставил адресованное князю Михаилу Тверскому послание, крайне резко критиковавшее практику продажи церковных должностей. Автор призывал князя бороться с симонией прежде всего в высших кругах Православной церкви. «Ты — царь, господин княже, в своей земле, и будешь пре-

¹¹ Жалованная тарханная и несудная грамота яросл. кн. Василия Давыдовича (Грозного) Спасо-Ярослав. м-ря архим. Пимену на м-рские села в Ярослав. княжестве, дана по доканчанию князя с архимандритом // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 204.

¹² Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 306, 317, 332, 347–348.

¹³ Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 54, 58–59, 62–64, 80–82, 96.

¹⁴ Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI века. М., 1960; Послание Константинопольского патриарха против стригольников // Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 234.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Вып. 1. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. С. 269–270.

¹⁶ Определения владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. Ч. 1. С. 86–89.

¹⁷ Два послания к великому князю Михаилу Ярославовичу тверскому: константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина — о поставлении на мзде (против митрополита Петра) // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. С. 149.

¹⁸ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 44; Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Ч. 1. С. 109–112; Корташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. С. 299–301.

¹⁹ Борисов Н.С. Указ. соч. С. 44; Голубинский Е.Е. Указ. соч. С. 109–110.

дан на истязания на нелицемерном Судилище Христовом, если смолчишь о беззакониях митрополита»²⁰. Акиндин категорически отрицал любую плату за поставление на сан, как законную, так и незаконную. В своем ригористическом неприятии симонии он был готов поставить под сомнение даже церковную иерархию, осуждая не только поставленных «за мзду», но тех, кто принимает от них святыне тайнства²¹.

Митрополит Киприан в «Послании» игуменам Сергию и Федору (1378 г.) говорил о недопустимости передачи церковной должности по желанию священнослужителя. «Возможно ли, чтобы кто-нибудь духовную благодать передал как наследство кому-нибудь в подарок? Поэтому непростительно, — писал он, — чтобы епископы поставляли и сажали на свое место в своих церквах, кого они хотят»²². Тем более недопустимым, по мнению Киприана, было поучение священного звания за взятку или волей правителя. «И потому покупающие и продающие святительство за мзду или приобретающие его силой княжеской — и те и другие бывают извержены, совершенно отлучены и изгнаны из церкви»²³.

В то же время следует помнить, что само назначение на митрополию происходило в рамках фактически узаконенной коррупционной сделки с патриархией. Так, Воскресенская летопись отмечала, что перед поездкой в Константинополь любимец Дмитрия Ивановича московского архимандрит Митяй занял под княжеские гарантии тысячу (рублей) серебра²⁴. Митяй скончался на корабле по дороге в столицу Византии, а избранный новым кандидатом в митрополиты Пимен одолжил дополнительно у местных итальянцев и мусульман еще «серебра в рост», чтобы затем раздать его на посулы «много на все стороны»²⁵. В начале XV в. митрополит Фотий упрекал своих противников из числа западнорусских иерархов в желании получить сан митрополита за взят-

ку. «И ты сам знаешь, — писал он Феodosию Полоцкому, — сколько ты предлагал серебра и золота за поставление. Если бы на мзде совершалось это, тебя бы не отослали с великим унижением и стыдом...»²⁶.

Отсутствие не только запрещения, но даже четкой законодательной фиксации взятки создавало широкие возможности для злоупотреблений как княжеских чиновников, так и церковных иерархов. Коррупционная среда в XIV–XV вв. подпитывалась не только общим низким уровнем правовой культуры, фактическим отсутствием четкой юридической терминологии, недостаточной социальной аперцепцией взяточничества, но и архаичной системой управления как в центре, так и на местах²⁷. В условиях отсутствия точных правовых норм, карающих за взятку, обиженные «посульщиками» и «мздаимцами», не имея иной поддержки и защиты, могли апеллировать разве что к Богу. Так, в грамоте славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю (1417 г.) говорилось следующее: «А посулов не брать по крестному целованию ради святого Вознесения. А кто начнет брать посулы у вознесенских монахов или кто обидит святое Вознесение, того [накажет] Бог, святое Вознесение и святой Павел»²⁸.

Разумеется, злоупотребления властью имущих не могли не вызвать известный социальный протест, который артикулировали главным образом священнослужители. Зачастую антикоррупционные призывы исходили от самых высокопоставленных представителей Православной церкви, которые встраивали их в библейскую канву «справедливого суда». «А вы, князья, бояре и вельможи, — призывал митрополит Алексий, — производите суд справедливо: (Иак. 2, 13); мзды на невинных не принимайте и не на лица судите суд Божий есть (Втор. 1, 17), справедливо людей судите, и вдовиц, и сирот, и пришельцев не обижайте, да не возопиют на вас к Богу»²⁹. В своем послании жителям Пскова (1426 г.) митропо-

²⁰ Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу тверскому... С. 157.

²¹ Там же. С. 153; Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 138–145; Корташев А.В. Указ. соч. С. 482–483.

²² Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Федору // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4990> (дата обращения: 21.03.2018).

²³ Там же.

²⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 30.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Окружное послание митрополита Фотия о незаконном поставлении литовскими епископами Григория Цамблака на киевскую метрополию // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. С. 329.

²⁷ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2: Курс русской истории. М., 1987. С. 308–316.

²⁸ Грамота Словенского конца Саввино-Вишерскому монастырю с подтверждением прежнего пожалования землею на р. Вишере // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Вайса. М.; Л., 1949. С. 148.

²⁹ Поучение Алексия митрополита от Апостольских деяний к христолюбивым христианом. Отче благослови(а) // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1847. Ч. 5. Кн. 1. С. 33–34.

лит Фотий, обращаясь к правителям города, наставлял последних стремиться к суду «нелицемерному и немздоимному», остерегаться «лихв» и «прибытков» неправедных³⁰.

Идеальный правитель рассматривался церковью прежде всего как носитель идей справедливого суда без «мзды» и «посула», защитник обиженных от злоупотребляющих властью вельмож и чиновников. Епископ Тверской Семен в «Наставлении», обращенном полоцкому князю Константину (Безрукому), говорил об ответственности правителя за берущих взятки тиунов³¹. Князь Владимир Васильевич Волынский (1249/1250–1288 гг.) в пространном описании Ипатьевской летописи ко всем прочим своим добродетелям был еще и «не мздоимец»³². Авторы «Похвалы» Ивану Даниловичу московскому (1340 г.), дьяки Мелентий и Прокоша, в числе достоинств князя особо отмечали его способность «суд не по мзде судит»³³. В послании игумена Кирилла Белозерского князю можайскому и белозерскому Андрею Дмитриевичу (1413 г.) говорилось о том, чтобы судьи «посулов не брали, довольны бы были уроками своими», ибо «судящие праведно, без мзды спасены будут и царство небесное наследуют»³⁴.

Антикоррупционные мотивы рефреном повторялись в многочисленных религиозно-нравоучительных сочинениях, а также посланиях и наставлениях авторитетных священнослужителей³⁵. В сборнике «Златая цепь» (рубеж XIV–XV в.) к числу «злых и скверных дел», наряду с гордостью, немилосердием, завистью, злобой, непослушанием и пр., монахи Троице-Сергиева монастыря относили и

«мздоимство»³⁶. В широко распространенном со второй половины XIV в. собрании поучений «Измарагд», своеобразном житейском путеводителе в русле христианской этики, говорилось: «Как корабль топит буря, так и богатство злое душу губит... недовольный богатством (своим) подобен пьянице, который любит много пить, а лихоимец любит собирать много, лихоимцу мзда глаза ослепляет...»³⁷.

Преступлениям «посульников» и «мздаимцев» противопоставлялись идеалы священнического общежития. В популярнейшем агиографическом сочинении XV в. «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого подчеркивалось, что преподобный «посулов не сулил... платы не давал, как делают некоторые честолюбцы»³⁸. В написанном Епифанием «Житии Стефана Пермского» святой противостоял языческому волхву, соблазнявшему неофитов подкупом («посулами» и «мздой»). «Если же кого не мог словами и своими возражениями переспорить и прельстить, — с негодованием писал агиограф, — то привлекал их лаской и подкупом ("посулами") — ибо иначе не мог никого переманить из веры христианской, кроме как за плату и подачку; ибо кого словами многожды не мог одолеть, того подкупом ("посулами") хотел одолеть»³⁹. Даже проставление Стефана епископом пермским произошло случайно, едва ли не вопреки мнению церковных и светских властей, так как святой «не добивался владычества, не суеился, не напрашивался, не подкупал, не сулил посулов, никому ничего не дал — ни подарка, ни взятки ("посула"), ни мзды»⁴⁰.

Подводя итоги, отметим распространенную практику «мздоимства» в Русской

³⁰ Послание митрополита Фотия в Псков, по случаю моровой язвы (2 февраля 1426 г.) // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. С. 470–471.

³¹ Наставление тверского епископа Семена // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4965> (дата обращения: 26.03.2018).

³² Полное собрание русских летописей. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. С. 627.

³³ Мещерский Н.А. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 99–100.

³⁴ Послание иг. Кирилла Белозерского можайск. и белозер. КН. Андрею Дмитриевичу // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2. С. 274.

³⁵ Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 6. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5091> (дата обращения: 26.03.2018).

³⁶ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков: сост. на основании наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, выс. утв. 24 дек. 1848, Ф. Буслаевым. М., 1861. С. 503.

³⁷ Цит. по: Адрианова-Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 28: Исследования по истории русской литературе XI–XVII вв. Л.: Наука, 1974. С. 22; Архангельский А.С. Указ. соч. С. 202.

³⁸ Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4991> (дата обращения: 27.03.2018).

³⁹ Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми... // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (дата обращения: 26.03.2018).

⁴⁰ Там же.

православной церкви в период XI — первой половины XV вв. На наш взгляд, причинами коррупции были как недостаточное общественное осуждение взяток, так и отсутствие государственных механизмов борьбы с коррупцией. В рамках самой церковной организации предпринимались шаги, призванные уменьшить служебные злоупотребления, и прежде всего связанные с

симонией, однако значительных успехов эти действия не принесли. В то же время следует указать на стремление религиозных кругов возглавить процесс обличения «послушания». Антикоррупционные выступления против «мздоимствующих» представителей светской власти и церковных иерархов артикулировали преимущественно священнослужители.

Литература

1. Адрианова-Перетц В.П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 года и русские пословицы / В.П. Адрианова-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы ; ред. Д.С. Лихачев, М.А. Салмина. Т. 25 : Памятники русской литературы X–XVII вв. М. ; Л. : Наука, 1970. С. 3–19.
2. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя / В.П. Адрианова-Перетц // Труды Отдела древнерусской литературы ; отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 28 : Исследования по истории русской литературе XI–XVII вв. Л. : Наука, 1974. С. 3–29.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : в 3 т. М. : Издательство АН СССР, 1958. Т. 2. 727 с.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : в 3 т. М. : Наука, 1964. Т. 3. 686 с.
5. Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных извлечений / А.С. Архангельский. Казань : Тип. Императорского университета, 1890. Т. 4. 231 с.
6. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 1 : XI–XII века. СПб. : Наука, 1997. 543 с.
7. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 4 : XII век. СПб. : Наука, 1997. 687 с.
8. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 5 : XIII век. СПб. : Наука, 1997. 527 с.
9. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 6 : XIV — середина XV века. СПб. : Наука, 1999. 583 с.
10. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Т. 12 : XVI век. СПб. : Наука, 2003. 624 с.
11. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков / Н.С. Борисов. М. : Издательство Московского университета, 1986. 206 с.
12. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков : сост., на основании наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, выс. утв. 24 дек. 1848, Ф. Буслаевым / Ф.И. Буслаев. М. : Унив. тип., 1861. 6, II с., 1632 стб., VIII с.
13. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В.Е. Вальденберг. Пг. : Тип. А. Бенке, 1916. 463 с.
14. Голубинский Е.Е. История русской церкви / Е.Е. Голубинский. Т. 2 : Период второй, московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. университете, 1900. Ч. 1. 940 с.
15. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1949. 407 с.
16. Изборник 1076 года. М. : Наука, 1965. 1096 с.
17. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М.А. Исаев. М. : Спарк, 2001. 119 с.
18. Казакова Н.А. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века / Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. М. ; Л. : Наука, 1955. 573 с.
19. Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI века / А.И. Клибанов. М. : Издательство АН СССР, 1960. 411 с.
20. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / В.О. Ключевский. Т. 2 : Курс русской истории. М. : Мысль, 1987. 447 с.
21. Корташев А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Корташев. Париж : YMCA-PRESS, 1959. 686 с.
22. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : труд И.И. Срезневского : в 3 т. СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1902. Т. 2 : Л–П. 15 с., 1802 стб.
23. Мещерский Н.А. К изучению ранней московской письменности / Н.А. Мещерский // Изучение русского языка и источниковедение. М. : Наука, 1969. С. 93–103.
24. Памятники древнерусского канонического права / ред. А.С. Павлов. 2-е изд. Ч. 1 : Памятники XI–XV в. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 1472 с. и стб.
25. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / изд. журн. «Странник» ; под ред. проф. А.И. Пonomарева. СПб. : Б. и., 1894–1898. Вып. 1 : Содержащий поучения: Луки Жидяты, митроп. Иллариона, Феодисия Печерского и Кирилла Туровского. 1894. 200 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Вып. 1 : Летопись по Лаврентьевскому списку. Повесть временных лет. 2-е изд. Л. : Издательство АН СССР, 1926. VIII с., 286 стб.

27. Полное собрание русских летописей. Т. 2 : Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. 938 стб., 108 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 8 : Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб. : Тип. Э. Праца, 1859. 302 с.
29. Поучение Алексия митрополита, от Апостольских деяний к христоролюбивым христианом. Отче благослови(а) // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1847. Ч. 5. Кн. 1. С. 30–39.
30. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
31. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М. : Юридическая литература, 1985. 519 с.
32. Русская историческая библиотека. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1880. Т. 6. Ч. 1. 931 с., 316 с., 71 с.
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

References

1. Adrianova-Peretts V.P. Aforizmy' Izbornika Svyatoslava 1076 goda i russkie poslovitsy' [Aphorisms of the Anthology of Svyatoslav of 1076 and Russian Proverbs] / V.P. Adrianova-Peretts // Trudy' Otdela drevnerusskoy literatury' ; red. D.S. Likhachev, M.A. Salmina. T. 25 : Pamyatniki russkoy literatury' X–XVII vv. [Works of the Department of Ancient Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, M.A. Salmina. Vol. 25 : Monuments of Russian Literature of the X to the XVII Century]. Moskva ; Leningrad : Nauka — Moscow ; Leningrad : Science, 1970. S. 3–19.
2. Adrianova-Peretts V.P. K voprosu o krughe chteniya drevnerusskogo pisatelya [On the Sphere of Readings of an Ancient Russian Writer] / V.P. Adrianova-Peretts // Trudy' Otdela drevnerusskoy literatury' ; otv. red. D.S. Likhachev. T. 28 : Issledovaniya po istorii russkoy literatury XI–XVII vv. [Works of the Department of Ancient Russian Literature / V.P. Adrianova-Peretts ; publishing editor D.S. Likhachev. Vol. 28 : Research on the History of Russian Literature of the XI to the XVII Century]. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1974. S. 3–29.
3. Akty' sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. : v 3 t. [Acts of the Socioeconomic History of North-Eastern Rus of the Late XIV to the Early XVI Century : in 3 vol.]. Moskva : Izdatelstvo AN SSSR — Moscow : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. Vol. 2. 727 s.
4. Akty' sotsialno-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. : 3 t. [Acts of the Socioeconomic History of North-Eastern Rus of the Late XIV to the Early XVI Century : in 3 vol.]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1964. Vol. 3. 686 s.
5. Arkhangel'skiy A.S. Tvoreniya ottsov tserkvi v drevnerusskoy pismennosti. Izvlecheniya iz rukopisey i opy'ty' istoriko-literaturny'kh izvlecheniy [Works of the Church Fathers in the Old Russian Writings. Abstracts from Manuscripts and Experiments of Historical and Literary Abstracts] / A.S. Arkhangel'skiy. Kazan : Tip. Imperatorskogo universiteta — Kazan : printing office of the Imperial University, 1890. Vol. 4. 231 s.
6. Biblioteka literatury' Drevney Rusi ; pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 1 : XI–XII veka [The Library of the Old Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. 1 : The XI to the XII Centuries]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 1997. 543 s.
7. Biblioteka literatury' Drevney Rusi Rusi ; pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 4 : XII vek [The Library of the Old Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. 4 : The XII Century]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 1997. 687 s.
8. Biblioteka literatury' Drevney Rusi ; pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 5 : XIII vek [The Library of the Old Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. 5 : The XIII Century]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 1997. 527 s.
9. Biblioteka literatury' Drevney Rusi ; pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 6 : XIV — seredina XV veka [The Library of the Old Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. 6 : The XIV to the Middle of the XV Century]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 1999. 583 s.
10. Biblioteka literatury' Drevney Rusi ; pod red. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. T. 12 : XVI vek [The Library of the Old Russian Literature ; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. Vol. 12 : The XVI Century]. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2003. 624 s.
11. Borisov N.S. Russkaya tserkov v politicheskoy borbe XIV–XV vekov [The Russian Church in the Political Struggle of the XIV to the XV Century] / N.S. Borisov. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Moscow : publishing house of the Moscow University, 1986. 206 s.
12. Buslaev F.I. Istoricheskaya khrestomatiya tserkovnoslavlyanskogo i drevnerusskogo yazy'kov : sost., na osnovanii nastavlenniya dlya obrazovaniya vospitannikov voen.-ucheb. zavedeniy, vy's. utv. 24 dek. 1848, F. Buslaevym [The Historical Anthology of the Church Slavonic and the Old Russian Languages ; compiled based on the instruction on training of students of military educational institutions, approved on December 24, 1848 by F. Buslaev] / F.I. Buslaev. Moskva : Univ. tip. — Moscow : University Printing Office, 1861. 6, II s., 1632 stb., VIII s.
13. Valdenberg V.E. Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti: ocherki russkoy politicheskoy literatury' ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka [Old Russian Teachings on the Limits of the Sovereign Powers: Sketches of Russian Political Literature from Vladimir the Great to the Late XVII Century] / V.E. Valdenberg. Petrograd : Tip. A. Benke — Petrograd : A. Benke's printing office, 1916. 463 s.

14. Golubinsky E.E. Istoriya russkoy tserkvi ; T. 2 : Period vtoroy, moskovskiy. Ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vkluchitelno [The History of the Russian Church ; Vol. 2 : The Second, Muscovite Period. From the Mongol Invasion to Metropolitan Macarius Inclusive] / E.E. Golubinsky. Moskva : Imp. o-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. universite — Moscow : Imperial Society of History and Russian Antiquities under the Moscow University, 1900. Part 1. 940 s.
15. Gramoty' Velikogo Novgoroda i Pskova ; pod red. S.N. Valka. [The Charters of Veliky Novgorod and Pskov ; edited by S.N. Valk]. Moskva ; Leningrad : Izdatelstvo AN SSSR — Moscow : Leningrad : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 407 s.
16. Izbornik 1076 goda [The Anthology of 1076]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1965. 1096 s.
17. Isaev M.A. Tolkovy'y slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiyey do ustavny'kh gramot Moskovskogo gosudarstva [The Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: from Agreements with Byzantium to Charters of the Muscovite State] / M.A. Isaev. Moskva : Spark — Moscow : Spark, 2001. 119 s.
18. Kazakova N.A. Antifeodalnye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XVI veka [Anti-Feudal Heretic Movements in Rus in the XIV to the Early XVI Century] / N.A. Kazakova, Ya.S. Lurye. Moskva ; Leningrad : Nauka — Moscow ; Leningrad : Science, 1955. 573 s.
19. Klibanov A.I. Reformatsionnoe dvizhenie v Rossii v XIV — pervoy polovine XVI veka [The Reformation Movement in Russia in the XIV to the First Half of the XVI Century] / A.I. Klibanov. Moskva : Izdatelstvo AN SSSR — Moscow : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 411 s.
20. Klyuchevsky V.O. Sochineniya : v 9 t. T. 2 : Kurs russkoy istorii [Writings : in 9 vol. Vol. 2 : A Course of the Russian History] / V.O. Klyuchevsky. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1987. 447 s.
21. Kortashev A.V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi [Sketches on the History of the Russian Church] / A.V. Kortashev. Parizh : YMCA-PRESS — Paris : YMCA-PRESS, 1959. 686 s.
22. Materialy' dlya slovarya drevnerusskogo yazy'ka po pismenny'm pamyatnikam : trud I.I. Sreznevskogo : v 3 t. [Files for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments : Writings by I.I. Sreznevsky : in 3 vol.]. Sankt-Peterburg : Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk — Saint Petersburg : publication of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1902. Vol. 2 : L–P. 15 s., 1802 stb.
23. Meschersky N.A. K izucheniyu ranney moskovskoy pismennosti [On Research of the Early Moscow Writing] / N.A. Meschersky // Izucheniye russkogo yazy'ka i istochnikovedeniye [Research of the Russian Language and Source Studies]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1969. S. 93–103.
24. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava ; red. A.S. Pavlov. 2-e izd. Ch. 1 : Pamyatniki XI–XV v. [Monuments of the Old Russian Canon Law ; edited by A.S. Pavlov. 2nd edition. Part 1 : Monuments of the XI to the XV Century]. Sankt-Peterburg : Tip. M.A. Aleksandrova — Saint Petersburg : M.A. Aleksandrov's printing office, 1908. 1472 s. i stb.
25. Pamyatniki drevnerusskoy tserkovno-uchitelnoy literatury' ; izd. zhurn. «Strannik» ; pod red. prof. A.I. Ponomareva [Monuments of the Old Russian Ecclesiastical and Educational Literature ; publication of the Pilgrim journal ; edited by Professor A.I. Ponomarev]. Sankt-Peterburg : B. i., 1894–1898. Vy'p. 1 : Soderzhaschiy poucheniya: Luki Zhidyaty', mitrop. Illariona, Feodosiya Pecherskogo i Kirilla Turovskogo — Saint Petersburg ; no publishing house indicated, 1894 to 1898. Is. 1 : Contains Lessons from Luka Zhidiata, Metropolitan Hilarion, Theodosius of the Caves and Kirill of Turov. 1894. 200 s.
26. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1 : Lavrentyevskaya letopis. Vy'p. 1 : Letopis po Lavrentyevskomu spisku. Povest vremenny'kh let. 2-e izd. [The Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 1 : The Laurentian Chronicle. Is. 1 : The Laurentian Chronicle. The Tale of Bygone Years. 2nd edition]. Leningrad : Izdatelstvo AN SSSR — Leningrad : publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1926. VIII s., 286 stb.
27. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 2 : Ipatevskaya letopis. 2-e izd [The Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 2 : The Hypatian Chronicle. 2nd edition]. Sankt-Peterburg : Tip. M.A. Aleksandrova — Saint Petersburg : M.A. Aleksandrov's printing office, 1908. 938 stb., 108 s.
28. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 8 : Prodolzheniye letopisi po Voskresenskomu spisku [The Full Collection of Russian Chronicles. Vol. 8 : Continuation of the Resurrection Chronicle]. Sankt-Peterburg : Tip. E. Pratsa — Saint Petersburg : E. Prats' printing office, 1859. 302 s.
29. Poucheniye Aleksiya mitropolita, ot Apostolskikh deyanii k khristolyubivym khristianam. Otche blagoslovi(a) [A Lesson of Metropolitan Alexius, from the Acts of the Apostles to Devout Christians. Father, Give Me Your Blessing] // Pribavleniya k Tvorenyam sv. Otsov — Supplement to Writings of the Holy Fathers. 1847. Part 5. Book 1. S. 30–39.
30. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t. T. 1 : Zakonodatel'stvo Drevney Rusi [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. Vol. 1 : Laws of the Ancient Rus]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 432 s.
31. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t. T. 2 : Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Russian Laws of the X to the XX Century : in 9 vol. Vol. 2 : Laws of the Period of the Establishment and Strengthening of the Russian Centralized State]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 519 s.
32. Russkaya istoricheskaya biblioteka [The Russian Historical Library]. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoy akademii nauk — Saint Petersburg : printing office of the Imperial Academy of Sciences, 1880. Vol. 6. Part 1. 931 s., 316 s., 71 s.
33. Vasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazy'ka : v 4 t. ; per. s nem. 2-e izd., stereotip. [Etymological Dictionary of the Russian Language : in 4 vol. ; translated from German. 2nd edition, stereotyped] / M. Vasmer. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1986. Vol. 2. 672 s.
34. Vasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazy'ka : v 4 t. ; per. s nem. 2-e izd., stereotip [Etymological Dictionary of the Russian Language : in 4 vol. 2nd edition, stereotyped] / M. Vasmer. Moskva : Progress — translated from German. Moscow : Progress, 1987. Vol. 3. 832 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-37-41

Вопросы христианизации и свободы вероисповедания аборигенного населения Обского Севера: поиски путей решения этнополитических проблем XVII – начала XIX вв.

*Салимгареева Альбина Рифовна,
доцент кафедры «Общепрофессиональные и специальные дисциплины по юриспруденции» Южно-Уральского государственного университета, филиал в городе Нижневартовске,
кандидат юридических наук
alabina81@mail.ru*

В статье рассматривается правовой статус коренного населения Обского Севера в процессе внедрения норм христианской религии, то, как происходили те или иные процессы развития у туземного населения в связи с его присоединением к России, какие методы применяли миссионеры в процессе христианизации и какую роль при этом играла власть. Существовал ли баланс между властью и церковью при решении национально-государственных и этнополитических проблем? Почему христианизация народов Северо-Западной Сибири носила чисто внешний, формальный характер и как политика миссионеров повлияла на дальнейший процесс историко-правового развития российской государственности в целом и сплочения народов в частности?

Ключевые слова: политика, история права, христианизация, коренное население, аборигены, Западная Сибирь, этнополитические проблемы, пути решения.

The Issues of Conversion to Christianity and Free Exercise of Religion of the Aboriginal Population of the Ob North: Searching for New Ways to Solve Ethnopolitical Problems of the XVII to the Beginning of the XIX Century

*Salimgareeva Albina R.
Assistant Professor of the Department of the General Professional and Special Disciplines in Jurisprudence of the Nizhnevartovsk Branch of the South Ural State University
Candidate of Legal Sciences*

The article examines the legal status of the indigenous population of the Ob North in the process of introducing the norms of the Christian religion, about how various development processes took place among the native population in connection with their accession to Russia, what methods the missionaries used in the process of Christianization, and what role the authorities played. Was there a balance between power and the church in dealing with national-state and ethnopolitical problems. Why the Christianization of the peoples of North-West Siberia was purely external, formal in nature and as a policy of missionaries influenced the further process of historical and legal development of Russian statehood as a whole and the rallying of peoples in particular.

Keywords: politics, history of law, christianization, indigenous people, aborigines, western Siberia, ethnopolitical problems, solutions.

На сегодняшний день положение нерусских народов в составе Российской Федерации — одна из наиболее актуальных проблем в среде историко-правовых наук, тем более что их численный состав с каждым годом сокращается. Как происходили те или

иные процессы эволюции у коренных народов в связи с их присоединением к России, в настоящее время представляет собой огромную ценность, поскольку это обусловлено не только поиском истоков и путей разрешения современных национально-государственных

и этнополитических проблем, но и тем, что только при условии научного подхода к данной проблеме возможен полный и всесторонний анализ процесса историко-правового развития российской государственности в целом.

Говоря о политике христианизации, следует отметить, что случаи принятия христианства на территории Зауралья и Сибири имели место еще до открытия Сибирской епархии, а именно в конце XVI в. Основным способом изучения Сибири было личное наблюдение, непосредственное исследование природы и населения. С этой точки зрения большой интерес представляют записи русских чиновников, путешественников и самих аборигенов.

Значительный вклад в изучение Сибири периода христианизации, по мнению исследователя В.Г. Мирзоева, внесли так называемые путешественники поневоле, например, Г. Новицкий, который в своем очерке «Краткое описание о народе остячком» указывает на добровольный характер обращения хантов и манси в христианство. При этом он рассказывает о применении миссионерами самых разнообразных методов, начиная от публичного сожжения капищ и идолов и завершая использованием безвыходного положения новообращенных, указывая на то, что у жителей Сибири не оставалось никакого права на свободу вероисповедания¹. Тем самым Г. Новицкий, возражая своей собственной точке зрения и личной эмпирике, отражает правительственно-церковную концепцию в вопросах политики внедрения норм христианской религии Сибири.

И.Б. Мюллер, пленный шведский капитан, который находился в это время в окружении митрополита Сибирской епархии, в своем произведении «Жизнь и обычаи остяков» 1716 г. основывался на свои записи наблюдений и реляции людей, которым он всецело доверял². Тем самым Мюллер принял не только точку зрения Новицкого, но и обширный фактологический материал.

В.Н. Татищев, напротив, высоко оценивал успехи христианского просвещения сибирских народов. Определяя деятельность сибирского митрополита Феофана Лещинского, он писал: «Многие тысячи вотяков крестил, но когда посмотрим, то видим, что он более сделал, как их перекупал, да белые

рубашки надевал, и оные в крещение причел»³.

Тем не менее исследования путешественников, которые оказались в Сибири не по своей воле, не всегда могут показать реальную сторону и стать объективным материалом для раскрытия истинной картины принятия христианства народами Сибири. Хотя вся ценность путевых заметок и дневников как раз и заключается в их глубокой субъективности.

Достаточно долгий период времени вопросы правового статуса народов Сибири не являлись предметом специального исследования в отечественной историко-правоведческой литературе. Однако все чаще в последние годы отдельные аспекты правительственной политики и управленческой практики в отношении автохтонного населения сибирских регионов начинают привлекать пристальное внимание исследователей.

Среди наиболее известных ученых, занимавшихся проблемами внедрения христианства среди народов Западной Сибири являются Н.А. Миненко, Г.Ф. Миллер, В.И. Вагин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков.

В начале XX в., несмотря на устоявшийся уже интерес к проблемам истории государства и права, вопросы правового устройства аборигенного населения Сибири не получили каких-нибудь серьезных разработок в историко-правоведческой литературе. В качестве исключения можно лишь отметить работу С.М. Прутченко, трехтомный труд А.А. Дунина-Горкавича и работы С.В. Бахрушина.

Процесс внедрения норм христианской религии среди народов Северо-Западной Сибири относится к XVII в., хотя временем массового распространения христианства стало XVIII столетие. Указы правительства XVII в. вносили запрет на массовое крещение хантов, манси, ненцев и селькупов. Поскольку северные регионы Сибири еще не стали органической частью православного Русского государства, именно поэтому правительство испытывало страх потерять такой существенный источник доходов, как ясачные платежи, к чему могли привести слишком быстрые действия по обращению коренного населения в христианство. К XVIII в. позиции России в Северном Приобье достаточно хорошо укрепились. Господствующие круги посчитали возможным начать идейное закрепление своих политических успехов по присоединению Сибири, оказав при этом содействие желаниям церкви распространить свою власть на зауральские народы.

¹ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. Новосибирск : Новосибиргиз, 1941. С. 38.

² Мюллер И.Б. Нравы и обычаи остяков. Ханты-Мансийск : Фонд памяти светлейш. князя А.Д. Меншикова, 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.

³ Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма / глав. ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1981. С. 48.

Здесь хочется отметить сохранившийся на протяжении многих столетий закономерный баланс власти и церкви, которые всегда нуждались и нуждаются в поддержке друг друга, тем не менее не стоит забывать, что власть всегда должна была держать церковь на расстоянии вытянутой руки.

Так, в январе 1702 г. первым митрополитом Северного Приобья становится Филофей Лещинский, неутомимый миссионер, суровый аскет.

Уже в конце 1706 г. появился первый петровский указ о всеобщем массовом крещении северо-обских народов. Митрополиту и священникам данным указом было предписано ехать по юртам, жечь языческие идолы, на местах кумирниц строить церкви и часовни, жителей «от мала до велика» крестить⁴. Следует отметить, что указ не предполагал насильственного крещения местных туземцев, с их правами должны были считаться. Условием Петра было крестить лишь тех, которые захотят сами перейти в православие. В качестве награды за такое решение с вновь обращенных снимались все ясачные долги, и к тому же они получали в дар из государственной казны кафтаны, рубашки и хлеб. «Жечь идолы» и возводить церкви предполагалось только на землях обращенных. В соответствии с содержанием указа и была снаряжена первая миссионерская экспедиция 1707 г. к березовским хантам. В арсенале данного мероприятия состояло лишь «Слово Божье». Экспедиции повторялись по одним и тем же направлениям по несколько раз до 1720 г. В то же время немногочисленность крестившихся при первой поездке митрополита отвергает тезис о насильственном обращении хантов в православие.

Наибольшее сопротивление по внедрению христианской религии оказывали ненцы и обдорские ханты. В 1789 г. Сенат вынес постановление, по которому действия миссионеров в Северном Приобье были временно приостановлены. Поводом этому послужили беспорядки среди европейских ненцев «по случаю разнесшегося между ними слуха, что их хотят крестить насильно»⁵. Процесс внедрения христианской религии возобновился в Обдорском крае в 1826 г. Однако повторное появление миссионеров в Обдорске вновь было встречено с негодованием коренным населением. Они полагали, что «насильственное

крещение оскорбляет природную их любовь к древним своим обычаям и богослужению, не принося христианству ни малейшей пользы»⁶.

По некоторым соображениям правительства, ясачных необходимо было для начала «привязать к русским и религии нашей добрым обхождением и примерами доброй нравственности, привлечь к учебе в семинарии способных детей из числа коренного населения, а затем использовать их для распространения нравственности христианской и для занятия должностей по внутреннему их управлению»⁷.

Беспорядки среди обдорских ненцев и хантов в конце 30-х гг. XIX в. вынудили правительство вновь приостановить проповедническую деятельность на севере страны, которая была возобновлена лишь с 40-х гг. XIX в.

Тем самым можно выделить множество причин провала крещения обдорцев: это и власть института патриархально-общинного строя, и специфика образа жизни и ведения хозяйства, связанные с постоянными перекочевками. Основными же причинами являлось отсутствие освобождения от ясака для ненцев и части обдорских хантов, резкое падение льгот для новообращенных в будущем, а также беспредел и самоуправство приходских священников, проявившиеся сразу же с их появлением в ясачных волостях.

Отдельные авторы утверждают, что основным способом обращения в христианскую религию аборигенов Северо-Западной Сибири было насилие в сочетании с безразличием к свободе вероисповедания. Их выводы основаны на нахождении отряда солдат при миссионерах начала XVIII в. и записях мансийского фольклора о жестоком обращении со стороны проповедников. Однако хочется отметить, что факты о насилии не соответствуют версии, что новообращенным предоставлялись разнообразные льготы, например в уплате ясачного налога. Солдаты же были нужны для помощи в передвижении по труднодоступным и непроходимым местам Севера, а поздние фольклорные записи должны всегда сопоставляться с достоверными источниками, т.е. выходит, что мнения авторов противоречат фактам ранее проведенных исследований по данному вопросу.

Говоря о льготах, то до 1720 г. с новообращенных по указу были сняты все ясачные недоимки и задолженности. С этого же года вводилось новое правило, а именно освобождение от ясака и прочих платежей сроком на

⁴ Полное собрание законодательства. СПб., 1885. Т. XV. С. 189.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 7-7 об.; Абрамов Н.А. Филофей Лещинский, митрополит тобольский и сибирский // Журнал министерства народного просвещения. 1846. № 12. С. 3.

⁶ Сибирь в прошлом, настоящем и будущем... С. 68.

⁷ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. С. 267–268.

три года. В 1744 г. срок льготы был уменьшен до одного года, а в 1751 г. было вновь установлено трехлетнее освобождение от налогового бремени. По истечении льготного периода платежи возобновлялись. Ясачная реформа 60-х гг. XVIII в. ликвидировала льготы для новокрещенных, из этого становится понятной неудача.

Первостепенную значимость имели и награды за крещение. До 1740 г. в качестве дара каждому, кто принял христианскую веру, из назначенной государством суммы дарили по медному кресту, по одной рубахе и по сермяжному кафтану, шапку и рукавицы, чирки и чулки. Тому, кто побогаче, — серебряный крест, суконный кафтан и по куску ткани, вместо чириков полагались сапоги. Женщинам — «волосники», холщевые рубахи. Более того, вдобавок каждому вручалась денежная сумма, которую по желанию могли относить в счет будущего платежа ясака. В первой половине XIX в. количество подарков было сведено к минимуму. Значительная часть хантов «ради сей обновки» по несколько раз приходили «просить святого крещения». Это обстоятельство также свидетельствует о добровольном принятии обряда принятия христианства основной массой угров, поскольку они попросту не придавали ему особого значения. Однако это относилось лишь к людям, достигшим зрелого возраста. Ф. Белявский отмечает, что «крещение принимают только взрослые, а детей прячут в кочевьях», поскольку дети не были обременены ясачным налогом, тем самым пытаясь сохранить у детей свою веру и культуру.

Известно, что до 1766 г. новообращенным в христианскую религию предоставлялись и судебные льготы. В 1721 г. по указу Петра сибирским аборигенам, принявшим православие, за преступления, совершенные ими до крещения, «наказания чинить не велено». Указ 1743 г. разрешал «отпускать» маловажные «вины» за восприятие православной веры. С 1741 г. правительство потребовало от местных властей, чтобы с новокрещенных, которые обвинялись в «смертных убийствах» и в других тяжких преступлениях, «смертию не казнить и в ссылку не посылать». Однако уже через год данный указ был отменен. Указ 1724 г. велел «иноверцев, которые крестились... несмотря не на какие их крепости... учинить свободных». Через 19 лет уже новый указ гласил, что все «кабалы» и «заемные письма», совершенные на свободных новокрещенных, объявлялись недействительными, а сами «закабаленные» отпускались на волю.

Проповедники также находились в постоянном поиске опоры социальной верхуш-

ки местных аборигенов. Политика миссионеров была направлена на то, чтобы хоть как то освоиться в языческой религии коренного населения. Именно по этой причине церковь разрешала время от времени совершать языческие обряды, но в честь христианского бога.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что христианизация аборигенов обского Севера проходила на добровольной основе. Вероятно, к принудительному насилию миссионеры прибегали время от времени, как к крайним мерам при внедрении христианской религии среди коренного населения. Необходимо также отметить, что светские власти даже преследовали попытки насильственного крещения аборигенов, поскольку опасались беспорядков со стороны аборигенов язычников, именно с этих соображений вводились различные льготы и дарения. Устав 1822 г. вводил свободу вероисповедания для сибирских туземцев. Все эти мероприятия были направлены на поддержание мирных отношений и достижение своих целей. «Инородцы свободны в содержимом ими вероисповедании, не могут быть принуждаемы к перемене веры», — гласит § 129 «Проекта законов для бродячих и кочевых инородцев...»⁸.

В целом, подводя итоги, можно отметить, что политика по внедрению христианской религии народов северо-западной Сибири носила формальный характер, общественное сознание их было практически не затронуто. При определенной установке православия на местные культы религиозные представления даже крестившихся угров и сомодийцев сохраняли традиционную окраску. Христианский бог, включая всех святых и календарь, адаптированный к хозяйству земледельца, например, не мог дать ответ, где лучший промысел рыбы или зверя либо как уберечь от падежа оленей. Простейшие же почитания хантов, манси, ненцев и селькупов содержали наиболее полный объем правил человеческого поведения для сохранения устойчивости отношений в границах общины и патронимии.

В настоящее время туземное население Сибири является достаточно неоднородным по своей культуре, восприятию мира, формально у них до сих пор наблюдается устойчивость дохристианских, языческих взглядов и убеждений. С одной стороны, христианизация внесла в северное Приобье новое притеснение — угнетение со стороны миссионерских церковников. Однако, с другой стороны, хри-

⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29 // Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. М. : Юринформцентр, 1999. С. 403.

стианизация сыграла и положительную роль в заимствовании коренными жителями Сибири

прогрессивной русской культуры в процессе сплочения народов.

Литература

1. Абрамов Н.А. Филофей Лещинский, митрополит тобольский и сибирский / Н.А. Абрамов // Журнал министерства народного просвещения. 1846. № 12. С. 16.
2. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк / Н.А. Миненко. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
3. Мюллер И.Б. Нравы и обычаи остяков / И.Б. Мюллер. Ханты-Мансийск : Фонд памяти светлейш. князя А.Д. Меншикова, 2003. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.
4. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком / Г. Новицкий. Новосибирск : Новосибиргиз, 1941. 106 с.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29 // Кряжков В.А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты. М. : Юринформцентр, 1999.
6. Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 1 : Сибирь в эпоху феодализма и капитализма / глав. ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1981. 167 с.

References

1. Abramov N.A. Filofey Leschinskiy, mitropolit tobolskiy i sibirskiy [Philotheus Leschinsky, Metropolitan of Tobolsk and Siberia] / N.A. Abramov // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya — Journal of the Ministry of Education. 1846. № 12. S. 16.
2. Minenko N.A. Severo-Zapadnaya Sibir v XVIII — pervoy polovine XIX v. : istoriko-etnograficheskiy ocherk [Northwestern Siberia in the XVIII to the First Half of the XIX Century : a Historical and Ethnographic Sketch] / N.A. Minenko. Novosibirsk : Nauka — Novosibirsk : Science, 1975. 308 s.
3. Müller I.B. Nrav'y' i oby'chai ostyakov [Customs and Traditions of Ostyaks] / I.B. Müller. Khanty'-Mansiysk : Fond pamyati svetleysh. knyazya A.D. Menshikova — Khanty'-Mansiysk : Memorial Foundation of His Highness Prince A.D. Menshikov, 2003. 1 electronic optical disk (CD-ROM) : il.
4. Novitsky G. Kratkoe opisanie o narode ostyatskom [A Brief Description of the Ostyak People] / G. Novitsky. Novosibirsk : Novosibgiz — Novosibirsk : Novosibirsk State Publishing House, 1941. 106 s.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1849 g. T. 38. № 29 [The Full Collection of Laws of the Russian Empire Since 1849. Vol. 38. No. 29] // Status malochislenny'kh narodov Rossii. Pravovy'e akty' ; V.A. Kryazhkov [The Status of Small-Numbered Peoples of Russia. Legal Acts ; V.A. Kryazhkov]. Moskva : Yurinformsentr — Moscow : Legal Information Center, 1999.
6. Sibir v proshlom, nastoyaschem i buduschem. Vy'p. 1 : Sibir v epokhu feodalizma i kapitalizma ; glav. red. A.P. Okladnikov [Siberia in the Past, Present and the Future. Is. 1 : Siberia in the Period of Feudalism and Capitalism ; editor-in-chief A.P. Okladnikov]. Novosibirsk : Nauka — Novosibirsk : Science, 1981. 167 s.

Российская империя: историко-правовой аспект проблемы вхождения народов и присоединения территорий, или К вопросу о том, справедливы ли некоторые высказывания К. Маркса по поводу внутренней политики России?

*Чеджемов Сергей Русланович,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Северо-Кавказского горно-металлургического института,
профессор кафедры педагогики и психологии Северо-Осетинского
государственного университета имени К.А. Хетагурова,
доктор педагогических наук, профессор
srchedgemov@mail.ru*

В статье анализируются некоторые оценочные высказывания Карла Маркса по вопросам истории государства и права России. Автор цитирует некоторые из них и призывает критически относиться к этим утверждениям, по его мнению, прямо искажающим суть рассматриваемых событий и явлений. Признавая справедливость концепции К. Маркса о формационном развитии институтов государства и права в истории человечества, критически оцениваются такие его утверждения, которые в годы идеологического прессинга в обществоведческих исследованиях признавались единственно верными. Предметом авторского рассмотрения является историко-правовой аспект присоединения народов и территорий к Российской империи в свете высказываний Маркса о проводимой ею внутренней и внешней политике, и делается вывод о том, что процесс аккультурации народов России не имеет аналогов в истории имперской политики иных государств.

Ключевые слова: Российская империя, К. Маркс, аккультурация, юг России, Кавказ, Осетия-Алания, обычное право, правовая культура, история государства и права.

The Russian Empire: Historical and Legal Aspect of the Issue of Inclusion of Peoples and Accession of Territories – or on the Issue of Truthfulness of Some Statements of K. Marx on the Domestic Policy of Russia?

*Chedzhemov Sergey R.
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy
Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of the North Ossetian State
University named after Kosta Levanovich Khetagurov
Doctor of Education
Professor*

The article analyzes some of Karl Marx's statements concerning history of the state and law of Russia. The author cites some of them and calls for a critical attitude to the statements, which in his opinion, directly distorting the essence of the considered events and phenomena. Recognizing the fairness of the Marx's concept on the formation development of state and law institutions in the history of mankind, the author shows that statements considered in the years of ideological pressure as the only true ones now are critically evaluated. The subject of the author's consideration is the historical and legal aspect of the accession of peoples and territories to the Russian Empire through Marx's statements on its internal and foreign policy. The author concludes that the process of acculturation of the peoples of Russia has no analogues in the history of the Imperial policy of other states.

Keywords: the Russian Empire, K. Marx, acculturation, the South of Russia, Caucasus, Ossetia-Alaniya, customary law, legal culture, history of state and law.

Автор настоящей публикации не ставит под сомнение поистине энциклопедические воззрения Карла Маркса на трактовку проблем формационного развития институтов государства и права в истории человечества, на которые справедливо обращал свое внимание видный ученый в области теории и истории государства и права А.С. Мамут¹. Но так ли были научно безупречны утверждения Маркса, в которых наша государственная и правовая история подвергалась уничтожительной критике? Думается, что 200-летняя годовщина со дня рождения Карла Маркса дает замечательный повод разобраться в этом.

Статья К. Маркса «Парламентские дебаты» была написана на основе анализа текстов выступлений членов английского Парламента, опубликованных на страницах лондонской газеты «Таймс»². Марксовским комментариям подвергались высказывания членов британского Парламента, имена которых сегодня мало что говорят даже заинтересованному историей читателю. Это Ричард Кобден, Генри Драммонд и Томас Берри Хорсфолл.

К. Маркс отмечал: «Для России существует только одна признанная цель, говорит Хорсфолл, усилить свое политическое могущество посредством войны. Она преследует расширение своей территории; начиная с чудовищного обмана, которым был отмечен первый шаг российского самодержца в этом деле, и кончая ужасной бойней под Синопом, его деятельность характеризуется жестокостью, лживостью и преступлениями, необычными даже в летописях России, страны, вся история которой представляет собой сплошное преступление, и тем более ужасными, что царь позволяет себе кощунственно ссылаться на христианское учение, основы которого он так грубо попирает»³.

Как видим, К. Маркс цитирует и в ходе дальнейших рассуждений не опровергает оценочные высказывания, которые, впрочем, отражали умозаключения не простых обывателей, а представителей британского истеблишмента, основанные на антирусских мифах о России, о которых весьма убедительно пишет В.Р. Мединский⁴.

Подобные пропагандистские клише возникли не только на почве научной неосведомленности, но и целенаправленно культи-

вировались определенной частью правящих кругов, и они становились частью убеждений не только западноевропейского обывателя, но и политической элиты. В оценке российско-турецких отношений их симпатии были на стороне Османской империи, и объяснялись они не столько любовью к Турции, сколько ненавистью к России. Ее появление на Кавказе и в бассейнах Черного и Каспийского морей не вписывалось в геополитические планы Турецкой, Британской, Австро-Венгерской и набиравших силу Прусской и Французской империй.

Во внешней политике этих сверхдержав того времени совершенно не учитывались мнения самих народов, проживавших на Кавказе и на побережьях вышеназванных морей, между тем как еще со времен Петра Великого распространение российского влияния на народы Кавказа было основано на определенной концепции их вовлечения в состав единого государства, многие положения которой в наши дни именуется «мягкой силой». Данная концепция была развита в период правления императрицы Екатерины II. Ее фаворит Г.А. Потемкин по согласованию с императрицей разработал еще в 1786 г. «Положение о горских народах», которое стало программой действий центрального российского правительства на южных рубежах России. Этот документ отражает не только политические и правовые мысли Потемкина, но и Екатерины II. К сожалению, до сих пор в исследованиях по истории политико-правовой мысли России их анализу не уделяется должного внимания.

Профессор В.В. Дегоев впервые проанализировал содержание «Положения» и выявил его основную идею — превращение горцев Кавказа в военно-служилое сословие по образцу казачьего войска с теми же функциями⁵. Продвижение границ России на Восток растянулось почти на 200 лет, и ему решительно противились Турецкая империя и Персия (Иран). Политико-правовая сущность стремления этих стран в корне отличается от российской. Она имеет ярко выраженные особенности, главная из которых заключается в том, что только Россия рассматривала живущие там народы в качестве субъектов международного права, что, в частности, наглядно проявляется в конкретных исторических фактах — переговорах о вхождении в состав Российской империи, которые ведет Россия с депутациями кавказских народов, в том числе и на высшем государственном уровне. Например, грузинские и осетинские посольства в разные годы были приняты императором Пе-

¹ Мамут А.С. Карл Маркс как теоретик государства / отв. ред. Н. П. Фарберов. М.: Наука, 1979. 264 с.

² Маркс К. Парламентские дебаты // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 10. С. 77–91.

³ Там же. С. 77.

⁴ Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». Мифы о России-2. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012. 544 с.

⁵ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003. С. 22.

тром I, императрицами Елизаветой Петровной и Екатериной II, о чем мы ранее писали⁶.

Согласно академическому изданию истории народов Северного Кавказа, «в 1557 году в состав России вошли народы Кабарды и Адыгеи, в 1558 году — часть Ингушетии, в 1614–1635 годах — ханства и общества Дагестана, в 1774 году — Осетия. Примечательно, что согласно этой же хронологии вхождение некоторых народов растягивалось на столетия, причем имели место и повторные присяги на верность, так называемые переприсяги»⁷. Правовая оценка повторных присяг (переприсяг) не может быть однозначной, но в целом они свидетельствуют об обновлении имевшихся государственно-правовых отношений.

Профессор Ш.А. Гапуров отмечает, что среди правительственных кругов России бытовало мнение о пользе переприсяг на том основании, что лучше принять коварную покорность народа и, «не полагаясь во всем на нее, доставлять этому народу возможные выгоды, ожидать, чтобы для собственной пользы он сделался привязанным к России, нежели совершенно отвергнуть уверения его в покорности и преданности»⁸.

Мы считаем, что национально-государственные отношения народов Кавказа и России в конце XVIII — начале XIX в. с правовой точки зрения нужно характеризовать как договорные. Причем договорными нами характеризуются не только отношения между кавказскими народами и Россией, но и отношения внутри самих кавказских обществ. Роль внутриобщинных договоров, заключенных по инициативе царской администрации на Северном Кавказе, играли сборники обычного права (адатов) горцев Северного Кавказа. В условиях Кавказской войны предпринимались меры к запрету адатов в пользу шариата. Так, например, Гази Магомед в 1829 г. призвал отказываться от адатов и утверждать нормы шариата⁹.

Своеобразие внутrigосударственных отношений внутри России хорошо просматривается и при анализе различных договоров, которые заключали представители царской администрации на Кавказе и представители кавказских народов. Их досконально анализировал видный российский дореволюционный

историк Н.Ф. Дубровин¹⁰. Правовой анализ этих договоров показывает, что их предметом являлся комплекс отношений, складывавшихся в повседневной практике России уже после присоединения к ней северокавказских народов. Это утверждение наглядно иллюстрирует и заключенный в 1802 г. главнокомандующим российскими войсками на территории Грузии генералом Кноррингом и осетинскими князьями договор. Предметом его стало урегулирование хозяйственных вопросов, а именно организация общественных работ и безопасности на Военно-Грузинской дороге от Моздока до Тбилиси¹¹.

В 1799 г. император Павел I высказал мысль о создании федерации народов и государств на Кавказе. Александр I инициировал подписание в 1802 г. в Георгиевске Союзного и Оборонительного договора, который юридически оформил создание качественно новых отношений между Россией и народами Кавказа. Сущность этих отношений ясно просматривается в самом его названии — союзнические и оборонительные. Договор не был направлен против третьих сторон.

Определенным генерирующим фактором приобщения всего Кавказа к России следует признать роль православия. Однако говорить лишь о христианском религиозно-культурном факторе в качестве основной причины присоединения Кавказа к России не вполне научно корректно. Традиционный ислам также играл определенную стабилизирующую роль.

Характеризуя политико-правовую сущность Ислама на Кавказе, следует иметь в виду, что она не ограничивается только вооруженной борьбой. Пример этого — воззрения шейха Кунта Хаджи Кишиева (1830–1867 гг.). Он не только призывал к толерантности в межнациональных отношениях, но и открыто заявлял: «Я не верю в сообщения, что из Турции придут войска для нашего спасения и освобождения... Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно»¹². И это было далеко не единичный случай. Пагубность и бесперспективность Кавказской войны, фак-

¹⁰ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1887. Т. V. 620 с.

¹¹ Первоисточники данных договоров не сохранились, но ссылки на них имеются в ряде дореволюционных изданий, в том числе и в работе Н.Ф. Дубровина, а также см.: Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901–1908. Т. 1–4.

¹² Акаев В.Х. Толерантность в религиозно-философской системе Кунта-Хаджи Кишиева // Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия : материалы международной научной конференции : сб. науч. ст. Владикавказ, 2012. С. 50–53.

⁶ Чеджемов С.Р. Осетинские посольства и переговоры о вхождении Осетии в состав России в системе международного и внутrigосударственного права // История государства и права. 2014. № 18. С. 9–14.

⁷ История народов Северного Кавказа. М. : Наука, 1987. Т. 1. С. 659.

⁸ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. Нальчик, 2003. С. 78.

⁹ История Северного Кавказа. М., 1987. С. 143.

тический войны гражданской, осознал в 1859 г. сам имам Шамиль.

В истории государства и права народов юга России идеологи мюридизма объявляли джихад как вооруженную борьбу — войну за веру. Однако в собственно исламском философском понимании он подразделялся на несколько видов: 1) «джихад сердца» — борьба со своими собственными недостатками; 2) «джихад языка» — разрешение одобряемого и запрет порицаемого; 3) «джихад руки» — наказание преступивших закон и нравственные нормы; 4) «джихад меча» — вооруженная борьба с неверными. Последний вид джихада в условиях Кавказа приобрел форму газавата (от араб. газва — «набег»)¹³.

В свете вышеизложенного не бесспорны высказанные К. Марксом в статье «Объявление войны» характеристики ислама и Корана. Он писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правозверных и неверных. Неверный — это „харби“, враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберских государств были священным флотом ислама»¹⁴.

Обвинения России в колониализме, в том числе и со стороны К. Маркса, на основе отдельных актов осуществления внутренней политики, на наш взгляд, также некорректны. Стили управления государством либо отдельным регионом не связаны с этнической принадлежностью их проводников. Многие видные представители российской администрации на Кавказе этнически не были русскими. Это были представители многих народов империи, в том числе и так называемых порабощенных, если следовать терминологии западноевропейской историографии.

Подобные инсинуации встречаются и в современных отечественных научных изданиях, характеризующих деятельность главнокомандующего на Кавказе генерал-лейтенанта П.Д. Цицианова, приводится следующий факт: «В 1804 году осетинские крестьяне, жившие в районе Военно-Грузинской дороги, в своей жа-

лобе князю Волконскому писали: „В нестерпимый для человека холод заставили нас от Степанцминды до Ананура сгребать страшный снег и расчищать дорогу. Двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетью“. В конце жалобы крестьяне заявляли, что „предпочитаем умереть. Чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен“. Жестокое обращение с местным населением было санкционировано самим Цициановым. Он призывал „пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища“»¹⁵.

Этот хорошо известный исторический факт дается без каких-либо политико-правовых комментариев, что создает впечатление о всеобщих злодеяниях российского военного командования. Но он приводился в тексте жалобы, адресованной князю Волконскому, гораздо более русскому, чем Цицианов. Сам факт жалобы (апелляции) означает, что противоправность этого деяния признавали истцы¹⁶. Могли ли появиться такие обращения, если бы народ не чувствовал стремление центральной российской власти действовать по принципам законности на местах?

Резюмируя вышеизложенное, считаем, что К. Маркс допускал определенные неточности в трактовке процессов и явлений в государственно-правовой истории России. Он не учитывал основополагающие начала Российской империи, где антагонизм между народами, присущий иным империям, практически не ощущался, а идеи веротерпимости и национального сотрудничества фактически возводились в ранг государственной политики еще со времен императора Петра I, уникально-политико-правового явления на политической карте мира тех лет¹⁷.

¹⁵ История Осетии : в 2 т. Владикавказ, 2012. Т. 2. С. 5–6.

¹⁶ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1869–1904. Т. III. С. 311–312 ; Утверждение русского владычества на Кавказе / под. ред. В.А. Потто. Тифлис, 1904. Т. I. С. 160.

¹⁷ Чеджемов С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XVIII — начало XIX веков) // Государство и право. 2009. № 7. С. 77–82 ; Его же. Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа) // Журнал российского права. 2017. № 11 (251). С. 25–33.

¹³ Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 256.

¹⁴ Маркс К. Объявление войны // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1958. Т. 10. С. 167–168.

Литература

1. Акаев В.Х. Толерантность в религиозно-философской системе Кунта-Хаджи Кишиева / В.Х. Акаев // Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия : материалы международной научной конференции : сб. науч. ст. Владикавказ, 2012. С. 50–53.
2. Акты Кавказской Археографической Комиссии. Тифлис, 1869–1904. Т. III. 780 с.
3. Введение в востоковедение. СПб., 2011. 584 с.

- Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века / Ш.А. Гапуров. Нальчик, 2003. 200 с.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. М.: Русская панорама, 2003. 512 с.
- Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. СПб., 1887. Т. V. 620 с.
- Екатерина II. Антидот / Екатерина II // Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1898. 456 с.
- История народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1987. Т. 1. 554 с.
- История Осетии: в 2 т. Владикавказ, 2012. Т. 2. 448 с.
- Мамут Л.С. Карл Маркс как теоретик государства / Л.С. Мамут; отв. ред. Н.П. Фарберов. М.: Наука, 1979. 264 с.
- Маркс К. Парламентские дебаты / К. Маркс // Сочинения; К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1958. Т. 10. С. 294–302.
- Маркс К. Объявление войны / К. Маркс // Сочинения; К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1958. Т. 10. С. 165–173.
- Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». Мифы о России-2 / В.Р. Мединский. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012. 544 с.
- Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1904. Т. I. 590 с.
- Чеджемов С.Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XVIII — начало XIX веков) / С.Р. Чеджемов // Государство и право. 2009. № 7. С. 77–82.
- Чеджемов С.Р. Осетинские посольства и переговоры о вхождении Осетии в состав России в системе международного и внутригосударственного права / С.Р. Чеджемов // История государства и права. 2014. № 18. С. 9–14.
- Чеджемов С.Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа) / С.Р. Чеджемов // Журнал российского права. 2017. № 11 (251). С. 25–33.

References

- Akaev V.Kh. Tolerantnost v religiozno-filosofskoy sisteme Kunta-Khadzhi Kishieva [Tolerance in the Kunta-Haji Kishiev's Religious and Philosophical System] / V.Kh. Akaev // Dialog kultur kak sotsialnyy imperativ mezhnatsionalnogo vzaimodeystviya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: sb. nauch. st. [A Dialogue of Cultures as a Social Imperative of Cross-Cultural Interaction: files of an international scientific conference: collection of scientific articles]. Vladikavkaz — Vladikavkaz, 2012. S. 50–53.
- Akty Kavkazskoy Arkheograficheskoy Komissii [Acts of the Caucasian Archeographic Commission]. Tiflis — Tiflis, 1869 to 1904. Vol. III. 780 s.
- Vvedenie v vostokovedenie [Introduction to Oriental Studies]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2011. 584 s.
- Gapurov Sh.A. Severnyy Kavkaz v politike Rossii v nachale XIX veka [The North Caucasus in the Russian Politics of the Early XIX Century] / Sh.A. Gapurov. Nalchik — Nalchik, 2003. 200 s.
- Degoev V.V. Bolshaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost [The Great Game in the Caucasus: the History and the Modern Times] / V.V. Degoev. Moskva: Russkaya panorama — Moscow: Russian Panorama, 2003. 512 s.
- Dubrovin N.F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze [The History of the War and the Russian Reign in the Caucasus] / N.F. Dubrovin. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1887. Vol. V. 620 s.
- Catherine II. Antidot [Antidote] / Catherine II // Sochineniya imperatritsy Ekateriny II [Writings of Empress Catherine II]. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1898. 456 s.
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza [The History of Peoples of the North Caucasus]. Moskva: Nauka — Moscow: Science, 1987. Vol. 1. 554 s.
- Istoriya Osetii: v 2 t. [The History of Ossetia: in 2 vol.]. Vladikavkaz — Vladikavkaz, 2012. Vol. 2. 448 s.
- Mamut L.S. Karl Marks kak teoretik gosudarstva; отв. ред. Н.П. Фарберов [Karl Marx as a Theorist of the State; publishing editor N.P. Farberov] / L.S. Mamut. Moskva: Nauka — Moscow: Science, 1979. 264 s.
- Marx K. Parlamentskie debaty' [Parliamentary Debates] / K. Marks // Sochineniya; K. Marx, F. Engels [Writings; K. Marx, F. Engels]. Moskva — Moscow, 1958. Vol. 10. S. 294–302.
- Marx K. Obyavlenie voyny' [Declaration of War] / K. Marx // Sochineniya; K. Marks, F. Engels [Writings; K. Marx, F. Engels]. Moskva — Moscow, 1958. Vol. 10. S. 165–173.
- Medinsky V.R. O russkoy demokratii, gryazi i «tyurme narodov». Mify' o Rossii-2. 4-e izd., ispr. i dop. [On the Russian Democracy, Dirt and the Prison of Peoples. Myths about Russia 2. 4th edition, revised and enlarged] / V.R. Medinsky. Moskva — Moscow, 2012. 544 s.
- Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze; pod red. V.A. Potto [Establishment of the Russian Reign in the Caucasus; edited by V.A. Potto]. Tiflis — Tiflis, 1904. Vol. I. 590 s.
- Chedzhemov S.R. Razvitiye gosudarstvenno-pravovykh otnosheniy i pravovoy kultury' na yuge Rossii (XVIII — nachalo XIX vekov) [The Development of State Legal Relationships and the Legal Culture in the South of Russia (the XVIII to the Early XIX Century)] / S.R. Chedzhemov // Gosudarstvo i pravo — The State and Law. 2009. № 7. S. 77–82.
- Chedzhemov S.R. Osetinskie posolstva i peregovory' o vkhozhdenii Osetii v sostav Rossii v sisteme mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [Ossetian Embassies and Negotiations about the Ossetia Becoming a Part of Russia in the System of International and National Law] / S.R. Chedzhemov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2014. № 18. S. 9–14.
- Chedzhemov S.R. Pravoposlushanie kak rezultat pravovoy akkultratsii na yuge Rossii do revolyutsionnykh sobytiy 1917 g. (po materialam istorii osetinskogo naroda) [Obedience to Law as a Result of Legal Acculturation in the South of Russia Prior to the Revolutionary Events of 1917 (Based on the History of the Ossetian People)] / S.R. Chedzhemov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2017. № 11 (251). S. 25–33.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-47-52

Теоретические обоснования революции русской философской мыслью конца XIX – начала XX в.: возможна ли замена революции другими инструментами общественного прогресса?

Андреева Ольга Александровна,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики,
доктор философских наук, профессор
ol-andr1@yandex.ru

В настоящее время наступил момент определенного исторического и теоретического перепутья, когда в науке появилась необходимость анализа понятий революции и антиреволюции, что определило актуальность исследования феномена революции в контексте политических, философско-правовых учений русской интеллигенции конца XIX – начала XX в.

В результате установлено, что если российский материализм был теоретической основой освободительного движения в России начала XX в., то русский идеализм стал почвой для антиреволюционной мобилизации общественного сознания, основанного на общечеловеческих ценностях.

Ключевые слова: революция, философия права, социальные конфликты, идеология, религиозная концепция, «легальные марксисты», «экономисты», религиозная философия, антиреволюция.

Theoretical Substantiations of the Revolution by the Russian Philosophy of the Beginning of the XIX to the Beginning of the XX Century: Can Revolution be Replaced by Other Instruments of Social Progress?

Andreeva Olga A.
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Taganrog Institute of Management and Economics
Doctor of Philosophy
Professor

At present, we are at some historical and theoretical crossroad, when the science requires analysis of the notions of revolution and anti-revolution, which has defined the acuteness of the revolution phenomenon research within the context of political, philosophy and legal theories of the Russian intellectuals of the end of the XIX to the beginning of the XX century.

As a result, it has been found that if the Russian materialism was the theoretical basis of the liberation movement in Russia in the beginning of the XX century, then the Russian idealism was the ground for anti-revolutionary mobilization of the social conscious based on the common human values.

Keywords: revolution, law philosophy, social conflicts, ideology, religious concept, "legal marxists", "economists", religious philosophy, anti-revolution.

Эпоха классических революций, вероятно, уже миновала, ей посвящено немало исследований, начиная от А. Барнава, А. Феррара и до настоящего времени¹. Од-

нако современные социальные конфликты продолжают базироваться, как и прежде, на

философский фонд, 1997 ; Арэнд Х. О революции. М., 2011 ; Блюм Р. Поиски путей к свободе: проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. М., 1985 ; Сорокин П.А. Социология революции. М. : Астрель, 2008 ; Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М. : URSS: КомКнига, 2005 ; и др.

¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993 ; Токвиль де А. Старый порядок и революция. М. : Московский

политических и экономических разногласиях, остается такой же классовой их природой, как и партийные структуры, отражающие их интересы. Проблемы прошлых революций индустриальное общество трансформировало в социальные, парламентаризм, демократию, гражданское общество и другие. Современные информационные технологии встраивают государство в свою систему, изменяют его сущность, расширяют функции, но законы общественного развития вечны, как и революции, что определило актуальность исследования феномена революции в контексте политических, философско-правовых учений и концепций.

В настоящее время наступил момент определенного исторического и теоретического перепутья, когда в науке появилась необходимость систематизировать накопленный материал с целью понять сущность революции и антиреволюции, поставившей точку на революционизме в истории. Теоретически уместны вопросы: не является ли феномен революции возрастным признаком развития общества, возможна ли его замена другими инструментами общественного прогресса, о чем размышляли представители различных направлений русской философии рубеже XIX — начала XX в.?

Особенностью российского предреволюционного периода являлось отсутствие пролетариата, осознающего свои глубинные классовые и политические интересы, поэтому вел он в основном тред-юнионистскую (экономическую) борьбу за представительство и защиту прав наемных работников в трудовых отношениях. Выполнение этих требований могло быть обеспечено не только революционной, но и экономической, профсоюзной борьбой, что и произошло впоследствии в странах, избежавших революционных политических переворотов, сохранивших стабильность и преемственность развития, добившись при этом желаемых результатов. Поэтому историко-правовая оценка деятельности «экономистов», «реформаторов», «легальных марксистов»² в подготовительный период русской революции становится актуальной в интересах восстановления объективной истины.

² Представителями российского легального марксизма в конце XIX в. были М.И. Туган-Барановский (1865–1919), Н.А. Бердяев (1874–1948) и С.Н. Булгаков (1871–1944). В.И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» определил сущность легального марксизма как «отражение марксизма в буржуазной литературе» (см. подзаголовки к 1895, Соч., т. 1, с. 31).

Российские «экономисты» считали, что задачей рабочего движения являются улучшения производственной среды, связанной с деятельностью человека и его быта, от чего зависят работоспособность и результаты труда. Рабочий класс не должен ввязываться в политическую борьбу, поскольку не сможет воспользоваться ее плодами в силу отсутствия необходимых знаний, опыта и возможностей. Экономические рассуждения П.Б. Струве³ и его сподвижников сводились к проблеме ответственности человека за происходящее в обществе и государстве, анализу закономерностей развития капитализма в России начала XX в., государственности, противостоящей анархии, и т.д. Развитие экономики, по его мнению, не является самоцелью, так как она лишь средство для достижения свободы человека, а смысл исторического развития заключается в постижении истины, добра и красоты. Оказывается, что в их программах достоинств было больше, чем недостатков, от которых, как известно, не застрахована ни одна революционная доктрина, если она связана с общественной модернизацией, когда кровью одних завоевывается счастье всех.

Основой буржуазного общества является частная собственность, ее в царской России было лишено большинство населения, к которому применима формула Пифагора, что «гражданин без собственности не имеет отечества». Когда этот факт осознается указанной частью населения, она приходит к выводу, что подобная участь ждет ее при любых изменениях общественного строя, хотя последнее всегда вселяет надежды на лучшую долю. Эти подвиги не предотвратили революцию, но становились более осознанными и разьединенными во времени, когда все другие пути и средства были исчерпаны.

В ряде работ М.И. Туган-Барановский⁴ обосновывал объективный характер развития экономики, неизбежность капитализма во всем мире, включая Россию, но в дальнейшем он переходит к критике учения К. Маркса, высказывая мысль о возрастании роли духовной культуры, религии над материальным производством. Социальный идеал С.Н. Булгакова и М.И. Туган-Барановского объединяло неверие в возможность для России революционного пути развития, их

³ Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1894. Вып. 1 ; Его же. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. СПб. ; М. : Типо-лит. Шредера, 1913. Т. 1.

⁴ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему : сб. соц.-филос. произведений. М. : РОССПЭН, 1996.

идеалы, сформировавшиеся на основе увлечения марксизмом, не изменились, но стало другим их обоснование. Возможно, в марксизме их привлекал идеал социалистический, определяемый этикой и метафизикой, но не экономикой. Отстаивая историческую неизбежность капитализма, представители «легального марксизма» критиковали народников, отрицавших возможность капиталистического пути развития России в будущем.

В революции переплетаются не только политические, экономические требования, но и идеологические доктрины с другими, до конца еще не осознаваемыми мотивами, страстями, чувствами и ожиданиями будущего, как необходимого компонента социальных потребностей человека. Революция в общественном сознании была бы асоциальным явлением, если бы в ней отсутствовали иррациональные мотивы, которые могут не совпадать с ее политической концепцией, философско-правовым обоснованием, приобретающим идеологическое значение. История преддверия революций в различных странах показывает одну закономерность, заключающуюся в том, что господствующие слои населения ее обычно не замечали, а революционный подъем народа им казался неожиданным и безосновательным, не имеющим права на существование, поскольку разрушал стабильный государственный и правовой порядок.

Теоретическим обоснованием бесплодности революционных преобразований явилась своеобразная концепция необуржуазной критики социализма, ее идеи в России содержались в различных формах христианского, общинного, утопического и т.д. социализма. В них научный социализм приравнивался к мелкобуржуазному мировоззрению и отождествлялся с гедонизмом, исходящим из классовых интересов и классового эгоизма. Поскольку и буржуазные, и социалистические концепции революции ставили своей главной целью борьбу за материальные интересы, постольку они были нацелены главным образом на отстаивание прав на материальные блага, раздел которых всегда приводит к появлению не только имущих, но и неимущих. С этической точки зрения обе эти партии равны между собой, поскольку руководствовались исключительно собственными целями.

С.Н. Булгаков писал, что «на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения. Конечно, величайшее движение современности никогда всецело

не основывалось, да и не могло быть основано на этом принципе классовой борьбы, оно всегда было выше этого принципа»⁵. Данный аргумент обладал сильным воздействием на энтузиазм революционного восприятия, поскольку содержал положение о том, что все те революционные силы, которые руководствовались преимущественно материальными соображениями, в конечном счете утрачивали пассионарность, превращаясь в тех, против кого они боролись. Происходит трансформация идеи революции, которая из практического руководства к действию постепенно превращается в средство для реализации героических мифов и легенд.

В известном смысле революции можно рассматривать как более или менее успешные попытки осуществить на макросоциальном уровне утопические представления, содержащие гностические компоненты, задаваемые общностью глубинных мировоззренческих установок. Им присущи многие характеристики, общие с философскими учениями, с учетом того, что идея революции ориентирует на будущее, как необходимый компонент социальных потребностей человека. В противоположность этому идеологи антиреволюции указывают на наличное бытие, полагая, что оно, как действительность, имеет большее право на существование, чем возможность. Например, идея христианской любви и братства, возвышенная сама по себе, в обозримом будущем не имеет шансов на осуществление, поэтому переносится ее адептами за пределы реального мира, т.е. в вечность, так как люди руководствуются не любовью друг к другу, а жадной удовлетворения материальных интересов за счет друг друга под лозунгом «Обогащайтесь!» На этом принципе до настоящего времени зиждется система капиталистического способа производства и эксплуатации труда.

Наиболее распространенное представление о сущности революции создано самими революционерами и их политтехнологами, оно основано на мотивах классового насилия, очищающей силы новизны и всеобщности счастливых перемен. Это характерно для насильственных революций, необходимых, видимо, в определенные периоды общественного развития, но утрачивающих свое влияние в связи с новейшими изменениями в производственных и социальных структурах и отношениях. Тип насильственных революций отражал реальный расклад в стратификации общества и был способом разрешения

⁵ Булгаков С.Н. Проблемы идеализма. М., 1903. С. 26.

действительных, а не мнимых противоречий и интересов.

Новые подходы к анализу революции в России на рубеже XIX — начала XX в. основывались не на прошлых представлениях о ней, а на анализе сложившейся действительности. В трудах Н.С. Булгакова, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, А.С. Франка и других представителей творческой интеллигенции, развивавших революционные теории на российской почве, с позиций идеализма было проведено альтернативное исследование общественных отношений, ведущих к революции, с целью выявления ее конструктивно-го смысла. В полной мере это проявилось в концептуальных подходах к поиску альтернативных вариантов погашения революционной ситуации посредством перевода ее в интеллектуальное пространство, где коренные потребности и проблемы человека лежат в области духовной жизни.

В настоящее время можно уверенно сказать, что если российский материализм был теоретической основой освободительного движения в России начала XX в., то русский идеализм стал почвой для антиреволюционной мобилизации общественного сознания, основанного на иных, отличных от классовых ценностей. Впоследствии ими стали общепризнанные нормы международного права, права и свободы человека и гражданина, воспринимаемые как общечеловеческие ценности. Их последующее признание было подготовлено русскими философами, которые перенесли на отечественную почву идеалы европейского Просвещения, придав им несвойственное религиозное содержание в форме эклектизма.

В конечном счете пассионарный русский идеализм конца XIX — начала XX в. пришел к весьма традиционному для России выводу, что впереди либо разруха и тлен («революция»), либо Христос воскрес («антиреволюция»). Следует отметить, что основная философская позиция Н.А. Бердяева во многом напоминает кантовский дуализм, основанный на различии между ноуменальным и феноменальным мирами. Объективный мир в его представлениях подчинен естественным законам, так как в нем царит необходимость. Но к этому миру человек имеет отношение лишь как «тварный человек», как животное, в силу своей имплицации в природный мир. Наряду с ним внешний мир — это мир свободы, и человек как духовное существо является его частью.

Русскую философскую мысль больше всего пугал революционный замах на мир ноуменальных ценностей, действительно

имевший место в представлении о сущности революции, в форме лозунгов отвержения преемственности старого мира, его морали и культуры. При этом и те, и другие впадали в крайность, перенося реальную революционную борьбу в область абстрактных словопрений. Об этом, в частности, свидетельствует преувеличенное значение, придаваемое В.И. Лениным философии Гегеля, которая при известном переосмыслении может стать алгеброй революции. В действительности философские системы не могут быть ни алгеброй, ни арифметикой революции, так как представляют собой всего лишь интеллектуальную квинтэссенцию эпохи, которая, как известно, оценивает баррикады, но не зовет на них. Последняя задача относится к политическому пиару и политтехнологиям, что стало очевидным в постреволюционную эпоху, т.е. в конце XX — начале XXI в.

Современная цивилизация в определенной мере обязана представлениям об антиреволюции, созданным в конце XIX — начале XX в. русскими консервативными философами, тем, что на протяжении XX в. не было попыток организации революций, сопоставимых с социальной революцией в России 1917 г. Идеи антиреволюции подспудно работали над возвратом интеллигенции, а затем с ее помощью и широких слоев населения — к христианству и, следовательно, к «христианскому социализму». Так называемый религиозный ренессанс XXI в. во многом обязан той интеллектуальной энергии, которую вложили в антиреволюционные идеи русские консервативные философы. Ими была разработана концепция религиозно-философской метафизики, направленной против материализма как питательной среды революционных идей, противопоставляя им чистую форму теизма, в предельном смысле возвращающего средневековую схоластику, утверждавшую, что философия есть служанка богословия. В сущности, реализовалась старая идея С.А. Хомякова о «всеобщей Соборности», согласно которой людей объединяют не революционные цели и идеалы, а общая любовь к абсолютным ценностям мира.

В известном смысле русские религиозные философы первыми почувствовали исчерпанность классического идеализма, потерявшего революционизм Просветителей, так как в отличие от них его представители оказались в эпицентре революции нового типа, угрожающей основе буржуазной цивилизации путем растворения частной собственности и частного интереса в безликой массе общей собственности и коллектив-

ного труда. Русскую религиозную философию конца XIX — начала XX в. нельзя смешивать ни с идеологией консерватизма, ни либерализма, ни «легального марксизма», ни экономического материализма. Она явилась самобытной философской концепцией антиреволюции, выработавшей почти все возможные аргументы против революции и включившей в себя все перцепции идеализма для обоснования универсальности общечеловеческих ценностей.

В известном смысле религиозная философия явилась последней законченной философской системой, построенной на противостоянии материализму в форме антиреволюционизма, показав тем самым, что борьба между идеализмом и материализмом приняла форму конфликта между идеалами революции и антиреволюции. Об этом свидетельствуют основные выводы, сформированные как антитеза материалистическому и, в частности, марксистскому пониманию истории. В современном знании учению о формах и закономерности исторического развития они противопоставили доктрину духовной самоценности личности. Н.А. Бердяев писал, что «психология революционизма, всегда калечащая человеческую личность и затем кающая его сознание, сознание радикальных, конечных целей жизни, есть историческая трагедия, роковым образом рожденная исторической силой мрака и гнета... А социал-демократическая вера в социальную революцию есть противонаучная и даже противомарксистская утопия, есть жажда религиозная и надежда эсхатологическая»⁶.

Тем самым из содержания революции выводится за исторические рамки смена

правлящих классов, приход к власти качественно иной социальной силы и так далее. Вместо этого предлагалась мобилизация духовных потенций того же самого исторического субъекта, который занимал позицию стороннего наблюдателя за историческим процессом. Тем не менее это не означало невозможности выстроить объективно-идеалистическую концепцию исторического развития, признающую его разные формы следствием развития духовной субстанции общества. Из революции удаляется волюнтаризм как волеизъявление, а социальная революция рассматривается как разновидность группового заговора. Кроме того, в образе антиреволюции на место общественного сознания ставится мировой разум, невосприимчивый к человеческим исканиям и страстям, так как общественное сознание в научном смысле становится «общественным подсознанием», т.е. образом вещей в мире идей.

Русская революция явилась не только социальным, но и духовным феноменом, поскольку наряду с революционной перестройкой шел процесс осмысления ее теоретических проблем с противоположных позиций. В результате в теории революции появился новый контент, благодаря которому концепции революции стали противопоставляться, в результате чего появился целый перечень «революций», типа классовых, национальных, религиозных и даже континентальных, как, например, «азиатского или африканского социализма». Давид Юм в свое время справедливо отметил, что «о вкусах не спорят». Действительно, политические концепции могут базироваться на различных основаниях и потребностях, в отличие от них философские ставят своей целью установление объективной истины.

⁶ Бердяев Н.А. К истории и психологии русского марксизма // Полярная Звезда. 1905. № 10. С. 54.

Литература

1. Бердяев Н.А. К истории и психологии русского марксизма / Н.А. Бердяев // Полярная Звезда. 1905. № 10. С. 54–62.
2. Булгаков С.Н. Проблемы идеализма. Статьи и рецензии. 1895–1903 / С.Н. Булгаков. М., 2006. 1008 с.
3. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках / Г.А. Завалько. М.: URSS: КомКнига, 2005. 320 с.
4. Сорокин П.А. Социология революции / П.А. Сорокин. М.: Астрель, 2008. 783 с.
5. Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России / П. Струве. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. Вып. 1. 291 с.
6. Струве П. Хозяйство и цена: критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни / П. Струве. СПб.; М.: Типо-лит. Шредера, 1913. Т. 1. 304 с.
7. Токвиль де А. Старый порядок и революция / А. де Токвиль. М.: Московский философский фонд, 1997. 248 с.
8. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему: сб. соц.-филос. произведений / М.И. Туган-Барановский. М.: РОССПЭН, 1996. 539 с.

References

1. Berdyaev N.A. K istorii i psikhologii russkogo marksizma [On the History and Psychology of Russian Marxism] / N.A. Berdyaev // Polyarnaya Zvezda — Polar Star. 1905. № 10. S. 54–62.
2. Bulgakov S.N. Problemy' idealizma. Stati i retsenzii. 1895–1903 [Issues of Idealism. Articles and Reviews. 1895 to 1903] / S.N. Bulgakov. Moskva — Moscow, 2006. 1008 s.

3. Zavalko G.A. Ponyatie «revolyutsiya» v filosofii i obschestvenny'kh naukakh [The Concept of Revolution in Philosophy and Social Sciences] / G.A. Zavalko. Moskva : URSS : KomKniga — Moscow : URSS : KomKniga, 2005. 320 s.
4. Sorokin P.A. Sotsiologiya revolyutsii [Sociology of a Revolution] / P.A. Sorokin. Moskva : Astrel — Moscow : Astrel, 2008. 783 s.
5. Struve P. Kriticheskie zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitiy Rossii [Critical Notes on the Economic Development of Russia] / P. Struve. Sankt-Peterburg : Tip. I.N. Skorokhodova — Saint Petersburg : I.N. Skorokhodov's printing office, 1894. Is. 1. 291 s.
6. Struve P. Khozyaystvo i tsena: kriticheskie issledovaniya po teorii i istorii khozyaystvennoy zhizni [Economy and Price: Critical Research on the Theory and History of the Economic Life] / P. Struve. Sankt-Peterburg ; Moskva : Tipo-lit. Shredera — Saint Petersburg ; Moscow : Shreder's typolithography, 1913. Vol. 1. 304 s.
7. Tocqueville de A. Sary'y poriyadok i revolyutsiya [The Old Regime and the Revolution] / A. de Tocqueville. Moskva : Moskovskiy filosofskiy fond — Moscow : Moscow Philosophical Fund, 1997. 248 s.
8. Tugan-Baranovsky M.I. K luchshemu buduschemu : sb. sots.-filos. proizvedeniy [Towards the Better Future : collection of social and philosophical works] / M.I. Tugan-Baranovsky. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 1996. 539 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-7-52-57

Партийные фракции в Государственной Думе: исторический опыт и современность

*Андреев Игорь Владимирович,
старший преподаватель кафедры
социальных, психологических и правовых коммуникаций
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета,
кандидат философских наук, доцент
i1532@yandex.ru*

*Лебедев Игорь Михайлович,
старший преподаватель кафедры
социальных, психологических и правовых коммуникаций,
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета
lebedev26@mail.ru*

В статье рассматриваются некоторые общие и специфические аспекты взаимодействия партийных фракций в Государственных Думах Российской империи и Российской Федерации. Особое внимание уделяется исследованию условий формирования и политических последствий деятельности доминантных проправительственных партийных фракций, тенденции постепенного сокращения численности и политического влияния левых фракций, неудачным попыткам создания двухпартийных моделей структурирования депутатского корпуса.

Ключевые слова: Государственная Дума Российской империи, Государственная Дума Российской Федерации, политические партии, партийные фракции.

Party Factions in the State Duma: Historical Experience and the Modern Times

*Andreev Igor V.
Senior Lecturer of the Department of Social, Psychological,
and Legal Communications of the Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)
Candidate of Philosophical Sciences
Assistant Professor*

*Lebedev Igor M.
Senior Lecturer of the Department of Social, Psychological, and Legal Communications of the Moscow State
University of Civil Engineering (National Research University)*

The article discusses some general and specific aspects of the interaction between party factions in the State Dumas of the Russian Empire and the Russian Federation. Special attention is paid to investigation

of formation conditions and political effects of the dominant pro-government party factions, trend of gradual reduction in the number and political influence of left-wing factions, failed attempts to create a bipartisan models of structuring of the deputies.

Keywords: *the State Duma of the Russian Empire, the State Duma of the Russian Federation, political parties, party factions.*

Деятельность Государственной Думы России в начале XX в. стала первым этапом эволюции отечественного парламентаризма, важным фактором трансформации абсолютной монархии в конституционную. Исследователи неоднократно усматривали параллели в некоторых аспектах деятельности Государственной Думы Российской империи и Государственной Думы Российской Федерации, справедливо полагая, что детальное изучение опыта первого русского парламента может способствовать своевременному диагностированию и нейтрализации разнообразных проблемных ситуаций, возникающих в процессе функционирования нижней палаты Федерального Собрания. Мы полагаем, что исследовательская работа в данном направлении заслуживает продолжения, в частности, применительно к деятельности парламентских партийных фракций. Данная проблематика и является предметом исследования в настоящей статье.

Как известно, намерение «исторической власти» включить в политическую систему России Государственную Думу, избираемую населением и наделенную законодательными полномочиями, было заявлено в царском манифесте от 17 октября 1905 г. «Однако с появлением первого в истории России парламента институт законодательной инициативы был достаточно необычен и отличался от зарубежных образцов того же периода времени. Причиной тому являлись правовые традиции российского абсолютизма, просуществовавшие до этого момента не одно столетие»¹.

Обязанность предложить населению возможность выбора из нескольких кандидатов взяли на себя сформированные в ускоренном порядке политические партии — Конституционно-демократическая (кадеты), «Союз 17 октября», Партия демократических реформ и др.

Примечательно, что созданные ранее и действовавшие до Первой русской революции в условиях подполья политические партии — Российская социал-демократическая рабочая партия (с 1898 г.) и Партия социалистов-революционеров (с 1902 г.), как правило, бойкотировали выборы в I Думу. Это

обстоятельство, разумеется, снижало партийно-политическую репрезентативность депутатского корпуса. «Политические партии предназначены выполнять теоретико-идеологическую функцию и быть посредниками между гражданским обществом и государством, так как они научно обобщают, систематизируют, обосновывают, оформляют интересы населения в виде заявлений, политических программ, доктрин и доносят их до власти»².

Успех на выборах в I Государственную Думу, решающий тур которых (выборы были многоступенными и проводились по социально-классовым куриям) состоялся в конце марта 1906 г., сопутствовал кадетам и трудовикам. Трудовики (110 депутатов) составили большинство депутатов левого крыла Думы. Основу центра образовали кадеты (178 депутатов), 12 членов Партии демократических реформ и свыше 50 «беспартийных прогрессистов». К правому крылу Думы относились около 40 октябристов, представителей Партии мирного обновления и примыкавших к ним беспартийных³.

Царская администрация не собиралась равнодушно воспринимать характер политической партийности, обозначившийся в ходе работы I Думы. Фактически сложившийся блок кадетов и трудовиков выступал за радикальную демократизацию страны, политическую амнистию и передачу большей части помещичьей земли крестьянам. Распуск I Думы в июле 1906 г. не дал ожидаемого результата: во II Думе, начавшей работу в феврале 1907 г., кадеты и трудовики не только снова получили солидное представительство, но и смогли располагать по ряду вопросов поддержкой социал-демократов и эсеров, отказавшихся на этот раз от тактики бойкота думских выборов. Не видя возможности эффективно взаимодействовать с данным депутатским корпусом, правительство 3 июня 1907 г. распустило II Думу.

Одновременно был опубликован новый избирательный закон, который существен-

¹ Торгашов А.А. Место Государственной Думы в системе государственных органов (1906–1917 гг.) // История государства и права. 2013. № 17. С. 44–45.

² Ерыгина В.И. Многопартийность как одна из правовых гарантий свободы общественного мнения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 26–30.

³ Демин В.А. Первая Государственная Дума // Государственная Дума Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. С. 447–448.

но ограничил возможности парламентского представительства рабочих и крестьян, увеличив в то же время возможности делегирования в Думу своих кандидатов для помещиков и буржуазии. Проведенные на основании этого закона выборы обеспечили, наконец, нужный администрации результат. Самой большой фракцией III Думы стала проправительственная фракция «Союза 17 октября», которая, взаимодействуя с несколькими правыми фракциями, смогла обеспечить парламенту имидж конструктивного фактора в рамках «третьеиюньской» политической системы и дать ему возможность просуществовать весь отведенный по закону срок (1907–1912 гг.). При этом неправомочно было бы квалифицировать деятельность фракции октябристов, фактически обеспечившей за собой контроль над Думой, как однозначно реакционную. Октябристы, в необходимых случаях блокируясь с левыми фракциями, сумели закрепить провозглашенные в 1905–1906 гг. государственно-правовые новации и провести ряд полезных реформ. Подобного рода комбинация партийно-политических сил сложилась и в IV Думе (1912–1917 гг.), не вызывавшей негативных эмоций у правительства вплоть до 1915 г., когда ставшая явной с точки зрения значительного числа депутатов неспособность царской администрации довести войну до победы обусловила формирование в депутатском корпусе оппозиционного Прогрессивного блока.

Как мы видим, деятельность партийных фракций в Государственной Думе Российской империи являлась одним из направлений процесса модернизации («догоняющего развития») российского общества. Значительное большинство депутатов и депутатских фракций Государственных дум всех четырех созывов поддерживали модернизационные процессы, расходясь между собой лишь в оценке темпов и форм экономического, политического и социокультурного обновления общества. В частности, правые фракции не возражали против закрепленных Основными государственными законами 1906 г. ограниченных полномочий Думы, лишенной возможности формировать ответственное перед ней правительство. Правые поддержали и «куриальную» избирательную систему (еще более ухудшенную Положением о выборах от 03.06.1907), несмотря на то что ее применение снижало легитимность как парламентских партийных фракций, так и Думы в целом.

В принципиально ином социальном контексте протекала деятельность партийных

фракций Государственной Думы Российской Федерации. Тем не менее некоторые аспекты социального развития России на рубеже XX–XXI в. были созвучны дореволюционным реалиям. Как и прежде, перед обществом стояли задачи внедрения новых рыночных механизмов в экономической сфере, глубокой реконструкции политической системы, стержнем которой выступало создание основ правового государства и адекватных условий для конкуренции различных политических партий, идеологическое «раскрепощение» социума. Вместе с тем в условиях острых социальных противоречий и незрелости гражданского общества вновь обозначилась опасность перерастания реформационных процессов в социально-деструктивную деятельность, способную подорвать основы общественного порядка и государственности. Неудивительно поэтому, что и в наши дни востребованными оказались некоторые исторические уроки выстраивания отношений между ветвями реформирующейся государственной власти и целенаправленных действий властной элиты по регуляции сферы межпартийного противоборства.

Так, состоялась «второе рождение» Государственной Думы, причем также лишенной полномочий формирования правительства, в связи с ее функционированием в рамках президентско-парламентской (или даже фактически президентской, по мнению некоторых исследователей) формы правления.

Подобно политическим партиям, представленным в I Государственной Думе Российской империи, большинство победивших на парламентских выборах 1993 г. партий и партийных блоков были весьма «молоды», действуя в политическом пространстве России от нескольких месяцев до года (несколько старше была ЛДПР, созданная в декабре 1989 г., и Демократическая партия России (ДПР), возникшая в мае 1990 г.). В качестве старожилки — наследника лучших традиций КПСС позиционировала себя в глазах ностальгически настроенной части электората лишь КПрФ.

Выборы в Государственную Думу первого созыва прошли по смешанной системе, способствовавшей как дальнейшему развитию института политических партий в стране, так и партийно-политическому структурированию депутатского корпуса. Все восемь избирательных объединений, прошедших в Думу, образовали фракции, большинство из которых, однако, не отличалось стабильностью и претерпело сокращения. Так, фракция «Выбор России» сократилась с

76 до 47 человек, ЛДПР — с 63 до 52, фракция Аграрной партии России — с 55 до 49, фракция Партии российского единства и согласия (ПРЕС) — с 30 до 12, «Женщины России» — с 23 до 20, фракция Демократической партии России — с 15 до 11. Лишь фракция КПРФ сохраняла стабильную численность (45 человек), а численность партии «Яблоко» возросла с 25 до 27. В Думе действовали также несколько депутатских групп (численностью не менее 35 человек)⁴.

Ряд исследователей предлагали считать основной характеристикой межфракционного взаимодействия в Государственной Думе Российской Федерации первого созыва противоборство между реформистскими («Выбор России», «Яблоко», ПРЕС, ДПР) и антиреформистскими (КПРФ, АПР, ЛДПР) фракциями. При этом, отмечали они, между этими группировками существовало «зыбкое равновесие», а исход голосования, особенно в начальный период, определялся позицией политически довольно неоднородной группы «Новая региональная политика». На первый взгляд в этом состояло одно из важнейших отличий этой Думы от первой Думы императорской России, в которой сложился мощный левоцентристский блок кадетов и трудовиков, не нуждавшийся в поддержке какой-либо «третьей силы» и недвусмысленно демонстрировавший свою оппозиционность по отношению к исполнительной власти.

Между тем, по нашему мнению, принципиальный характер противостояния реформистов и антиреформистов в Государственной Думе РФ первого созыва можно поставить под сомнение. Например, 40% аграриев не стали голосовать 1 июля 1995 г. за отставку правительства. Следует, вероятно, согласиться и с мнением ряда исследователей, полагающих, что ЛДПР с самого начала не являлась оппозиционной партией, всегда поддерживая власть в кризисные моменты политического процесса и выполняя функцию нейтрализации протестного и маргинального электората. Что касается КПРФ, то после 1993 г. в ее практической политической деятельности (а не декларациях) обозначилась определенная установка на интеграцию в существующую политическую систему. В I Думе это проявилось, в частности, в «податливости» коммунистов, по выражению Ю.Г. Коргунюка, в во-

просах, связанных с принятием бюджета⁵. А если говорить о содержательной стороне декларации думской фракции КПРФ, то трудно назвать «антиреформистскими», например, их тезисы о высокой социальной опасности сложившейся в 1990-е годы масштабной имущественной дифференциации российского общества, о необходимости максимально возможной государственной поддержки сферы науки, образования и культуры, о целесообразности перераспределения объема конституционных полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти в пользу последней.

Следует отметить, что не в пример царской администрации, не предпринимавшей серьезных усилий по переформатированию системы межфракционного взаимодействия в I Думе, президентская администрация уже в Государственной Думе РФ первого созыва начала реализацию плана по формированию правоцентристского и левоцентристского блоков. В рамках этого проекта была подготовлена и осуществлена регистрация депутатских групп «Стабильность» (35–37 человек) и «Россия» (35–36 человек)⁶.

Примечательным совпадением стало то, что наиболее оппозиционными по отношению к исполнительной власти и в имперский период, и в 90-е гг. XX в. стали Государственные Думы второго созыва, причем в обоих случаях по причине значительно-го представительства партий социалистической направленности. В 1907 г. формирование весьма протестного депутатского корпуса стало результатом, как отмечалось выше, отказа социал-демократов и эсеров от тактики бойкота Думы, что позволило им добиться неплохих электоральных дивидендов. В 1995 г. КПРФ, используя определенный, хотя и не радикальный, сдвиг электората «влево», сформировала самую крупную фракцию в нижней палате (147 депутатов). Тем не менее она не смогла, даже вместе с союзниками, контролировать большинство Думы. В то же время не получила развития обозначившаяся в предшествующей Думе линия администрации Президента на обеспечение контроля над Думой путем образования различных вариаций «партии власти». Представители «перводумской» депутатской группы «Стабильность» помогали формировать «правоцентристское» движение «Наш дом — Россия» (НДР), а

⁴ Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ; Московский городской педагогический университет, 2007. С. 322–323.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Кинев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральное наследие»; Новое литературное обозрение, 2011. С. 478.

представители «России» — и НДР, и «левоцентристский» «Избирательный блок Ивана Рыбкина»⁷. Но если НДР по результатам выборов смог сформировать вторую по значению фракцию (67 депутатов), то «Блок Ивана Рыбкина» потерпел сокрушительное поражение, получив менее 1,5% голосов при голосовании по партийным спискам и проведя только нескольких своих представителей по мажоритарным округам. Таким образом, роль думского представителя «партии власти» единолично приняла на себя фракция НДР, ставшая во взаимодействии с фракцией ЛДПР, а также депутатскими группами, лоббировавшими интересы сырьевых отраслей, военно-промышленного и аграрно-промышленного комплексов, надежной опорой премьер-министра В.С. Черномырдина. При этом и коммунисты, оппонируя правительству, умели идти на компромиссы с ним⁸. Подобного рода система межфракционного взаимодействия, несмотря на ряд коллизий (таких, в частности, как попытка инициировать импичмент Президента Б.Н. Ельцина в 1999 г.), сделала Думу приемлемым политическим институтом в глазах президентской администрации, избежавшей соблазна пойти на ее роспуск (не в пример царскому правительству, позволившему «своей» II Думе просуществовать только 102 дня). А уже в III Государственной Думе Российской Федерации (2000–2003 гг.) тон парламентским дискуссиям задавало взаимодействие схожих по программным установкам пропрезидентских центристских фракций — партии «Единство» и избирательного блока «Отечество — Вся Россия». Объединившись в декабре 2001 г. в партию «Единая Россия», эти политические структуры обеспечили себе на всех последующих парламентских выборах надежное большинство.

Подводя итоги, можно констатировать наличие некоторых сходных тенденций межфракционного взаимодействия в Государственных Думах дореволюционного и современного периодов. Важнейшей из этих тенденций нам представляется формирование мощной проправительственной фракции центристского или правоцентристского характера, гарантирующей законотворческую поддержку курса реформ, предложен-

ного исполнительной властью. В неразрывной связи с указанной тенденцией следует рассматривать и постепенное сокращение численности и политического влияния левых фракций. В Государственных Думах имперского периода не сложилась система взаимодействия партийных фракций, репрезентирующая конкуренцию двух наиболее влиятельных политических партий; в наши дни двухпартийная система также не стала реальностью, несмотря на предпринимаемые «сверху» попытки ее конституирования.

Вместе с тем следует отметить и принципиальное отличие социально-политических детерминант, обусловивших указанные тренды. В дореволюционный период царская администрация смогла добиться искомого результата главным образом при помощи антидемократического по своей сути пересмотра избирательного закона, а также введения правовых ограничений деятельности оппозиционных политических партий. Парадоксальным образом октябристская «партия власти», искусственно взращиваемая в этой «тепличной» политической среде, оказалась и самой нежизнеспособной по сравнению со своими основными политическими конкурентами — кадетами, эсерами и социал-демократами. Уже к 1915 г. внепарламентские организации «Союза 17 октября» распались, а Февральская революция 1917 г., упразднившая Государственную Думу, подвела и итог существования думской фракции октябристов.

В современный же период кристаллизация доминирующей пропрезидентской фракции происходила на фоне возрастающей поддержки гражданами мероприятий президента и правительства по укреплению правопорядка, подавлению сепаратистских тенденций, оживлению экономической конъюнктуры, повышению уровня жизни населения. В последние годы важную роль сыграли политико-правовые новации по оживлению политической конкуренции и обеспечению прозрачности избирательных процедур. Надо полагать, что именно на этом пути конструктивных практических действий правящей элиты, а не на пути злоупотребления «административным ресурсом» и будут найдены новые ресурсы повышения политического потенциала партии «Единая Россия» и ее думской фракции.

⁷ Коргунюк Ю.Г. Указ. соч. С. 343.

⁸ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001. С. 186.

Литература

1. Демин В.А. Первая Государственная Дума / В.А. Демин // Государственная Дума Российской империи: 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2008. С. 447–448.

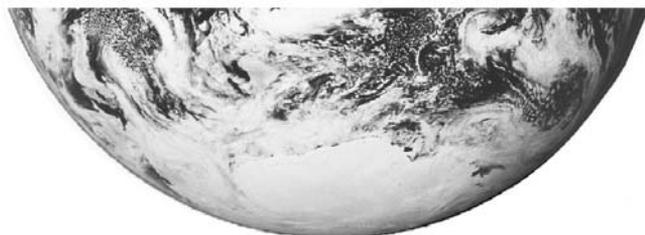
2. Ерыгина В.И. Многопартийность как одна из правовых гарантий свободы общественного мнения / В.И. Ерыгина // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 26–30.
3. Кинев А.В. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция / А.В. Кинев, А.Е. Любаров. М. : Фонд «Либеральное наследие»; Новое литературное обозрение, 2011. 798 с.
4. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России / Ю.Г. Коргунюк. М. : Фонд ИНДЕМ; Московский городской педагогический университет, 2007. 544 с.
5. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина / В.В. Согрин. М. : Весь мир, 2001. 272 с.
6. Торгашов А.А. Место Государственной Думы в системе государственных органов (1906–1917 гг.) / А.А. Торгашов // История государства и права. 2013. № 17. С. 44–45.

References

1. Demin V.A. Pervaya Gosudarstvennaya Duma [The First State Duma] / V.A. Demin // Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii: 1906–1917 [The State Duma of the Russian Empire: 1906 to 1917]. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Political Encyclopedia publishing house, 2008. S. 447–448.
2. Erygina V.I. Mnogopartiynost kak odna iz pravovy'kh garantiy svobody' obschestvennogo mneniya [The Multi-Party System as One of the Legal Guarantees of the Freedom of Public Opinion] / V.I. Erygina // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2013. № 2. S. 26–30.
3. Kinev A.V. Partii i vy'bory' v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya [Parties and Elections in Modern Russia: Evolution and Devolution] / A.V. Kinev, A.E. Lyubarev. Moskva : Fond «Liberalnoe nasledie»; Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : Liberal Heritage Fund; New Literary Overview, 2011. 798 s.
4. Korgunyuk Yu.G. Stanovlenie partiynoy sistemy' v sovremennoy Rossii [Establishment of the Party System in Modern Russia] / Yu.G. Korgunyuk. Moskva : Fond INDEM; Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet — Moscow : INDEM Fund; Moscow City University, 2007. 544 s.
5. Sogrin V.V. Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina [The Political History of Modern Russia. 1985 to 2001: from Gorbachev to Putin] / V.V. Sogrin. Moskva : Ves mir — Moscow : The Whole World, 2001. 272 s.
6. Torgashov A.A. Mesto Gosudarstvennoy Dumy' v sisteme gosudarstvenny'kh organov (1906–1917 gg.) [The Role of the State Duma in the System of Government Authorities (1906 to 1917)] / A.A. Torgashov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2013. № 17. S. 44–45.

Сайт юристов России
www.lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-7-58-62

Государственная политика «централизации культов» и создание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов СССР (1940-е — начало 1950-х гг.)

*Потапова Наталья Владимировна,
профессор кафедры российской и всеобщей истории
Сахалинского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
potapova@yandex.ru*

В статье рассматривается государственная вероисповедная политика 1940-х — начала 1950-х гг. по отношению к протестантским деноминациям — евангельскому христианству и баптизму. Главным способом обеспечения лояльности и подконтрольности государству на этом этапе стало создание крупного объединения — Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов СССР.

Ключевые слова: баптисты, евангельские христиане, Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов СССР, Совет по делам религиозных культов.

State Policy of "Cults Centralization" and Establishment of the All-Union Board of Evangelical Protestant Baptists of the USSR (in the 1940s to the Early 1950s)

*Potapova Natalya V.
Professor of the Department of the Russian and World History of the Sakhalin State University
Doctor of History
Professor*

The article deals with the state religious policy of the 1940s — early 1950s in relation to the Protestant denominations — evangelical Christianity and Baptism. The main way to ensure loyalty and control of the state at this stage was the creation of a large union — the All-Union Council of Evangelical Christian Baptists of the USSR.

Keywords: baptists, evangelical christians, All-Union council of evangelical christians-baptists of the USSR, Council for religious cults.

Особый период религиозной политики Советского государства охватывает 1940-е — начало 1950-х гг. Великая Отечественная война потребовала мобилизации не только всех организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, духовных, патриотических. В первые годы войны к верующим стали относиться лояльнее, гонения прекратились, государство фактически заняло позицию невмешательства в религиозную жизнь страны. В этот период свернута была всякая публичная антирелигиозная пропаганда и прекращена деятельность Союза воинствующих безбожников (последний номер журнала «Безбожник» вышел в июле 1941 г.). Руководитель безбожников Е. Ярославский в октябре 1941 г. подготовил «Доклад об отношении религиозных организаций и церковных

служителей к нападению Гитлеровской Германии на Советский Союз», где заявил, как будто не «вопреки», а «благодаря», что «в нашей стране, где обеспечена трудящимся свобода совести, все руководители религиозных обществ... выступили с манифестами с призывом бороться за Советский Союз»¹.

В годы Великой Отечественной войны на фоне либерализации политики государства по отношению к религии и верующим происходит расширение влияния «сектантства», в первую очередь баптизма и евангельского христианства в СССР. Постепенно восстанавливалось и организационное единство евангельских верующих, стал дебатиро-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 1. Д. 93.

ваться вопрос о возможности объединения евангельских христиан и баптистов. В годы войны евангельские христиане и баптисты заняли патриотическую позицию. 28 июня 1941 г. Всесоюзный совет евангельских христиан (ВСЕХ) распространил обращение, призывающее «дорогих братьев и сестер во Христе» на борьбу с фашизмом². Начало объединению баптистов и евангельских христиан положило предложение Н.А. Левинданто и М.И. Голяева (со стороны баптистов) М.А. Орлову и А.А. Андрееву (стоявших у руководства ВСЕХ) о совместном обращении к верующим обоих союзов с призывом активно участвовать в общенародном деле освобождения Родины от захватчиков. В мае 1942 г. лидеры бывшего Союза баптистов СССР и номинально существующего Всероссийского союза евангельских христиан подписали, объединившись во временный Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов³, «Письмо-воззвание ко всем баптистам и евангельским христианам в СССР». Это воззвание в мае 1942 г. было разослано по всем районам страны. Воззвание заканчивалось словами: «Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной в суровые дни, которые мы переживаем. Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая родина должна остаться свободной»⁴. Далее последовали аналогичные патриотические письма, воззвания, обращения, в том числе, например, «Обращение о сборе на постройку самолета. 14 января 1943 г.»⁵.

При СНК СССР были созданы 14 сентября 1943 г. Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и 19 мая 1944 г. Совет по делам религиозных культов (СДРК)⁶. На них возлагалась задача поддерживать связь между правительством и московской патриархией (СДРПЦ) и «религиозными объединениями мусульманского, иудейского, буддийского вероисповеданий, армяно-григорианской, старообрядческой, греко-католической, католи-

ческой и лютеранской церковей и сектантских организаций» (СДРК). Советы должны были разрабатывать проекты законодательных актов и постановлений правительства, наблюдать за правильным проведением в жизнь законодательства о культах и т.п. Советы имели уполномоченных в республиках, областях и краях.

Первым председателем СДРК, в ведении которого теперь находились исследуемые деноминации, стал К.А. Зайцев. 19 ноября 1944 г. Постановлением СНК СССР председателем СДРК назначался И.В. Полянский. Должности Уполномоченных СДРК стали утверждаться во всех регионах СССР в первые послевоенные годы⁷. В организационных церковных вопросах СДРК исходил из политики «централизации культов», создания подконтрольной и управляемой структуры, с которой Совет и должен был входить в непосредственный контакт. Евангельское движение стало одним из тех религиозных направлений, которому Совет уделял самое пристальное внимание.

В июле 1944 г. председатель Совета ВСЕХ М.А. Орлов обратился в СДРК с просьбой разрешить проведение в Москве совещания представителей евангельских христиан и баптистов для организационного оформления объединенного центра⁸. 26–29 октября 1944 г. в Москве состоялось совещание представителей Всероссийского союза евангельских христиан и Союза баптистов, в его работе приняли участие 45 делегатов. Председательствовал на съезде М.А. Орлов, сделавший доклад о деятельности ВСЕХ в 1931–1944 гг. Главным вопросом, обсуждавшимся на совещании, был вопрос об объединении евангельских христиан и баптистов. Была принята итоговая совместная резолюция об объединении двух союзов в один — Союз евангельских христиан и баптистов во главе с Всесоюзным советом (ВСЕХиБ) как руководящим органом⁹. Председателем ВСЕХиБ стал Я.И. Жидков, товарищами председателя — М.И. Голяев и М.А. Орлов. На совещании было также выработано Положение о Союзе ЕХБ¹⁰. Позднее это совещание будет названо 37-м Всесоюзным съездом евангельских христиан и баптистов СССР (до этого момента состоялось 26 съездов баптистов и 10 съездов евангель-

² Обращение ВСЕХ. 28 июня 1941 г. // Архив Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ).

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1. Л. 12.

⁴ Письмо-воззвание ко всем баптистам и евангельским христианам в СССР, май 1942 г. // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-156.

⁵ Письмо ВСЕХиБ Обращение к братьям и сестрам с призывом принять самое самоотверженное участие в восстановлении страны и жертвовать в помощь населению, пострадавшему от немецких захватчиков. 1 августа 1944 г. № 213 // Архив РС ЕХБ Папка 1.1-146.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–12, 38, 41.

⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 11. Л. 13, 19–23.

⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1. Л. 12–13.

⁹ Материалы Всесоюзного совещания евангельских христиан и баптистов СССР, состоявшегося в Москве с 26 по 29 октября 1944 г. Официальное издание Всесоюзного Совета Евангельских Христиан и Баптистов. М., 1944 // Архив РС ЕХБ. Папка 11а-54.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 4.

ских христиан)¹¹. Позднее Президиум ВСЕХИБ принял решение с 1 января 1946 г. союз «и» в названии убрать, заменив его дефисом (ВСЕХБ)¹².

В нарушение евангельско-баптистского принципа автономии поместных церквей была введена централизованная система руководства евангельско-баптистским сообществом (ВСЕХИБ и старшие пресвитеры). Безусловно, такая организация управления была выгодна органам государственной власти, которые получили возможность контролировать жизнь евангельских христиан и баптистов на всех уровнях через систему ВСЕХБ и старших пресвитеров¹³. Однако в тот период именно эта система давала возможность евангельским христианам-баптистам (ЕХБ) выстраивать лояльные отношения с властью и легально существовать.

Очевидно, будет упрощением видеть в создании ВСЕХБ исключительно реализацию инициативы верующих¹⁴. Давно задуманное, но не получавшееся объединение евангельских христиан и баптистов на этом этапе не обошлось без непосредственного участия государственных структур. С другой стороны, трудно не согласиться с С.Н. Савинским, признававшим, что «в объединении были заинтересованы власти, тем более атеистические, которым легче держать под наблюдением одно религиозное объединение, чем два родственных», но призывавшим не истолковывать случившееся в 1944 г. «слишком примитивно и необоснованно», «приписывая его лишь внешнему влиянию»¹⁵. В любом случае по сравнению с предшествующим периодом у верующих наконец появилась возможность легальной деятельности, хотя бы и под контролем государства, появилась пусть и ограниченная, но возможность реализации конституционного права на свободу совести.

На территории СССР к этому времени существовали кроме ЕХБ и другие евангельские

деноминации — христиане веры евангельской-пятидесятники нескольких направлений (ХВЕ), евангельские христиане в духе апостолов (единственники), свободные христиане (дарбисты), евангельские христиане-трезвенники и меннониты. 25 августа 1945 г. в Москве было подписано так называемое Августовское соглашение между представителями ВСЕХИБ и христиан веры евангельской-пятидесятников, на основании которого часть пятидесятнических общин вошла в состав ВСЕХБ¹⁶. В марте 1946 г. к ВСЕХБ присоединились общины свободных христиан-дарбистов¹⁷. В 1947 г. в Союз вошли евангельские христиане в духе апостольском и евангельские христиане-трезвенники, они полностью приняли условия Августовского соглашения с дополнительными пунктами¹⁸. Позднее, в 1963–1965 гг., к ВСЕХБ присоединилась и часть братских меннонитов. Часть общин баптистов, евангельских христиан, пятидесятников не вошла во ВСЕХБ, продолжая действовать без регистрации. К 1960-м гг. ВСЕХБ организационно окреп и превратился в самое крупное протестантское объединение в стране, имеющее поместные церкви и группы верующих по всему СССР¹⁹.

Объединение различных евангельских течений в одном союзе было чревато различными противоречиями и взаимным непониманием. СДРК, понимая опасность дестабилизации ситуации во ВСЕХБ в связи с присоединением ХВЕ, рекомендовал уполномоченным на местах «иметь в виду, что со стороны ряда пятидесятников возможно активное противодействие осуществлению решения, которое может привести к расколу и образованию групп, могущих объединиться на основе неприятия такого решения...

¹¹ Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). СПб.: Библия для всех, 2001. Ч. 2. С. 157.

¹² Письмо ВСЕХБ Всем общинам ЕХБ в СССР. Уведомление о том, что президиум ВСЕХ и Б упразднил в названии букву «и» и заменил его знаком — (тире). № 68. 4 января 1946 г. // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-122.

¹³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 23. Л. 72–75; Д. 35, Л. 81; Схема пресвитерской системы во ВСЕХ и Б. 1 марта 1945 г. // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-138; Инструкция для старших пресвитеров ВСЕХБ 1945 год // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-137.

¹⁴ История баптизма: сб. Вып. 1. / сост. и предисл. С.В. Санников. Одесса: Одесская Богословская семинария, «Богомыслие», 1996. С. 401–403.

¹⁵ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 156.

¹⁶ Соглашение об объединении христиан веры евангельской с евангельскими христианами и баптистами в один союз 25 августа 1945 года // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-117; Соглашение об объединении ХВЕ (ХЕВ) с ЕХИБ в один союз. 1945 год // Архив РС ЕХБ.

¹⁷ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 186.

¹⁸ Запись собеседования ВСЕХБ с представителями христиан в духе апостолов Смородинным Н.П., Шишковым Н.И. и Прудниковым Е.М., состоявшегося в Москве 2 апреля 1947 г. // Архив РС ЕХБ; Запись собеседования ВСЕХБ с представителями христиан в духе апостолов Смородинным Николаем Петровичем, Шишковым Николаем Ивановичем и Прудниковым Ефремом Моисеевичем, состоявшегося в Москве по М. Вузовскому пер. д. № 3, в среду 2 апреля 1947 г. // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1-109.

¹⁹ Дударёнок С.М., Поправко Е.А., Сердюк М.Б., Владимиров Д.А. и др. Религиозные организации Дальневосточного федерального округа: словарь-справочник. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2010. С. 57.

Нужно следить за тем, все ли присоединившиеся пятидесятники действительно согласны с решением расширенного Совещания ВСЕХИБ, будут ли они на молитвенных собраниях придерживаться порядка, существующего у евангельских христиан и баптистов, не будут ли они пытаться оказать влияние на евангельских христиан и баптистов в отношении привития своих обрядов»²⁰. В целом же СДРК приветствовал Августовское соглашение и на встречах с руководством ВСЕХБ подтверждал желание содействовать его претворению в жизнь. С этой целью в конце сентября 1945 г. его уполномоченным было направлено Циркулярное письмо по вопросу об объединении, в нем предлагалось осуществлять поддержку пресвитеров ВСЕХБ в их «объединительной» работе²¹.

Уже к середине 1946 г. ВСЕХБ всерьез обеспокоился нежелательными явлениями, источником которых были пятидесятники: «В ряде поместных церквей, где влились пятидесятники, были грубые нарушения условия Августовского соглашения: появление глоссолалии²² без истолкователя, омовение ног», появление «пророков» в общих собраниях и т.п.²³ Объединение происходило не просто, полного объединения с ХВЕ не произошло изначально, позднее неоднократно поднимался и вопрос об отделении присоединившихся от ВСЕХБ на основании догматических различий, значительное число пятидесятнических общин продолжали оставаться неприсоединившимися и в последующие годы.

Конфессиональные историки оценивают 1943–1947 гг. как время духовного пробуждения²⁴. Несмотря на довольно сложную, многоступенчатую процедуру регистрации, предусмотренную в Положениях «О порядке открытия церквей» (28.11.1943) и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (19.11.1944)²⁵, уже в 1944–1947 гг. СДРК при Совете министров СССР было открыто 97 молитвенных домов ЕХБ. Всего к на-

чалу 1947 г. действовало 2710 зарегистрированных молитвенных домов ЕХБ²⁶.

Однако расширение влияния религиозных организаций не входило в планы атеистического государства. И.В. Полянский, побывав в январе 1947 г. на приеме у К.Е. Ворошилова, где обсуждались принципиальные вопросы деятельности СДРК, отмечал: «Клемент Ефремович высказал свое резко отрицательное отношение к баптизму... но согласился с тем, что по отношению к баптизму должна быть выработана особая линия, исключая административный зажим и противобаптистскую, миссионерскую работу православной церкви. Я изложил основы проводимой нами линии, рассчитанной на „стандартизацию“ баптизма и на лишение его основных, привлекающих массу черт... Тов. Ворошилов согласился с нашими позициями, но указал, что о них нужно подробно доложить в ЦК и после этого получить одобрение проводимым нами конкретным мероприятиям...»²⁷.

Рост числа общин ЕХБ и их членов вызывал беспокойство центральной власти, вынуждал СДРК оправдываться и пытаться объяснить причины роста объективными причинами²⁸. Уже в июле 1947 г. Совет министров СССР разрабатывал «практические мероприятия Совета по делам религиозных культов... на ближайший период его работы», которые предполагали, в частности, «по церкви евангельских христиан-баптистов»: «1. Дать подробные указания уполномоченным Совета... о порядке проведения на практике ограничения и регулирования деятельности общин ехб. 2. Разрешать открытие новых домов ехб лишь в особо исключительных случаях»²⁹.

Уже в 1947 г. было удовлетворено менее 10% поступивших ходатайств ЕХБ (из 266 — 25). С начала 1948 г. регистрация поместных церквей ЕХБ повсеместно прекратилась³⁰. В соответствии с общим курсом религиозной политики этого периода уже в 1947–1953 гг. 526 религиозных обществ ЕХБ были сняты с регистрации, как распавшиеся³¹. Тем не менее ходатайства об открытии молитвенных домов поступают от ЕХБ в СДРК и в последующие годы, например, в 1953 г. их было 73, в 1954 г. — 60³², в 1955 г. — 78, в 1956 г. — 129³³ и т.д.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 11. Л. 27–28.

²¹ Дударёнок С.М. Баптизм на российском Дальнем Востоке (1917–1955 гг.) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 5. М.: РОИР, 2007. С. 99–100.

²² Глоссолалия — говорение на иных и незнакомых языках.

²³ Письмо ВСЕХБ от 17 апреля 1946 года // Архив РС ЕХБ; Письмо ВСЕХБ всем старшим пресвитерам «О присоединении неприсоединившихся пятидесятников к ВСЕХБ. Поставить эту задачу на первое место» от 19 октября 1946 г. № 9160 // Архив РС ЕХБ. Папка 1.1–113.

²⁴ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 169.

²⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 26–30, 58–59.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 166–167.

²⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 8. Л. 98–108.

²⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 47. Л. 168–169. 191–192, 196–201.

²⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 317.

³⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 59. Л. 4, 5, 6, 17, 18, 21.

³¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 70.

³² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 110. Л. 76.

³³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 132. Л. 147.

Таким образом, 1940-е — начало 1950-х гг. стали особым этапом в религиозной политике Советского государства, когда власть, осознав в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны необходимость и даже неизбежность сотрудничества с религиозными организациями, постаралась сделать их управляемыми и подконтрольными государству. Одним из способов добиться этого бы-

ло создание крупных религиозных союзов, которое власти не допускали в предвоенный период. Безуспешные попытки объединения евангельских христиан и баптистов, которые предпринимались в предшествующие десятилетия, в данный период увенчались успехом, так как инициатива верующих оказалась созвучной новым тенденциям государственной вероисповедной политики.

Литература

1. Дударенко С.М. Баптизм на российском Дальнем Востоке (1917–1955 гг.) / С.М. Дударенко // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 5. М. : РОИР, 2007. С. 84–112.
2. Дударёнок С.М. Религиозные организации Дальневосточного федерального округа : словарь-справочник / С.М. Дударёнок, Е.А. Поправко, М.Б. Сердюк, Д.А. Владимиров и др. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2010. 580 с.
3. История баптизма : сб. Вып. 1 / сост. и предисл. С.В. Санников. Одесса : Одесская Богословская семинария, «Богомыслие», 1996. 489 с.
4. Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / отв. ред. А.И. Клибанов. М. : Мысль, 1967. 244 с.
5. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность / Л.Н. Митрохин. СПб. : РХГИ, 1997. 480 с.
6. Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967) / С.Н. Савинский. СПб. : Библия для всех, 2001. Ч. 2. 422 с.

References

1. Dudarenok S.M. Baptizm na rossiyskom Dalnem Vostoke (1917–1955 gg.) [Baptism in the Russian Far East (1917 to 1955)] / S.M. Dudarenok // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremenny'y aspekty'. Vy'p. 5 [The Freedom of Conscience in Russia: Historical and Modern Aspects. Is. 5]. Moskva : ROIR — Moscow : Russian Association of Scholars in Religion, 2007. S. 84–112.
2. Dudarenok S.M. Religiozny'e organizatsii Dalnevostochnogo federalnogo okruga : slovar-spravochnik [Religious Organizations of the Far Eastern Federal District : reference dictionary] / S.M. Dudarenok, E.A. Popravko, M.B. Serdyuk, D.A. Vladimirov i dr. Vladivostok : Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta — Vladivostok : publishing house of the Far Eastern University, 2010. 580 s.
3. Istoriya baptizma : sb. Vy'p. 1 ; sost. i predisl. S.V. Sannikov [The History of Baptism : collection. Is. 1 ; compiled and foreword by S.V. Sannikov]. Odessa : Odesskaya Bogoslovskaya seminariya, «Bogomyслиe» — Odessa : Odessa Theological Seminary, Bogomyслиe, 1996. 489 s.
4. Konkretny'e issledovaniya sovremenny'kh religiozny'kh verovaniy (metodika, organizatsiya, rezultaty) ; otv. red. A.I. Klibanov [Specific Research of Modern Religious Beliefs (Methodology, Organization, Results) ; publishing editor A.I. Klibanov]. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1967. 244 s.
5. Mitrokhin L.N. Baptizm: istoriya i sovremennost [Baptism: the History and the Modern Times] / L.N. Mitrokhin. Sankt-Peterburg : RKhGI — Saint Petersburg : Russian Christian Institute for the Humanities, 1997. 480 s.
6. Savinsky S.N. Istoriya evangelskikh khristian-baptistov Ukrainy', Rossii, Belorussii (1917–1967) [The History of Evangelical Christian Baptists of Ukraine, Russia, Belarus (1917 to 1967)] / S.N. Savinsky. Sankt-Peterburg : Bibliya dlya vsekh — Saint Petersburg : Bible for All, 2001. Part 2. 422 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-63-68

Институт самодержавной власти в государственно-правовой концепции П.Е. Казанского: постановка проблемы

*Михайлова Елизавета Михайловна,
профессор, заведующая кафедрой
гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации,
заслуженный работник образования Чувашской Республики,
доктор исторических наук, доцент
lizamet@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению основного концепта в государственно-правовых идеях известного правоведа рубежа XIX–XX в. П.Е. Казанского — института самодержавной власти. Проанализирована его позиция относительно самодержавия как необходимой для российской государственности политической формулы. Определено содержание сформулированных П.Е. Казанским основных предикатов российской императорской власти. Раскрыты его взгляды на созданный в контексте государственных реформ 1905–1906 гг. институт парламентаризма.

Ключевые слова: П.Е. Казанский, государственно-правовая концепция, российское самодержавие, императорская верховная власть, консервативная правовая школа, институт парламентаризма.

The Institute of Autocratic Power in the State Legal Concept of P. E. Kazanskiy: Problem Setting

*Mikhaylova Elizaveta M.
Professor, Head of the Department of Humanitarian Disciplines
and Foreign Languages of the Cheboksary Cooperative Institute (Branch)
of the Russian University of Cooperation
Honored Educator of the Chuvash Republic
Doctor of History
Assistant Professor*

The article is devoted to the main concept in the state-legal ideas of a well-known jurist of the XIX–XX centuries P.E. Kazansky - the institution of autocratic power. His position on autocracy as a political formula necessary for Russian statehood is analyzed. The content of major predicates of the Russian imperial power formulated by P.E. Kazansky is determined. His views on the institute of parliamentarism created in the context of state reforms of 1905–1906 are revealed.

Keywords: P.E. Kazansky, state-legal conception, Russian autocratic power, imperial power, conservative law school, the institute of Institute of parliamentarism.

В условиях глубоких модернизационных процессов, характеризующих российскую общественно-политическую жизнь рубежа XIX–XX в., в политико-правовой науке на первый план вышли вопросы о наиболее приемлемых для государства и общества формах существования. Наряду с либеральными и социалистическими моделями переустройства страны в это время формируется консервативная концепция общественного устройства. Одним из известных представителей консервативной правовой мысли, стоявших у истоков создания философии права рос-

сийского самодержавия и оформления научной консервативной правовой школы, стал международной признанный ученый, юрист-международник Петр Евгеньевич Казанский. В его работах, и прежде всего в изданном в 1913 г. основательном труде «Власть Всероссийского Императора», нашли обоснование принципы юридически обоснованного взгляда на российскую императорскую власть¹.

¹ Смолин М. Казанский Петр Евгеньевич // URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kazanski_pe.html (дата обращения: 10.04.2018).

Как представитель консервативного направления общественной мысли, П.Е. Казанский исходил из неоспоримого постулата, что самодержавная власть российского императора является основным концептом российского государственного существования. Особую форму российского властоустройства ученый-правовед выводил из исторической судьбы становления и развития российского государства. Особенности исторического развития, психологические, национальные, политические и религиозно-нравственные основы сложили присущую именно русскому государственному строю верховную власть, выразившуюся в основополагающем концепте русского государственного права — «самодержавие Монарха»².

Оформившись в особое государственное и духовное состояние политического образования, самодержавная императорская власть в России стала уникальной структурой. «Русская Императорская власть, — подчеркивал П.Е. Казанский, — один из крупнейших фактов всемирной и русской истории, одна из главных сил, которые двигают современной общественной жизнью России, Славянства и всего человечества, наконец, одно из величайших явлений в области религиозно-нравственных отношений»³.

Анализируя особенности российского государственного строя, П.Е. Казанский подчеркивал его отличие от юридического содержания западноевропейского государственного права. В концепте самодержавия он усматривал содержательное, смысловое значение фактического суверенитета, фактического нравственного могущества имперской власти⁴. «Власть все-русского Императора есть не только юридическое установление, но и фактическое отношение»⁵, — писал П.Е. Казанский. Нравственное могущество монарха,

оформленное и признанное в публичном праве, трансформируется, по мнению П.Е. Казанского, в верховенство. В подобной плоскости самодержавие представлялось как «фактический суверенитет, на который опирается Верховная Власть Государя Императора»⁶.

Рассматривая генезис российской государственности и особенности ее правового становления, консервативное правовое понимание выделяло присущие ей имманентные начала, составлявшие в конечном счете концепт самодержавия: император обладает всей полнотой государственной власти; она надзаконна в силу ее божественного освящения; монаршая власть легитимна как основанная на естественно-божественном праве как делегированная Богом; власть Божьего помазанника осуществляется в соответствии с религиозно-нравственными, духовными законами. Как считали консервативные мыслители, сакральное освящение самодержавной власти определено божественной волей. Тех же взглядов придерживался П.Е. Казанский. Выявляя основания российской императорской власти, он пишет: «Нет ни одного акта, ни государственного, ни международного, который установил бы Императорскую власть в России. Она не является созданием какой-либо власти, которая стояла бы выше ее, она не основывается также на договоре между нею и каким-либо другим деятелем, она не является и делегированной, врученной или препорученной Государю Императору...» И далее продолжает: «Наше право указывает все же на один источник власти Государя Императора, но этот источник — воля Бога»⁷. Данный источник власти предполагает ответственность царя перед Богом, заботу о благе Отечестве, обет служения царя народу. «Выше власти Монарха — власть Бога, Монарх ограничен догматами Православной Церкви, он отвечает перед судом Божиим»⁸.

Соотнеся эти идеи со ст. 4 Основных законов Российской империи 1906 г., гласившей, что «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»⁹, П.Е. Казанский отмечал, что указанная статья представляла собой наиболее подхо-

² Казанский П.Е. Народность и государство. Одесса, 1912; Его же. Власть Всероссийского Императора. М.: Фонд ИВ, 2007. С. 23.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 23.

⁴ Михайлова Е.М. Забытые имена: к вопросу о государственно-правовой концепции и общественно-политической деятельности П.Е. Казанского // Научный потенциал кооперативного образования как фактор инновационного развития социально-экономических систем: материалы межвузовской научно-практической конференции (Чебоксары, 27.01.2012): сб. науч. ст. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2012. С. 331.

⁵ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 26; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. С. 131.

⁶ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 36.

⁷ Там же. С. 502–503.

⁸ Там же. С. 472.

⁹ Свод Основных Государственных законов Российской империи // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 28.02.2017).

дающую формулу для раскрытия смыслового содержания российской самодержавной государственной власти. В такой политико-правовой формуле интегрированы и фактический, и юридический суверенитеты монаршей власти, подкрепленные религиозным освящением царского самодержавия¹⁰.

П.Е. Казанский подчеркивал, что данная статья Основных законов отражает предикаты власти русского государя: «власть верховна, самодержавна и имеет божественное освящение»¹¹, составляющие качественные свойства императорской власти. В них воплощались сакральный характер самодержавия, легитимная наследственность монаршей власти, ее историческая обусловленность, национальный характер, нравственный смысл. Их содержание следовало вкладывать и в обоснование принципов юридического понимания самодержавной верховной власти¹², которая обладала единством и «обнимала» все проявления (стихии) государственной власти — верховное управление, подчиненное управление, законодательство¹³.

Верховенство, неограниченность русской самодержавной власти несут вместе с тем и ее ограниченность. Объясняя этот смысл, П.Е. Казанский подчеркивал, что юридическая неограниченность императорской власти «отнюдь не означает произвольности, не означает фактической неограниченности»¹⁴. Пределы императорской власти, по его мнению, определялись национальными стремлениями русского народа и его религиозно-нравственными идеалами. Данный фактор, с одной стороны, обосновывает одну из главных сил российского государства — «единение царя и народа», с другой стороны, одновременно подкреплен этим концептом¹⁵. Обеспечение этого единства ученый видел в создании «национальной династии», «установлении способов фактического общения царя и

народа, а также в освящении царской власти русской народной религией — Православной Церковью»¹⁶. Такие предикаты власти, как верховенство, неограниченность, самодержавие, рассматривались как обусловленные исторической закономерностью и воплощающие «единение Государя Императора и народа русского»¹⁷.

Российская самодержавная власть в воззрениях консерваторов рассматривалась в плоскости идеократического измерения. Самодержавный царь, Православная церковь и русская народность представлялись как составляющие единого государственного организма. Из подобного миропонимания вытекало положение о том, что отказ от сакральной монаршей власти приводит к ценностно-духовной деградации государства и общества. Социально и духовно консолидирующая роль в этом триединстве, согласно точке зрения П.Е. Казанского, отводилась именно императорской власти. «Императорская власть, — подчеркивает он, — является моральным центром народа. Около нее отлагается целый мир нравственно-политических идей и чувствований: почитания, граничащего с обожествлением („Бог на небе, Царь на земле“), долга, готового на самопожертвование, на жертву жизнью („лягу за царя, за Русь“), любви, равной любви отцу („Царь-батюшка“). Около него постоянно на страже душа народная с ее лучшими надеждами на будущее, с уверенностью в настоящем. В Царе то духовное начало, которое объединяет весь народ, поддерживает моральное равновесие в нации»¹⁸. Сакральность, идеократичность и надзаконность монаршей власти обуславливались восприятием самодержца как воплощения Божьей воли, духа и совести, как выразителя души народа и воплощения справедливости, как начала нации, консолидирующего ее единство на религиозно-нравственных, морально-этических, традиционных принципах. Самодостаточность власти самодержца, опирающегося именно на православно-этические нормы, могла подавлять «темные» стороны человеческого сознания, сдерживать разрушительные тенденции. П.Е. Казанский подчеркивал, что признание народом над собой неограниченной власти самодержавных царей обуслов-

¹⁰ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 36.

¹¹ Там же. С. 339.

¹² Шипилов А.Н. Верховенство власти монарха в концепции самодержавной власти П.Е. Казанского // URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2648&Itemid=138 (дата обращения: 12.05.2018).

¹³ Сафронова Е.В., Шипилов А.Н. П.Е. Казанский о роли главы государства в осуществлении судебной власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 124.

¹⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 440.

¹⁵ Там же. С. 443.

¹⁶ Там же. С. 445.

¹⁷ Михайлова Е.М. Проблематика монархического конституционализма в государственно-правовом дискурсе начала XX в. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1(5). С. 133.

¹⁸ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 477.

лено видением в них «Православных Царей, подчиняющихся предписаниям христианской веры»¹⁹. Самодержавная власть отвечала духу христианской нравственности. Христианская любовь и нравственность, опора на национальную почву, национальное самосознание, воплощение национального идеала составляют организацию российской самодержавной власти.

Сравнивая российское самодержавие с западноевропейским пониманием системы государственной власти, консервативные мыслители подчеркивали их отличительные особенности. Западноевропейская система государственного права рассматривалась ими как юридически формализованное право. Подобных позиций придерживался и П.Е. Казанский.

Верховное управление представляло личную деятельность Государя Императора. Предметом этого управления являлись, как отмечал П.Е. Казанский, «чрезвычайно важные, иногда проникающие всю русскую жизнь, общественные отношения и явления»²⁰. Верховная монаршая власть стояла выше верховного управления, включая и последнее, и законодательство, обладая всей полнотой государственной власти. Самодержавная власть не могла быть отождествлена с административной властью, поскольку в основании их легитимации лежали качественно разные измерения: в одной — божественная воля, в другой — позитивное право. Монарх, стоящий во главе русского государства, представлялся не как первый чиновник по западному образцу, а как верховная, самодержавная власть с вытекающими отсюда нравственными ограничениями и принципами. Нормы права имеют для самодержавного царя, по мнению П.Е. Казанского, не внешнее принуждение, а внутренний, свободный, т.е. нравственный, авторитет. Как считал ученый, западноевропейская теория делегации власти не подходила к российскому государственному праву. «Наш закон, — писал П.Е. Казанский, — никакой делегированной деятельности Государя Императора не знает и непосредственная или личная деятельность Главы государства образует общее понятие верховного управления, которое, в целом, отнюдь не может быть рассматриваемо как администрация, так как в состав его входит и деятельность правообразующая, и судебная»²¹. Надюридическая законность полномочий монарха вытекала, таким

образом, из верховного характера монаршей власти. Монаршая власть делегирует административные полномочия административным и судебным органам, осуществляя над ними надзор и принимая от народа обжалования «неправильных» постановлений и действий административных и судебных органов как верховная власть. Система политических и правовых учреждений, создаваемых монархической властью, должна была способствовать тому, чтобы самодержавная власть имела возможность «сосредоточивать в себе всю работу национальной мысли, объединять все проявления народного чувства и опираться на все народные воли»²².

В контексте государственных реформ 1905–1906 гг. и новой редакции Основных законов Российской империи в русской политико-правовой мысли актуальным становился вопрос об институте парламентаризма. Для консервативного течения в целом было характерно довольно сдержанное отношение к представительному органу власти как к институту, ограничивающему полноту самодержавной власти. Юридическое понимание консервативного рассмотрения пределов взаимоотношений самодержавной власти и института парламентаризма дал и П.Е. Казанский.

Политико-правовые реформы 1905–1906 гг. ученый оценивал как реформы, в результате которых «часть правообразующей деятельности была выделена из состава верховного управления»²³ в законодательную деятельность парламента. По его мнению, этот фактор требовал, в свою очередь, четкого определения полномочий законодательного органа власти. П.Е. Казанский выступал против либерального понимания сути новой российской политической организации, оформленной на установлениях Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных Государственных законов 23 апреля 2906 г. В отличие от либералов-конституционалистов, считавших, что в соответствии с вышеназванными официальными документами законодательная власть российского императора ограничена и что она разделена между императором и законодательными представительными органами, П.Е. Казанский подчеркивал, что русская государственная власть «осталась такую же, какую она была встарь, — властью Всероссийского Императора»²⁴. Царский Манифест 17 октября 1905 г. и новые Основные законы обусловили новое устройство, но-

¹⁹ Там же. С. 471.

²⁰ Там же. С. 74.

²¹ Там же. С. 117.

²² Там же. С. 545.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Там же. С. 126.

вую форму правообразующей власти, но она «не перестала быть по-прежнему императорской властью». Согласно его точке зрения, законодательная власть осталась принадлежащей императору, а участие Государственной Думы и Государственного Совета в законодательной работе ограничивалось «весьма узкими рамками». Опираясь на ст. 7, 8, 9 главы «О существе Верховной Самодержавной власти» Основных законов²⁵, П.Е. Казанский разъяснял, что законотворческая власть, или «власть правообразования», говоря его словами, во всей полноте принадлежит государю. Определение компетенций законодательства и верховного управления рассматривалось как разграничение форм, но не изменение смыслового содержания. Сфера основных полномочий законодательных органов включала обсуждение законопроектов, участие в окончательном определении конкретного содержания законов. Как писал П.Е. Казанский, «единение, что касается законодательных установлений, состоит в том, что они дают свое согласие на каждый закон. В этом и состоит степень представленной им власти»²⁶. Но это не означает, подчеркивал ученый, что в форму закона не могут вылиться другие юридические правила, под которыми он подразумевал Высочайшие указы. Закон принимается, продолжает он свою мысль, если есть «единение между Государем Императором и законодательными установлениями»²⁷. В условиях отсутствия подобного единения статус законодательства несли Высочайшие указы. Окончательное решение было за верховной властью

самодержца²⁸. Такие факторы отличали российскую самодержавную власть от западных конституционных монархий, в которых парламент, как законодательный, представительный, основанный на общественном договоре институт власти, делегировал монарху законодательные полномочия.

Таким образом, концептуальные государственно-правовые идеи П.Е. Казанского исходили из признания власти российского царя как верховной самодержавной власти, воплощающей нравственный авторитет и фактический суверенитет. Монаршая власть рассматривалась им как сложившаяся применительно к российской истории и наиболее соответствующая историческому развитию и социокультурным традициям русского народа. Воплощая в себе «душу народа», российский монарх объединяет общество, народ в единое целое. Юридической основой русского возрождения он рассматривал русскую императорскую власть²⁹. Новые политические институты, прежде всего Государственная Дума, рассматривались им как структуры, вспомогательные императорской власти, а политическое устройство, основанное на принципах Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных Законов 23 апреля 1906 г., — лишь как обновленный строй, сохраняющий неизменной самодержавную политическую конструкцию. Отвечая народному самосознанию, свойствам русской народной души, национальным идеалам, освященная христианскими ценностями и Православной церковью самодержавная власть русского царя обеспечивала направление национального развития.

²⁵ Свод Основных Государственных законов Российской империи.

²⁶ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 120–121.

²⁷ Свод Основных Государственных Законов Российской империи ; Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 121.

²⁸ Ремнев П.А. П.Е. Казанский об институте императорской власти в России // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2009. № 81. С. 43.

²⁹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. С. 22 ; Репников А.В. Указ. соч. С. 135.

Литература

1. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора / П.Е. Казанский. М. : ФонДИВ, 2007. 600 с.
2. Казанский П.Е. Народность и государство / П.Е. Казанский. Одесса : Тип. «Русская речь», 1912. 21 с.
3. Михайлова Е.М. Забытые имена: к вопросу о государственно-правовой концепции и общественно-политической деятельности П.Е. Казанского / Е.М. Михайлова // Научный потенциал кооперативного образования как фактор инновационного развития социально-экономических систем : материалы Межвузовской научно-практической конференции (Чебоксары, 27.01.2012) : сб. науч. ст. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2012. С. 330–332.
4. Михайлова Е.М. Проблематика монархического конституционализма в государственно-правовом дискурсе начала XX в. / Е.М. Михайлова // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 129–135.
5. Ремнев П.А. П.Е. Казанский об институте императорской власти в России / П.А. Ремнев // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2009. № 81. С. 41–43.
6. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России / А.В. Репников. М. : Academia, 2007. 520 с.
7. Сафронова Е.В. П.Е. Казанский о роли главы государства в осуществлении судебной власти / Е.В. Сафронова, А.Н. Шипилов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 124–127.

8. Смолин М. Казанский Петр Евгеньевич / М. Смолин // URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kazanski_pe.html (дата обращения: 10.04.2018).
9. Шипилов А.Н. Верховенство власти монарха в концепции самодержавной власти П.Е. Казанского / А.Н. Шипилов // URL: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2648&Itemid=138 (дата обращения: 12.05.2018).

References

1. Kazansky P.E. Vlast Vserossiyskogo Imperatora [The Power of the Emperor of All Russia] / P.E. Kazansky. Moskva : FondIV — Moscow : FondIV, 2007. 600 s.
2. Kazansky P.E. Narodnost i gosudarstvo [The Nationality and the State] / P.E. Kazansky. Odessa : Tip. «Russkaya rech» — Odessa : Russian Speech printing office, 1912. 21 s.
3. Mikhaylova E.M. Zabyty'e imena: k voprosu o gosudarstvenno-pravovoy kontseptsii i obschestvenno-politicheskoy deyatel'nosti P.E. Kazanskogo [Forgotten Names: on the P.E. Kazansky's State Legal Concept and Social and Political Activities] / E.M. Mikhaylova // Nauchny'y potential kooperativnogo obrazovaniya kak faktor innovatsionnogo razvitiya sotsialno-ekonomicheskikh sistem : materialy' Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Cheboksary', 27.01.2012) : sb. nauch. st. [Scientific Potential of Cooperative Education as a Factor of the Innovative Development of Socioeconomic Systems : files of an inter-university scientific and practical conference (Cheboksary, January 27, 2012) : collection of scientific articles]. Cheboksary' : ChKI RUK — Cheboksary : Cheboksary Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation, 2012. S. 330–332.
4. Mikhaylova E.M. Problematika monarkhicheskogo konstitutsionalizma v gosudarstvenno-pravovom diskurse nachala XX v. [Issues of Monarchical Constitutionalism in the State Legal Discourse of the Early XX Century] / E.M. Mikhaylova // Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta — Bulletin of the Cheboksary Cooperative Institute. 2010. № 1 (5). S. 129–135.
5. Remnev P.A. P.E. Kazanskiy ob institute imperatorskoy vlasti v Rossii [P.E. Kazansky on the Imperial Power Institution in Russia] / P.A. Remnev // Omskiy nauchny'y vestnik. Ser.: Obschestvo. Istoriya. Sovremennost — Omsk Scientific Bulletin. Ser.: Society. History. The Modern Times. 2009. № 81. S. 41–43.
6. Repnikov A.V. Konservativny'e kontseptsii pereustroystva Rossii [Conservative Concepts of Reconstruction of Russia] / A.V. Repnikov. Moskva : Academia — Moscow : Academia, 2007. 520 s.
7. Safronova E.V. P.E. Kazanskiy o roli glavy' gosudarstva v osuschestvlenii sudebnoy vlasti [P.E. Kazansky on the Role of the Head of the State in Exercising of the Judicial Power] / E.V. Safronova, A.N. Shipilov // Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo — Scientific News of the Belgorod State University. Ser.: Philosophy. Sociology. Law. 2013. № 23 (166). Is. 26. S. 124–127.
8. Smolin M. Kazanskiy Petr Evgenevich [Petr Evgenevich Kazansky] / M. Smolin // URL : http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kazanski_pe.html (data obrascheniya : 10.04.2018 — accessed on : April 10, 2018).
9. Shipilov A.N. Verkhovenstvo vlasti monarkha v kontseptsii samoderzhavnoy vlasti P.E. Kazanskogo [Supremacy of Monarchical Power in the P.E. Kazansky's Autocratic Power Concept] / A.N. Shipilov // URL : http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2648&Itemid=138 (data obrascheniya : 12.05.2018 — accessed on : May 12, 2018).

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-69-74

Исторические корни конституционно-правовой ответственности должностных лиц (на примере российского законодательства XVIII — первой половины XIX в.)

*Митина Светлана Игоревна,
заведующая кафедрой теории государства и права
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
доктор юридических наук, доцент
april5298@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию исторических корней конституционно-правовой ответственности должностных лиц в России (на примере российского законодательства XVIII — первой половины XIX в.). На основе анализа законодательства и архивных материалов определены характерные признаки государственной политики, направленной на борьбу с должностными преступлениями в Российской империи, выявлены особенности соответствующей судебной практики в провинции.

Ключевые слова: архивные источники, история законодательства, правовая система, реформы государственного управления, должностные преступления, провинция.

Historical Roots of the Constitutional Legal Responsibility of Officials (on the Example of the Russian Laws of the XVIII to the the First Half of the XIX Century)

*Mitina Svetlana I.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Doctor of Law
Assistant Professor*

The article is devoted to the study of the historical roots of the constitutional legal responsibility of officials in Russia (on the example of the Russian legislation in the XVIII — first half of the XIX century). Based on the analysis of legislation and archival materials the characteristic signs of state policy that was aimed to combat official crimes in the Russian Empire are determined and features of relevant judicial practice in the province are revealed.

Keywords: archival sources, history of legislation, legal system, public administration reforms, official crimes, province.

Основы конституционализма в России в той или иной мере проявлялись в отдельных политических институтах и правовых актах с самого начала истории российской государственности. Например, хорошо известна практика контроля за деятельностью князей со стороны вече в Великом Новгороде.

Однако в современной научной литературе нет единого подхода к вопросу об основных этапах конституционного строительства в дореволюционной России¹. Так, восприятию XVIII–XIX вв. в качестве перио-

да формирования институтов конституционализма мешает фактор господства абсолютизма.

Именно поэтому наиболее распространенная точка зрения современных авторов сводится к тому, что лишь манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. положил начало конституционному строительству, например закреплению норм, устанавливающих ответственность власти перед подданными: «1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов... 3. Установить как

¹ Смыкалин. А.С. Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. 2004. № 3. С. 79–84.

незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от Нас властей»². Так, были провозглашены принципы гарантии гражданских свобод, неприкосновенности личности и контроля народа за деятельностью государственных органов. Однако манифест был не первой попыткой продекларировать намерения создать государство, выражающее и защищающее интересы всего населения страны, независимо от социального статуса. Это наглядно демонстрируют последовательные усилия центральной власти по противодействию должностным преступлениям. Именно на этом примере можно выделить признаки, свидетельствующие об этапах перехода от декларации намерений к реальному внедрению основ конституционализма на русской почве.

С самого начала формирования имперского бюрократического аппарата ставилась задача научить чиновников беззаветно служить государству. Т.С. Иларионова отмечает, что Табель о рангах создавался Петром I с целью сделать государственное управление в Российской империи эффективным, сопоставимым с зарубежными системами управления³. Однако госслужащими Табель воспринималась скорее как акт, гарантирующий их личные права и позволяющий пользоваться предоставляемыми со стороны государства привилегиями. Чиновники не стеснялись себя в методах реализации вверенных им по службе полномочий, вплоть до не санкционированного законом применения силы. Этому способствовало общее господство карательной ответственности в уголовном праве. В обществе, как отмечает В.В. Евдокимов, укрепились представления о принудительности как главном содержании российского права. Но при этом, опираясь на принуждение,

«верховная власть своими действиями часто разрушала веками складывавшуюся в стране мотивацию правомерного поведения...»⁴.

Массив правовых установлений XVIII — первой половины XIX в., направленных на борьбу с «преступлениями по должности», весьма внушителен и включает нормы общего характера и специальные: Воинский устав Петра I (1716 г.), Табель о рангах (1722 г.), Генеральный регламент коллегий (1720 г.), указ «О фискалах и о их должности» (1714 г.), именной указ «О наборе рекрут, с 20 дворов по человеку, от 15 до 20 лет возраста» (1705 г.) и ряд актов Елизаветы Петровны и Екатерины II⁵.

Так, Генеральный регламент, действовавший до 1832 г., закрепил коллегиальный принцип обсуждения дел и принятия решений всем составом коллегии, ставших новым типом государственных учреждений. Это повышало уровень внутриведомственного контроля за реализацией делегированных государством полномочий. Уже в этом правовом акте содержался подробный перечень видов злоупотреблений властью и предусматривалась ответственность за такие⁶. Вопрос состоит лишь в том, как шла реализация данных норм на местах. Известно, что коррупция уже при Петре I стала характерным признаком только что сформированного государственного аппарата. Императрица Елизавета Петровна в именном указе от 16 августа 1760 г. «Об употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния» «с прискорбием» сетует, что «установленные многие законы для блаженства и благосостояния Государства своего исполнения не имеют, от внутренних общих неприятелей, которые, свою незаконную прибыль присяги, долгу и чести предпочитают... чрез меру богатящиеся Судьи, бесконечныя следствии... воровство в продаже соли, при наборе рекрут, и

² Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. : сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. СПб. : Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/> (дата обращения: 03.05.2018.)

³ Иларионова Т.С. Философия государственной службы и противодействие коррупции // Следователь. 2015. № 3 (203). С. 14.

⁴ Евдокимов В.В. Эволюция и особенности понимания государственного принуждения в русской политико-правовой мысли XI — начала XVIII вв. // История государства и права. 2016. № 8. С. 38.

⁵ Просандеева Н.В. Противодействие коррупции: правовые системы в истории // История государства и права. 2014. № 2. С. 52–53 ; Трифонов В.А. К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве // История государства и права. 2016. № 4. С. 22.

⁶ Нигматулин Р.В., Сулейманов Т.М. О некоторых исторических основах организации борьбы с должностными преступлениями в России // История государства и права. 2014. № 11. С. 34.

при всяком на народ налоге в необходимых Государству нуждах, все оное неоспоримыя доказательства, открывающие средства к пресечению общего вреда»⁷.

При Екатерине II прилагалось немало усилий для совершенствования финансового контроля в сфере управления. Л.А. Муравьева указывает на значение принятия «Учреждений для управления губерний» 1775 г. для реорганизации управления финансами на местах⁸. Как известно, именно в этой сфере государственного управления, особенно при организации казенных сборов путем подрядов и откупов, всегда существовали значительные риски противоправных действий. В «Наказе» Екатерина дает прямое указание обеспечить исполнение законов к пользе всех граждан, а не во благо лишь чиновников. В этом исследователи усматривают декларацию принципа законности⁹.

В этот же период принимались и специализированные акты: «О штрафовании присутственных мест за нерапортование и за неисполнение по посланным указам в сроки» (1766 г.), «О распубликовании во всем государстве об учиненных наказаниях за взятки и лихоимство» (1766 г.), «О наказании мирских начальников, уличенных в незаконных поборах» (1796 г.).

18 июля 1762 г. был издан именной указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства», содержащий ссылку на должностное преступление, имевшее место в Новгородской губернии: «...некто Новгородской Губернской Канцелярии Регистратор Яков Ренбер, приводя ныне к присяге Нам в верности бедных людей, брал и за то с каждого себе деньги, кто присягал; которого Ренбера Мы и повелели сослать на вечное жительство в Сибирь на работу, по единому только еще Нашему матернему милосердию; ибо он за такое ужасное, хотя малокорыстное, преступление праведно лишен быть должен живота»¹⁰.

Уже на этом примере очевидна казуистичность нормотворческой деятельности. Неконкретность и непоследовательность мер, применяемых государством для борьбы с должностными преступлениями, провоцировала «чиновный люд», хотя и с оглядкой, продолжать брать «мзду», совершать подлоги, превышать полномочия и т.д. В условиях абсолютизма реальным источником права оставалась воля монарха. Централизм, как принцип государственного управления, был доведен до гипертрофированных форм. Это безоговорочно признается современными исследователями¹¹. Как следствие, в судебной практике по делам о должностных преступлениях наблюдались явное игнорирование принципа законности и субъективизм. Заключение по делам, определения и приговоры суда содержали подробные ссылки на статьи Соборного уложения и Воинского устава, предполагавшие суровые наказания, вплоть до квалифицированной казни. В то же время окончательный приговор, как правило, предусматривал достаточно гуманное наказание согласно тому или иному императорскому указу. Указы же следовало исполнять неукоснительно. Дарованная в 1785 г. дворянам Екатериной II «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» четко предписывала: «Дело благородного, впавшего в уголовное преступление и по законам достойного лишения дворянского достоинства, или чести, или жизни, да не вершится без внесения в Сенат и конфирмации императорского величества»¹². Возможно, как отмечает Ю.И. Петров, императрица считала злоупотребления чиновников «болезнью роста»¹³ и надеялась на скорое исправление ситуации. На деле же российский чиновник осознавал себя слугой государевым, но барином для всех, кто стоял ниже его по рангу, и службу свою «справлял» соответственно своим барским привычкам. Этому в немалой степени способствовали неустойчивость и противоречивость правового регулирования следственной практики по должностным преступлениям. Так, М.Р. Хоконова обращает внимание, что возбужде-

абсолютизма / отв. ред. С.А. Колунтаев. М.: Мысль, 2003. С. 302–303.

⁷ Именной данный Сенату указ от 16 августа 1760 г. «Об употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния» // ПСЗ. Т. 15. № 11092. URL: <http://base.garant.ru/55005341/> (дата обращения: 27.04.2018.)

⁸ Муравьева Л.А. Финансовая политика Екатерины II // Финансы и кредит. 2010. № 22 (406). С. 73.

⁹ Назаренко Б.А. Правовые новации в наказе Екатерины II // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 34.

¹⁰ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. / науч. консультант проекта Е.А. Скрипилов. Т. II: Период

Максимова Н.А. Систематизация законодательства о государственной службе в Российской империи // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 1. С. 169.

¹² Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. С. 313.

¹³ Петров Ю.И. Причины и характер злоупотреблений властью в России в XIX столетии // История государства и права. 2016. № 7. С. 13.

ние уголовного дела и дознавательно-следственные действия до 1832 г. регулировали нормы «Устава Благочиния или Полицейского» 1782 г., который предписывал полиции производить дознание по факту совершения преступления. Однако качество работы полиции, на которую возлагалось множество других дел, оставляло желать лучшего¹⁴.

Кроме того, сенатскими и именными указами те же дознавательно-следственные действия передавались местной администрации (губернским и воеводским канцеляриям, сотским, десятским) и даже непосредственно помещикам и их управляющим. Так, «Сенатский указ, в следствие именованного» от 28 мая 1762 г. «О возвращении сыщиков, состоящих в губерниях для искоренения воров и разбойников, к своим командам и возложении сей обязанности на помещиков деревень, на управителей дворовых волостей и на сотских и десятских вотчин синодального ведомства» предписывал всем сыщикам находящиеся при них воинские команды отпустить к их полкам, а имеющиеся в их ведомстве дела и колодников отдать в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии¹⁵. Эту же практику закрепил «Сенатский указ вследствие именованного» 7 августа 1762 г. «О поручении сыска воров и разбойников, вместо сыщиков, губернаторам и воеводам»¹⁶. И позже полицейские учреждения не вмешивались в «следственные действия» администрации. Как результат, для простого обывателя местная администрация, а для крестьян — помещики олицетворяли закон, суд и власть в целом. Под властную руку чиновника могли «подвернуться» и мещане, и служители церкви, и даже дворяне.

В 1797 г. в Палату суда и расправы на ревизию из Каргопольского уездного суда было передано дело о нанесении побоев подъячому местного Александра-Невского монастыря Попову исправником Кондратьевым¹⁷. В 1790 г. широкую огласку получило дело Новгородского городского головы Дмитрия Шеколкина, силой (держал под караулом) принуждавшего местных купцов брать на откуп городские питей-

ные сборы. Примечательно, что за Шеколкина заступился новгородский губернатор, оправдывавший действия городского головы необходимостью выполнения правительственных распоряжений¹⁸. Это со всей очевидностью демонстрирует, каким образом власть на местах оценивала соотношение частных и публичных интересов и какие меры и действия считала приемлемыми для реализации властных полномочий.

В 1790 г. за превышение должностных полномочий с применением насилия, повлекшего гибель двух крестьян, был привлечен к ответственности дворянский заседатель Сидор Апрельев. Дело «пошло» по судебным инстанциям и даже на стадии ревизии в Новгородской палате уголовного суда не получило окончательного определения (в сохранившихся материалах дела приговор отсутствует)¹⁹.

То же самое демонстрирует пример с обращением в суд в 1795 г. штаб-лекаря Петра Бычкова по поводу «незаконного окружения его квартиры устюжским городовым старостой Яковом Кривоборским и членами устюжского городского магистрата». Представители власти в состоянии опьянения и без предъявления каких-либо документов пытались выломать двери с целью поиска лиц, скрывающихся от рекрутских наборов, и незаконных иммигрантов. После долгих разбирательств суд оправдал должностных лиц, действовавших в «государственных интересах»²⁰.

Очевидно, что в рамках существовавшего на тот момент правового поля защитить частные интересы даже представителям низших дворянских чинов было сложно. Характерным признаком правоприменительной практики по всем подобным судебным делам являлось игнорирование принципа ответственности властного субъекта (чиновника) за совершенные преступления против частных лиц.

Таким образом, органы государственной власти в России эпохи абсолютизма неукоснительно несли ответственность лишь в случае нанесения вреда самой государственной власти, ее интересам. Поэтому формы реализации ответственности скорее напоминают дисциплинарные меры, основанные на корпоративных нормах. Специалисты констатируют два признака развития аппарата управления в имперский период: законодательное урегулирование почти

¹⁴ Хоконова М.Р. Возбуждение уголовного дела и дознавательно-следственные действия по деяниям, содержащим признаки преступления, до издания Свода законов Российской империи // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 41.

¹⁵ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ соч. С. 267.

¹⁶ Там же. С. 305–306.

¹⁷ ГАНО. Ф. 529. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

¹⁸ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 892. Л. 2-2 об, 64.

¹⁹ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 907.

²⁰ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1209.

всех аспектов функционирования бюрократии и одновременно «значительные проблемы правореализации»²¹. Такое возможно как раз при подмене правового регулирования корпоративным.

Лишь провозглашение принципа ответственности государства перед личностью в Манифесте 17 октября 1905 г. меняло вектор соотношения частных и публичных интересов в праве коренным образом. Личность впервые становилась равным с государством субъектом правовых отношений, что было на тот момент и остается до сих пор важнейшим принципом конституционализма.

²¹ Ваганов А.М. Модернизация правовых основ российской государственной бюрократии (XVIII–XIX вв.) // История государства и права. 2017. № 3. С. 52.

Литература

1. Ваганов А.М. Модернизация правовых основ российской государственной бюрократии (XVIII–XIX вв.) / А.М. Ваганов // История государства и права. 2017. № 3. С. 50–54.
2. Евдокимов В.В. Эволюция и особенности понимания государственного принуждения в русской политико-правовой мысли XI — начала XVIII вв. / В.В. Евдокимов // История государства и права. 2016. № 8. С. 35–39.
3. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. : сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб. : Право, 1909. С. 150–151.
4. Иларионова Т.С. Философия государственной службы и противодействие коррупции / Т.С. Иларионова // Следователь. 2015. № 3 (203). С. 13–20.
5. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы : в 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семинин ; науч. консультант проекта Е.А. Скрипилов. Т. II : Период абсолютизма ; отв. ред. С.А. Колунтаев. М. : Мысль, 2003. 848 с.
6. Максимова Н.А. Систематизация законодательства о государственной службе в Российской империи / Н.А. Максимова // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 1. С. 167–173.
7. Муравьева Л.А. Финансовая политика Екатерины II / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. 2010. № 22 (406). С. 72–80.
8. Назаренко Б.А. Правовые новации в наказе Екатерины II / Б.А. Назаренко // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 31–36.
9. Нигматулин Р.В. О некоторых исторических основах организации борьбы с должностными преступлениями в России / Р.В. Нигматулин, Т.М. Сулейманов // История государства и права. 2014. № 11. С. 33–38.
10. Просандеева Н.В. Противодействие коррупции: правовые системы в истории / Н.В. Просандеева // История государства и права. 2014. № 2. С. 50–54.
11. Смыкалин А.С. Этапы конституционного строительства в дореволюционной России / А.С. Смыкалин // Государство и право. 2004. № 3. С. 79–84.
12. Трифонов В.А. К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве / В.А. Трифонов // История государства и права. 2016. № 4. С. 21–26.
13. Хоконова М.Р. Возбуждение уголовного дела и дознавательно-следственные действия по деяниям, содержащим признаки преступления, до издания свода законов Российской империи / М.Р. Хоконова // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 41–44.

References

1. Vaganov A.M. Modernizatsiya pravovykh osnov rossiyskoy gosudarstvennoy byurokratii (XVIII–XIX vv.) [Modernization of Legal Grounds of the Russian State Bureaucracy (the XVIII to the XIX Century)] / A.M. Vaganov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2017. № 3. S. 50–54.
2. Evdokimov V.V. Evolyutsiya i osobennosti ponimaniya gosudarstvennogo prinuzhdeniya v russkoy politiko-pravovoy my'sli XI — nachala XVIII vv. [Evolution and Peculiarities of Interpretation of State Coercion in the Russian Political and Legal Thought of the XI to the Early XVIII Century] / V.V. Evdokimov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2016. № 8. S. 35–39.
3. Zakonodatelnye akty' perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg. : sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozheniy komiteta ministrov, odnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya. 3-e izd, peresm. i dop. po 1 sentyabrya 1908 goda ; pod red. N.I. Lazarevskogo [Legislative Instruments of the Transition Time. 1904 to 1908 : Collection of Laws, Proclamations, Orders to the Governing Senate, Rescripts and Provisions of the Committee of Ministers Relating to the Reconstruction of the Russian State Structure, with a Supplement of an Alphabetical Subject Index. 3rd edition, revised and enlarged up to September 1, 1908 ; edited by N.I. Lazarevsky]. Sankt-Peterburg : Pravo — Saint-Petersburg : Law, 1909. S. 150–151.
4. Ilarionova T.S. Filosofiya gosudarstvennoy sluzhby' i protivodeystvie korruptsii [Philosophy of the State Service and Corruption Combating] / T.S. Ilarionova // Sledovatel — Investigator. 2015. № 3 (203). S. 13–20.
5. Kutafin O.E. Sudebnaya vlast v Rossii: istoriya, dokumenty' : v 6 t. ; nauch. konsultant proekta E.A. Skripilev. T. II : Period absolyutizma ; отв. ред. С.А. Колунтаев [The Judicial Power in Russia: the History, Documents : in 6 vol. ;

- scientific project consultant E.A. Skripilev. Vol. II : The Period of Absolutism ; publishing editor S.A. Koluntaev / O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G.Yu. Semigin. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 2003. 848 s.
6. Maksimova N.A. Sistematizatsiya zakonodatelstva o gosudarstvennoy sluzhbe v Rossiyskoy imperii [Systematization of Laws on the State Service in the Russian Empire] / N.A. Maksimova // Pravovaya politika i pravovaya zhizn — Legal Politics and Legal Life. 2008. № 1. S. 167–173.
  7. Muraveva L.A. Finansovaya politika Ekateriny' II [The Catherine the Great's Financial Policy] / L.A. Muraveva // Finansy' i kredit — Finance and Credit. 2010. № 22 (406). S. 72–80.
  8. Nazarenko B.A. Pravovy'e novatsii v nakaze Ekateriny' II [Legal Novelties in the Catherine the Great's Order] / B.A. Nazarenko // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2008. № 3. S. 31–36.
  9. Nigmatulin R.V. O nekotory'kh istoricheskikh osnovakh organizatsii borby' s dolzhnostny'mi prestupleniyami v Rossii [On Some Historical Grounds of the Arrangement of Official Crime Combating in Russia] / R.V. Nigmatulin, T.M. Suleymanov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2014. № 11. S. 33–38.
  10. Prosandeeva N.V. Protivodeystvie korruptsii: pravovy'e sistemy' v istorii [Corruption Combating: Legal Systems in History] / N.V. Prosandeeva // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2014. № 2. S. 50–54.
  11. Smykalin A.S. Etapy' konstitutsionnogo stroitelstva v dorevolutsionnoy Rossii [Stages of Constitutional Building in Pre-Revolutionary Russia] / A.S. Smykalin // Gosudarstvo i pravo — The History of State and Law. 2004. № 3. S. 79–84.
  12. Trifonov V.A. K voprosu o periodizatsii zakonodatelstva, reguliruyushchego dostup k gosudarstvennoy sluzhbe v Rossiyskom gosudarstve [On Periodization of Laws Regulating Access to the State Service in the Russian State] / V.A. Trifonov // Istoriya gosudarstva i prava — The History of State and Law. 2016. № 4. S. 21–26.
  13. Khokonova M.R. Vozbuzhdenie ugolovnoogo dela i doznatelno-sledstvenny'e deystviya po deyaniyam, sodержaschim priznaki prestupleniya, do izdaniya Svoda zakonov Rossiyskoy imperii [Criminal Case Initiation and Investigative Search Actions under the Acts Containing Crime Attributes Prior to the Publication of the Code of Laws of the Russian Empire] / M.R. Khokonova // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2009. № 2 (24). S. 41–44.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
ЭТО ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-7-75-80

К вопросу о генезисе взаимоотношений институтов государства и религиозных объединений в российском обществе: современный взгляд к специфике периодизации

*Ахмедов Руслан Маратович,
начальник кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
ahmedov@list.ru*

Понимание специфики того или иного общественного явления, условий реализации государственно значимых политико-правовых задач должно быть первоначально обосновано и проанализировано на основе исторически сложившегося опыта рассматриваемого взаимоотношения, выделено в самостоятельные хронологические отрезки времени с учетом доктринальных позиций исследователей. Это касается в том числе и генезиса государственно-конфессиональных взаимоотношений в российском обществе.

Ключевые слова: государство, религиозные объединения, государственно-конфессиональные отношения, генезис, история, период, хронологический отрезок времени.

On the Issue of Genesis of Relationship between the Institutes of State and Religious Associations in the Russian Society: Modern Opinion on the Specific Features of Periodization

*Akhmedov Ruslan M.
Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

Understanding the specifics of a social phenomenon, the implementation of state-significant political and legal tasks should be initially justified and analyzed on the basis of historical experience of the relationship under consideration, identified in independent chronological periods of time, taking into account the doctrinal position of researchers. This also applies to the Genesis of state-confessional relations in Russian society.

Keywords: government, religious association, church-state relations, the genesis, history, period, a chronological period of time.

Уяснение и подробное изучение сущностной взаимосвязи юридической природы взаимоотношений институтов государства и религиозных объединений невозможно без анализа исторических фактов и событий в жизни общества. Поэтому для уяснения понимания сущностной взаимосвязи юридической природы государства и религиозных объединений многие исследователи используют наиболее распространенный метод научного исследования, выраженный в виде периодизации основных фактов и событий общественной и государ-

ственной жизни, который применяется, по выражению Е.Г. Коробовой, «сразу ко всей совокупности общественных отношений в рамках конкретного государства»¹. Что позволит определить содержание и предназначение в структуре государственного механизма одного из существенных видов

¹ См. подр.: Коробова Е.Г. Взаимоотношения государства и церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 8.

общественных отношений — государственно-конфессионального.

Рассматривая генезис анализируемых общественных взаимоотношений через сущностную взаимосвязь, устанавливаемую между институтами государства и религиозными объединениями, необходимо отметить, что в дореволюционной России данные отношения современные исследователи характеризуют в трех самостоятельных классических исторических периодах, так как, по мнению П.Б. Афанасьева, «проблема распространения правовых норм на религиозные отношения, а также проникновение религиозных норм в сферу права по-разному находила свое разрешение»², это:

1) становление древнерусской симфонии «священства и царства» в условиях рецепции Византийских традиций древнерусским обществом (988–1448 гг.) (П.Б. Афанасьев, Е.Г. Коробова);

2) патриархальный период симфонии «священства и царства» в условиях централизации политической власти на основе теократических идей в Московском государстве (1449–1700 гг.) (П.Б. Афанасьев, Е.Г. Коробова);

3) синодальный период реализации симфонии «священства и царства» в условиях образования абсолютной монархии в Российской империи (1700–1917 гг.) (П.Б. Афанасьев) в виде фиктивной теократии (Е.К. Коробова).

Характеризуя специфику эволюции государственно-конфессиональных отношений в рамках конституционно-правовых идей реализации свободы совести и вероисповедания в общественно-политической жизни России, А.А. Со, О.Н. Петюкова отмечают, что в дореволюционном периоде исторического развития общественных отношений в российском обществе было значительно меньше существенных фактов и событий, позволяющих выделить государственно-конфессиональные отношения в самостоятельные периоды. А следовательно, обосновывая свои утверждения, они объединяют большие хронологические отрезки времени с 988 г. вплоть до начала XX в. в виде следующих исторических периодов:

1) первый период (988–1917 гг.), который характеризуется закреплением православного христианства как господствующей религии, введением на этой основе единой общеобязательной церковно-монархической идеологии, вероисповедных запретов

² См. подр.: Афанасьев П.Б. Природа правового регулирования религиозных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 3.

и ограничений (А.А. Со). О.Н. Петюкова несколько дальше отводит временные параметры данного периода вплоть до октябрьских событий 1917 г., который окончился, по ее мнению, утверждением основ религиозной свободы, посредством равенства всех религий, а также покровительства государства всем религиозным культам;

2) второй период А.А. Со предлагает установить с марта 1917 по 1918 г. включительно. Наиболее значимые события в рассматриваемом отрезке времени связаны с принятием Временным правительством постановлений от 22 (9) марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», от 14 (1) июля 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 (1) июля 1917 г. «О свободе совести», которые сняли все юридические ограничения в отношении населения по признаку религии, а также допускалось вневероисповедное положение граждан, восстановлен институт патриаршества³.

По итогам революционных октябрьских событий 1917 г. государственно-конфессиональные отношения получают новый исторический вектор своего политико-правового развития, причем его поступательное развитие граничило с «крайними» мерами реализации вплоть до конца XX столетия. В отечественной юриспруденции данный период рассматриваемых взаимоотношений получил свое наименование как «советская модель государственно-конфессиональной политики».

В Советском государстве правовые формы государственно-конфессиональной политики были тесно переплетены с неправовыми формами, которые также получали юридическое закрепление, при этом создавая, по выражению О.Н. Петюковой, «причудливые политико-правовые образования»⁴.

Крупным исследователем данного периода исторических событий в реализации государственно-конфессиональной политики государства является М.И. Одинцов⁵.

М.И. Одинцов, анализируя советскую модель государственно-конфессиональной политики, делает вывод о том, что в ее ре-

³ Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 18.

⁴ Петюкова О.Н. Правовые формы отношений государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 20.

⁵ См. подр.: Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.

лизации не было единой генеральной линии, как не было единой линии поведения у руководителей органов управления, занимавшихся религиозной политикой. Поэтому в Советском государстве своеобразно и причудливо сочетались элементы предшествующих моделей церковной политики: «традиционной», «самодержавной» (с опорой на православную церковь); «буржуазной» (с проведением реформ, обеспечивающих религиозную свободу), и «социалистического» (в понимании идеологов компартии) элемента с преимущественной ориентацией на обеспечение прав атеизма как политико-правовой идеологии в виде сужения сферы действия и влияния религии и религиозных организаций в обществе.

В различные периоды советской истории, по мнению М.И. Одинцова, преобладали то одни, то другие элементы, которые определяли в целом характер государственно-конфессиональных отношений, а потому ее содержание и направленность неправомерно было сводить лишь к идее «атеистического государства», «диктату» и «вмешательству» государства во внутренние дела религиозных организаций и частную жизнь граждан⁶.

Анализируя советский период развития государственно-конфессиональных взаимоотношений, О.Н. Петюкова последовательно предлагает выделить следующие самостоятельные, исторически значимые периоды реализации государственно-конфессиональной политики:

— осень 1917 по 1921 г. — характеризуется бессистемным преследованием Русской православной церкви при одновременном поощрении некоторых других конфессий на уровне закона. Проведена кампания по вскрытию святых мощей;

— 1922 по 1928 г. — связан с эволюцией политико-правовых форм государственно-конфессиональных отношений. Окончание Гражданской войны, введение НЭПа потребовали изменение религиозной политики в сторону ее смягчения, выразившегося в разрешении функционирования религиозных монастырских коммун и артелей. В 1922 г. государство организовало обновленческий раскол;

— 1929 по 1938 г. — целенаправленная государственная репрессивная политика с последующим вытеснением религиозных организаций из экономической и политико-правовой сферы общества;

— 1939 по 1945 г. — выражен в изменении вектора государственной политики в отношении Русской православной церкви. Развитие получает расширение спектра неправовых форм государственно-конфессионального взаимодействия, которое получило юридическое закрепление.

Используя историографический анализ исследования научных материалов, А.Н. Марченко в своей работе предлагает выделить следующие периоды советской политики в вопросах государственно-конфессиональных взаимоотношений:

— 1920–1930 гг. — период негативного формирования у населения взгляда на религию и церковь, основанного на пропагандистских штампах;

— конец 1930-х — середина 1950-х гг. — период осмысления истории и опыта антирелигиозной борьбы первых двух десятилетий Советской власти, влияние Великой Отечественной войны на государственно-конфессиональные отношения, подведение итогов проделанной атеистической работы;

— с середины 1950-х — до конца 1980-х гг. — анализ юридических проблем, связанных с развитием советского законодательства в области регулирования вопросов религии, основанного на доминировании партийно-классового подхода. Религиозные объединения определялись как враждебная советскому строю сила, противодействующая социалистическому и коммунистическому строительству. В то же время появляются работы, содержащие положительную оценку патриотической деятельности конфессии в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. Осуществляется принятие концепции развитого социализма и соответствующей ей новой советской конституции, которое вызвало потребность оценить положение религиозных организации в СССР как субъектов советского права.

Более того, хронологический отрезок с 1954 по 1964 г. А.Н. Марченко дополнительно выделяет в два самостоятельных этапа:

— 1954–1959 гг. — на этом этапе антирелигиозные мероприятия властей были направлены на постепенное ограничение религиозной деятельности Русской православной церкви, выразившееся в отсутствии единой программы действий властных структур;

— с 1960 по 1964 г. — характеризуется принятием государственного курса на полное уничтожение религии в СССР, ликвидацию организационной структуры Русской православной церкви в соответствии с иде-

⁶ Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 163.

ологической установкой КПСС на быстрое построение «коммунизма»⁷.

Е.Г. Коробова несколько сузила советский период государственно-конфессиональных взаимоотношений с переходом в настоящее время, выделив лишь два существенных периода развития рассматриваемых взаимоотношений:

— 1917–1991 гг. — характеризуется нелегальным статусом церкви в квазитеократическом государстве;

— 1991 г. по настоящее время — развитие теократически-монархических идей⁸.

А.А. Со, характеризуя послереволюционные периоды развития государственно-конфессиональных взаимоотношений, предлагает выделить три исторических этапа, а именно:

— с 1918 г. по 1990-е гг. — период антирелигиозной политики государства, для которого характерна дискриминация и прав верующих и религиозных объединений;

— с 1990-х гг. до 1997 г. — характеризуется демократизацией правового режима свободы вероисповедания, предоставлением гарантий свободной деятельности всем религиозным конфессиям;

— 1997 г. по настоящее время — связан с обеспечением реализации свободы вероисповедания с учетом специфики социального партнерства государства и религиозных объединений тех конфессий, которые, по мнению государства, внесли значительный вклад в становление и развитие российской государственности (православие, ислам, буддизм, иудаизм)⁹.

Анализируя вышеуказанные предложенные обобщенные периоды исторического развития государственно-конфессиональных взаимоотношений, трудно согласиться с предложенной периодизацией в указанных хронологических отрезках времени.

Так, в частности, российская дореволюционная государственность имеет богатый исторический опыт и политико-правовое наследие построения и развития различных видов государственных и общественных взаимоотношений, в том числе и вероисповедного.

По нашему мнению, исследователи, которые рассматривают колоссальный исторический отрезок времени 998–1917 гг. на основе двух либо трех существенных пе-

риодов общественно-политических событий, утрачивают из своего внимания богатое историческое политико-правовое наследие, которое позволяет более детально разобраться во всех особенностях общественного и государственного устройства рассматриваемого хронологического отрезка времени, выявить благодаря сохранившимся памятникам отечественного законодательства и детально разобраться в динамике развития рассматриваемых взаимоотношений между государством и обществом в зависимости от воздействия внутренних и внешних факторов.

Поэтому без внимания многих исследователей остались либо частично затронуты вопросы реализации и развития государственно-конфессиональных взаимоотношений в периоды становления национального самосознания в Киевской Руси, феодальной раздробленности Древней Руси, политико-правового господства Золотой Орды, централизации политической власти в Московском государстве и т.д. Так как каждое историческое событие, по сути, связано с колоссальными изменениями в общественно-политическом устройстве государства, концептуальным пересмотром политико-правовой идеологии построения и развития отечественной государственности, правовой системы.

Также без внимания остался и именнейшей высочайший Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», который А.К. Тихонов охарактеризовал как изменивший «всю межконфессиональную ситуацию в Российской империи — уравнивая права остальных основных религиозных конфессий с православием», что позволило в последующем строить межконфессиональную политику уже по совершенно другим принципам¹⁰.

В советском периоде государственно-конфессиональных взаимоотношений слабо научно рассмотрены, исследованы и проработаны первые послевоенные годы Великой Отечественной войны, хронологический отрезок времени до празднования 1000-летия крещения Руси с точки зрения политико-правового анализа рассматриваемой проблематики.

Поэтому, учитывая объемность и сложность одной из рассматриваемых юридических категорий общественных взаимоотношений — государственно-конфессиональных

⁷ Марченко А.Н. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона (1958–1964 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. С. 14–16.

⁸ Коробова Е.Г. Указ. соч. С. 7.

⁹ Со А.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII — начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. С. 26.

отношений, скудность сохранившихся и дошедших до нас памятников отечественного законодательства, многогранность рассматриваемого общественного явления и ее особый научный интерес со стороны исследователей истории, философии, социологии, политологии и других областей наук, предлагаем хронологически провести историко-правовой и политико-правовой анализ становления и развития рассматриваемой правовой конструкции в отечественной правовой системе на основе следующих исторических периодов:

— становление национальной государственности и религиозного самосознания в условиях рецепции византийской концепции «симфонии священства и царства» в Древней Руси (IX–XIV вв.). По выражению Н.А. Бердяева, «Россия киевская» — страна церквей;

— правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в период господства Золотой Орды (XIII–XV вв.). «Россия времен татарского ига», сохранившая нравственно-религиозную идеологию «святости Руси»¹¹;

— генезис правовых форм реализации государственно-конфессиональных отношений в условиях централизации политико-правовой власти в Московском государстве (XV–XVII вв.). «Россия московская», в которой, по мнению Н.А. Бердяева, русский народ считал себя избранным богом на основе исключительности веры, отраженной в политико-правовой доктрине «Москва — третий Рим» в виде царского могущества, «мощи государства»¹²;

— синодальная система реализации государственно-конфессиональной полити-

ки в Российской империи (XVIII — начало XX в.);

— вероисповедальные реформы в условиях утверждения основ религиозной свободы (начало XX в. — 1917 г.);

— государственно-конфессиональная политика Советского государства (1917–1991 гг.);

— Государственно-конфессиональные отношения в условиях правовой регламентации и реализации свободы совести и свободы вероисповедания (1991 г. по настоящее время).

Указанная хронология рассматриваемых государственно-конфессиональных взаимоотношений, предполагаем, не является исчерпывающей. Более того, каждый указанный период, вполне вероятно, содержит самостоятельные хронологические отрезки, характеризующие особенности реализации рассматриваемых взаимоотношений между институтами государства и религиозных объединений на основе влияния различных сфер общественной жизнедеятельности. Однако установленные примерные хронологические ориентиры позволяют исследователю более подробно провести анализ различных обстоятельств, оказавших существенное влияние на реализацию тех или иных общественных отношений, в том числе и в отношении реализации государственно-конфессиональной политики.

Таким образом, понимание специфики того или иного общественного явления, условий реализации государственно значимых политико-правовых задач должно быть первоначально обосновано и проанализировано на основе исторически сложившегося опыта рассматриваемого взаимоотношения, выделено в самостоятельные хронологические отрезки времени с учетом доктринальных позиций исследователей.

¹¹ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М. ; Калуга : Облиздат, Алир, 2002. С. 27.

¹² См. подр.: Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. С. 6–10.

Литература

1. Афанасьев П.Б. Природа правового регулирования религиозных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Б. Афанасьев. Н. Новгорода, 2008. 29 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. М. : Сварог и К, 1997. 540 с.
3. Коробова Е.Г. Взаимоотношения государства и церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Коробова. Тамбов, 2009. 23 с.
4. Марченко А.Н. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона (1958–1964 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Н. Марченко. М., 2008. 64 с.
5. Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) : дис. ... д-ра ист. наук / М.И. Одинцов. М., 1996. 173 с.
6. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И. Одинцов. М. : Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии, 2002. 312 с.
7. Петюкова О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.Н. Петюкова. М., 2011. 53 с.
8. Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России: на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Со. СПб, 2010. 24 с.

9. Тихомиров Л.А. Христианство и политика / Л.А. Тихомиров. М. ; Калуга : Облиздат, Алир, 2002. 616 с.
10. Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII — начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / А.К. Тихонов. СПб., 2008. 46 с.

References

1. Afanasyev P.B. Priroda pravovogo regulirovaniya religiozny'kh otnosheniy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Nature of the Legal Regulation of Religious Relationships : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / P.B. Afanasyev. Nizhny Novgorod — Nizhny Novgorod, 2008. 29 s.
2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Sudba Rossii [The Russian Idea. The Fate of Russia] / N.A. Berdyaev. Moskva : Svarog i K — Moscow : Svarog and Co, 1997. 540 s.
3. Korobova E.G. Vzaimootnosheniya gosudarstva i tserkvi v Rossii: problemy' tipologii i periodizatsii v aspekte voploscheniya idei teokratii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Interrelations between the State and the Church in Russia: Issues of Typology and Periodization in a Theocracy Idea Implementation Aspect : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.G. Korobova. Tambov — Tambov, 2009. 23 s.
4. Marchenko A.N. Khrushchevskaya tserkovnaya reforma i ee vliyanie na vnutritserkovnyuyu zhizn po materialam uralskogo regiona (1958–1964 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Khrushchev's Church Reform and Its Influence on the Internal Church Life Based on Files of the Ural Region (1958 to 1964) : author's abstract of thesis of ... Doctor of History] / A.N. Marchenko. Moskva — Moscow, 2008. 64 s.
5. Odintsov M.I. Gosudarstvenno-tserkovny'e otnosheniya v Rossii (na materialakh otechestvennoy istorii XX veka) : dis. ... d-ra ist. nauk [State-Church Relationships in Russia (Based on Files of the National History of the XX Century) : thesis of ... Doctor of History] / M.I. Odintsov. Moskva — Moscow, 1996. 173 s.
6. Odintsov M.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obschestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: the History, Interrelations with the State and the Society] / M.I. Odintsov. Moskva : Tsentralny'y dom dukhovnogo naslediya, Obyedinenie issledovatelye religii — Moscow : Central House of Spiritual Heritage, Association of Religious Researchers, 2002. 312 s.
7. Petyukova O.N. Pravovy'e formy' otnosheniy Sovetskogo gosudarstva i Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1917–1945 gg. : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Legal Forms of Relationships between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in 1917 to 1945 : author's abstract of thesis of ... Doctor of Law] / O.N. Petyukova. Moskva — Moscow, 2011. 53 s.
8. So A.A. Konstitutsionno-pravovy'e osnovy' svobody' veroispovedaniya i deyatelnosti religiozny'kh obyedineniy v Rossii: na primere subyektov Rossiyskoy Federatsii Severo-Zapadnogo federalnogo okruga : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Constitutional Law Bases of the Freedom of Worship and the Activities of Religious Associations in Russia: on the Example of Constituent Entities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.A. So. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2010. 24 s.
9. Tikhomirov L.A. Khristianstvo i politika [Christianity and Politics] / L.A. Tikhomirov. Moskva ; Kaluga : Oblizdat, Alir — Moscow ; Kaluga : Regional Publishing Center, Alir, 2002. 616 s.
10. Tikhonov A.K. Politika Rossiyskoy imperii po otnosheniyu k katolikam, musulmanam, iudeyam v posledney chetverti XVIII — nachale XX v. : avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk [The Policy of the Russian Empire in Relation to Catholics, Muslims, Jews in the Last Quarter of the XVIII to the Early XX Century : author's abstract of thesis of ... Doctor of History] / A.K. Tikhonov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2008. 46 s.